

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС
АДОЛЬФО БИОЙ КАСАРЕС
библиотека классического детектива

ДЖОН ДИКСОН КАРР

УБИЙСТВО
В МУЗЕЕ
ВОСКОВЫХ
ФИГУР

СЕДЬМОЙ КРУГ

ДЖОН
ДИКСОН
КАРР

УБИЙСТВО
В МУЗЕЕ
ВОСКОВЫХ
ФИГУР

Роман

Санкт-Петербург
Издательство "АЗБУКА"
2000

УДК 82/89
ББК 84.7 США
К 21

Печатается по изданию:
*Карр Дж. Д. Зловещий шепот;
Убийство в музее восковых фигур. М., 1994.*

Перевод с английского В. Артемова

Карр Дж. Д.
К 21 **Убийство в музее восковых фигур: Роман /**
Пер. с англ. — СПб.: Азбука, 2000. — 272 с.
ISBN 5-267-00244-5

Джон Диксон Карр — классик детективного жанра, «вечный соперник» великой Агаты Кристи. Напряженная интрига, парадоксальное развитие событий, неожиданная развязка «невозможного» преступления, углубленный психологизм — характерные особенности произведений Дж. Д. Карра.

ISBN 5-267-00244-5

© В. Артемов, перевод, 1994
© В. Пожидаев, оформление
серии, 2000
© «Азбука», 2000

От издателя

Серия «Библиотека классического детектива „Седьмой круг“» — собрание лучших интеллектуальных, психологических детективов, написанных в Англии, США, Франции, Германии и других странах, — была составлена и опубликована за рубежом одним из самых известных писателей XX века — основателем чрезвычайно популярного ныне «магического реализма», автором психологических, фантастических, приключенческих и детективных новелл Хорхе Луисом Борхесом (1899—1986). Философ и интеллектуал, Борхес необыкновенно высоко ценил и всячески пропагандировал этот увлекательный жанр. В своем эссе «Детектив» он писал: «Современная литература тяготеет к хаосу... В наше хаотичное время существует жанр, стойко хранящий классические литературные ценности, — это детектив». Вместе со своим другом, известнейшим аргентинским писателем Адольфо Биой Касаресом, Борхес выбрал из безбрежного моря детективной литературы наиболее, на его взгляд, удачные вещи, и составил из них много томную библиотеку, которая в течение без малого трех десятилетий выходила в Буэнос-Айресе. Среди ее авторов и знаменитые у нас писатели, и популярные писатели-криминалисты, которых знает весь мир, но еще не знают в России.

Борхес нашел разгадку истинной качественности и подлинной увлекательности детектива: роман

должен быть интеллектуальным и фантастичным, то есть должен испытывать читателя на сообразительность и будоражить его воображение, а также делать читателя активным участником волнующих событий. Сам писатель так определял свой критерий: в настоящем детективе «...преступления раскрываются благодаря способности размышлять, а не из-за доносов предателей и промахов преступников».

Детективы из серии Борхеса — это тонкая игра ума и фантазии, оригинальная интрига и непредсказуемая развязка, вечные человеческие страсти: любовь и ненависть, предательство и жажда возмездия, но никакой пошлости, звериной жестокости и прочих эффектов бульварной литературы. Торжество разума и человечности — таково назначение детективного жанра, по Борхесу.

УБИЙСТВО В МУЗЕЕ ВОСКОВЫХ ФИГУР

Роман

ГЛАВА I

В ту ночь на Бенколине не было фрака, и всегдашних ночных заведений чувствовали себя в безопасности.

Дело в том, что об этом денди — охотнике за людьми, главе парижской полиции — ходит легенда, в которую свято верят во всех ночных притонах от Монмартра до бульвара Ла-Шапель. Ведь парижане — даже те, которые имеют основания опасаться полицейских, — обожают эксцентричных детективов. Бенколин имел обыкновение не торопясь обходить ночные заведения — и супермодные, расположенные вверх по улице Фонтэн, и поскромнее, сгрудившиеся вокруг арки Сен-Мартен. Даже в самых грязных районах, которые разместились слева от бульвара Сент-Антуан и о существовании которых и не подозревают туристы, его не раз видели за кружкой пива, слушающим металлическое подвывание мелодии танго в густом облаке табачного дыма. Именно такое времяпрепровождение, по его словам, ему по душе. Бенколину нравится сидеть, не привлекая к себе внимания, перед кружкой пива в разноцветном полумраке и под звуки оглушительного джаза уноситься куда-то мыслями — мыслями, какие только и могут зародиться за его мефистофельским изломом бровей. Однако, говоря «не привлекая к себе внимания», он несколько грешит против истины: его присутствие не более незаметно, чем гром медных труб оркестра. Правда,

Бенколин молчит, только вежливо улыбается и всю ночь дымит сигарой.

Далее легенда утверждает: когда Бенколин появляется в обычном пиджаке, это означает, что он просто решил развлечься. Видя его в таком костюме, хозяева сомнительных кафешек выказывают ему всяческие знаки внимания, низко кланяются и непременно подносят шампанское. Если детектив надевает смокинг, это значит, что он напал на след, но пока только размышляет и присматривается; в этом случае содержатели заведений, хотя и заметно встревоженные, все же сажают его за хороший стол и предлагают чего-нибудь крепкого вроде коньяка. Но уж когда Бенколин появляется во фраке, в придачу в своем знаменитом плаще, цилиндре и с тростью с серебряным набалдашником в руке, когда он улыбается еще приветливее, а фрак у него под левой рукой чуть топорщится — тогда, господа, ждите беды! Хозяин кафе не предлагает ему выпить, оркестр сбивается с такта, официант роняет тарелку-другую, а завсегда-таи спешат поскорее увести своих милашек, пока не засверкали ножи.

Нужно сказать, что легенда эта не выдумка. Я не раз говорил Бенколину, что подобная показуха не к лицу главному детективу города Парижа; строго говоря, задержание преступника вообще не входит в его обязанности, с этим с таким же успехом справится любой младший инспектор. Но говорить с ним на эту тему бесполезно: весь этот процесс доставляет ему колоссальное удовольствие — и будет доставлять до тех пор, пока чей-нибудь более быстрый нож или пуля не настигнут его под газовым фонарем в грязном закоулке какого-нибудь забытого Богом мерзкого квартала, пока его опаловые запонки не упадут в лужу, а спрятанный в трости стилет не замрет, наполовину вытасченный из ножен.

Время от времени я составлял ему компанию в его ночных прогулках — но лишь один раз на Бенколине был вечерний костюм. В ту ночь нам пришлось немало потрудиться, пока на запястьях преступника не защелкнулись наручники. Мой новый цилиндр украсился по меньшей мере двумя дырками, и я ругался на чем свет стоит, а Бенколин посмеивался, когда мы сдавали крикливого джентльмена жандармам. Поэтому, когда октябрьской ночью, с которой и начинается эта история, Бенколин позвонил мне и предложил «прогуляться», это вызвало во мне, как говорят у меня на родине, самые противоречивые чувства. «При полном параде?» — осведомился я. Бенколин ответил, что нет. Это звучало обнадеживающе.

Пройдя под розовыми фонарями бульваров, мы оказались в том грязном, заплеванном и буйном районе вокруг арки Сен-Мартен, где на каждом шагу бордели и то и дело кто-нибудь рядом с тобой вспахивает носом тротуар. К полуночи мы добрались до ночного клуба, где намеревались хорошенько выпить. Среди иностранцев, особенно моих соотечественников, почему-то бытует представление, будто французы не пьянеют. Весело смеясь над этим нелепым предрассудком, мы с Бенколином уселись за столик в углу и, пытаясь перекрычать ор вокруг, заказали бренди.

В подвале было очень жарко, хотя электрические вентиляторы работали вовсю, пробивая туннели в дыму. Голубой прожектор пробежал в темноте по переплетающимся телам танцующих, и от этого чья-нибудь накрашенная физиономия, выхваченная на мгновение из тьмы и тут же снова поглощенная вздыбившейся темной массой, казалась зловещей. Покачиваясь в унисон монотонному завыванию и топоту, оркестр медленно выводил мелодию танго. Снова застонали трубы, зашаркали подошвы, музыка

стала тише, и невнятно гудящие танцоры одновременно сделали пируэт, отчего их тени заплясали по залитым синим светом стенам. Продавщицы, закрыв глаза, медленно скользили в объятиях своих спутников, ведь из всех танцев танго — самый упоительный и самый страстный. Я наблюдал, как выплывали из тьмы и снова растворялись в ней напряженные лица, словно подхваченные черной волной среди ставшего теперь зеленым света; многие из танцоров были пьяны, и все казались неправдоподобными и жуткими, а между взрывами гвалта, когда замолкал стон аккордеона, слышалось мерное жужжание вентиляторов.

— Зачем мы сюда пришли? — спросил я.

Эффектным жестом, звякнув блюдами, официант запустил через стол наши стаканы, и они, вращаясь, остановились точно перед нами.

Не поднимая глаз, Бенколин ответил:

— Не смотрите сразу... Вон тот человек, в углу, через два стола от нас, который так явно прячет от меня глаза...

Я осторожно обернулся. Было слишком темно, чтобы видеть отчетливо, но в какой-то момент зеленый луч прожектора выхватил из тьмы лицо человека, о котором говорил Бенколин. Этот тип развалился на стуле, обнимая сразу двух девиц и смеясь вместе с ними. Во время короткой неестественной вспышки я разглядел блеск черных напояженных волос, массивный подбородок, горбатый нос и недвижно уставившиеся на свет глаза. Все это никак не вписывалось в окружающую банальную атмосферу, но почему — я не мог объяснить. Взгляд этих горящих глаз, шмыгнувший в сторону вслед за лучом, был странным и напомнил мне паука, которого спугнули в своем темном углу лучом карманного фонаря. Я подумал, что при встрече узнаю этого человека.

— Ваша добыча? — спросил я.

Бенколин покачал головой:

— Нет, во всяком случае не сейчас. Но у нас кое с кем назначена встреча... А, вот и он — видите, пробирается к нашему столу? Допивайте.

Человек, на которого он показал, неуверенно пробирался между столиками, явно смущенный окружающей обстановкой. Он был маленького роста, с большой головой и обвислыми седыми бакенбардами. Вдруг в глаза ему ударил зеленый свет; ослепленный, он наткнулся на какой-то столик и растерянно, умоляюще посмотрел на Бенколина. Детектив сделал мне знак, мы встали, и маленький человечек поспешил за нами по направлению к задней комнате. Я бросил взгляд на горбоносого. Он прижал к груди голову одной из девиц и рассеянно перебирал ее волосы, одновременно провожая нас немигающим взглядом... Совсем рядом с эстрадой, где рев музыки был совсем уж оглушительным, Бенколин распахнул неприметную дверцу.

Мы оказались в побеленном коридорчике, под потолком тускло светила электрическая лампочка. Маленький человечек стоял перед нами склонив голову набок, согнувшись и нервно мигая. Его красноватые глаза имели необычное свойство то округляться, то снова сужаться, как будто следуя биению пульса. Неопрятные усы и огромные седые бакенбарды были слишком велики для его костлявого лица, скулы блестели, а лысина казалась присыпанной пылью. Над ушами торчали два пучка седых волос. Порыжевший пиджак черного цвета висел на нем, как на вешалке, и видно было, что он нервничает.

— Я не знаю, чего хочет мсье, — заговорил он визгливо. — Но я пришел. Я закрыл свой музей.

— Джефф, — обратился ко мне Бенколин, — это господин Августин. Он хозяин старейшего в Париже музея восковых фигур.

— Музея Августина, — пояснил маленький человечек. Он наклонил голову и, сам того не замечая, застыл, словно перед фотокамерой. — Все фигуры я делаю сам... Вы ведь слышали о Музее Августина?

Он выжидающе смотрел на меня, и я кивнул, хотя на самом деле впервые слышал о его музее. Музей мадам Тюссо — единственное из подобных заведений, которое я знал.

— Посетителей стало меньше, чем в прежние времена, — вздохнул Августин, покачав головой. — Это потому, что я не перебираюсь в модные районы, не завожу электрической рекламы, не торгую спиртным... Эх! — Он яростно мял свою шляпу. — Чего они хотят? Это же не луна-парк. Это музей. Это искусство! Я работаю, как работал мой отец, ради искусства. Великие люди весьма ценили моего отца...

Он обращался ко мне полувызывающе, полупросительно, горячо жестикулируя и теребя свою шляпу. Бенколин прервал его, двинувшись дальше по коридору, и распахнул одну из дверей.

При виде нас из-за стола, стоявшего посредине убогой комнаты, окна которой были занавешены потрепанными красными портьерами и которая, без сомнения, служила местом мимолетных любовных свиданий, вскочил молодой человек. Подобные места отличаются тошнотворным ароматом пошленьких страстей и дешевой парфюмерии и вызывают в воображении нескончаемую вереницу свиданий под лампой с пыльным розовым абажуром. Молодой человек, выкуривший здесь столько сигарет, что впору было задохнуться, совершенно выпадал из этого антуража. Он был загорелым и по-военному подтянутым; казалось, его короткие черные волосы и темные глаза повидали немало далеких стран. Даже его аккуратно подстриженные усики отличались краткостью военной команды. Чувствовалось, что все время, которое ему пришлось провести в

ожидании, он нервничал и не находил себе места; теперь же, когда ожидание наконец кончилось, в его прищуренных глазах появилась уверенность.

— Приношу вам свои извинения, — начал Бенколин, — за то, что пришлось прибегнуть к подобному месту встречи. Но зато здесь нам не помешают. Позвольте представить: капитан Шомон, господин Марль, мой коллега, и господин Августин.

Молодой человек поклонился без тени улыбки. Очевидно, он не привык к гражданской одежде, и руки его то и дело непроизвольно ощупывали пиджак. Разглядывая Августина, он кивнул, не меняя мрачного выражения на лице.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, это тот самый человек?

— Я вас не понимаю! — возмутился Августин. Усы его воинственно ошетинились, он выпрямился. — Вы ведете себя, сударь, так, словно я обвиняюсь в каком-то преступлении. Я требую объяснений!

— Присядьте, господа, — пригласил Бенколин.

Мы с Августином подвинули стулья к столу, над которым горела лампа под розовым абажуром, а капитан Шомон остался стоять, то и дело притрагиваясь к левой поле пиджака, будто ища там саблю.

— Итак, — продолжал Бенколин, — я задам вам несколько вопросов. Вы не возражаете, господин Августин?

— Разумеется нет, — с достоинством ответил тот.

— Насколько я понимаю, вы уже довольно давно являетесь владельцем музея восковых фигур?

— Сорок два года. И сегодня впервые, — Августин перевел воспаленные глаза на Шомона, и голос его задрожал, — впервые полиция соблаговолила...

— И число посетителей вашего музея невелико?

— Я объяснил вам почему. Но мне нет до этого дела. Я работаю только ради искусства.

— Сколько у вас служащих?

— Служащих?.. — Августин не ожидал такого вопроса и снова замигал. — Ну, только моя дочка. Она продает билеты. Я их проверяю. Все работу делаю сам.

Бенколин слушал его благодушно, даже доброжелательно, зато Шомон так и сверлил глазами, и мне почудилось, что во взгляде этих немало повидавших глаз сквозила неприкрытая ненависть. Шомон сел.

— Вы разве не собираетесь спросить его?.. — обратился он к Бенколину, с силой сцепив пальцы.

— Конечно, — кивнул Бенколин и вынул из кармана фотографию. — Господин Августин, вы видели когда-нибудь эту юную даму?

Перегнувшись через стол, я увидел кокетливо смотрящее с фотографии удивительно красивое, но лишенное пикантности лицо: девушка лет девятнадцати или двадцати, с живыми темными глазами и безвольным подбородком. В уголке стоял штамп самого модного в Париже фотографа. Безусловно, это была девушка из хорошего общества. Шомон смотрел на матовые серо-черные краски фотографии так, будто они резали ему глаза. Когда Августин закончил изучение карточки, Шомон протянул руку и перевернул фото изображением книзу. В желтом круге света лицо его, изможденное, будто отполированное самумом, было бесстрастно, но в глубине глаз полыхал затаившийся пожар.

— Вы, пожалуйста, вспомните хорошенько, — сказал он. — Она была моей невестой.

— Не знаю, — пожал плечами Августин и зажмурил глаза. — Я... нельзя от меня требовать...

— Вы ее видели? — повторил Бенколин.

— Мсье, что это значит? — возмутился Августин. — Вы все смотрите на меня так, будто я... Что вам угодно? Вы спрашиваете меня об этой карточке?

Лицо мне знакомо. Я где-то видел эту девушку, и я никогда никого не забываю. Я всегда изучаю людей, которые приходят ко мне в музей, чтобы схватить... — он вытянул тщедушные ладошки, — чтобы схватить какое-нибудь выражение, оттенок для моих восковых фигур. Понимаете? — Он остановился в нерешительности. Всматриваясь с самым серьезным видом в каждого из нас, он машинально шевелил пальцами, словно разминая воск. — Но я ничего не знаю! Зачем вы вызвали меня сюда? Что я сделал? Я никому не причиняю вреда. Единственное, чего я хочу, — это чтобы меня оставили в покое...

— Девушка на этой фотографии, — пояснил Бенколин, — это мадемуазель Одетта Дюшен. Дочь покойного министра. И теперь она мертва. Последний раз ее видели живой, когда она заходила в Музей Августина, и оттуда она не вышла.

После продолжительного молчания, во время которого старик проводил трясущейся рукой по лицу, сильно нажимая на глаза, Августин жалобно залепетал:

— Господа, я всю свою жизнь был порядочным человеком... Я просто не понимаю, куда вы клоните...

— Она была убита, — продолжал Бенколин. — Ее тело выловили из Сены сегодня днем.

Шомон, глядя на старика через всю комнату остановившимся взглядом, прибавил:

— Вся в синяках. Избитая. И... она умерла от ножевых ран.

Августин глядел на Шомона и Бенколина так, будто они медленно прижимали его штыками к каменной стенке.

— Вы же не думаете, — пробормотал он наконец, — что я...

— Если бы я так думал, — сказал Шомон, внезапно улыбнувшись, — я бы вас придушил на месте. Мы хотим, чтобы вы помогли нам... Насколько я

знаю, это уже не первый такой случай; господин Бенколин говорит, что полгода тому назад еще одна девушка зашла в Музей Августина и...

— Я об этом ничего не знал!

— Разумеется, — кивнул Бенколин. — Ваш музей — только одно из мест, которые, как нам известно, она посетила. Мы полагали, что вы, сударь, вне подозрений. Кроме того, ту девушку так и не нашли; не исключено, что она исчезла по собственной воле. Таких случаев сколько угодно.

Невзирая на испуг, Августин заставил себя спокойно встретить пристальный взгляд детектива.

— Почему, — спросил он, — мсье так уверен, что мадемуазель... м-м-м... Дюшен вошла в мой музей и потом из него не вышла?

— Я вам отвечу, — вмешался Шомон. — Я был обручен с мадемуазель Дюшен. Сейчас я в отпуске и нахожусь дома. Мы обручились год назад, и с тех пор я ее не видел. За это время она сильно переменилась... но это к делу не относится. Вчера мадемуазель Дюшен и ее подруга, мадемуазель Мартель, должны были встретиться со мной в пять часов в Павильоне Дофин. Но Одетта повела себя... как-то странно. В четыре часа позвонила мне, сказала, что встречу придется отменить, но никак этого не объяснила. Я позвонил мадемуазель Мартель и выяснил, что и ей сказали то же самое. Я почувствовал, что тут что-то не так, и тут же поехал к мадемуазель Дюшен домой. Когда я приехал, она как раз отъезжала от дома в такси. Я поймал другое и последовал за ней. — Шомон напрягся, на скулах его заиграли желваки. — Не вижу причин оправдывать свои действия. У жениха есть кое-какие права... Особенно я забеспокоился, когда понял, в какой район она направляется: молодой девушке в этих трущобах совсем не место. Одетта отпустила такси перед Музеем Августина. Меня это озадачило: она никогда

не говорила, что интересуется восковыми фигурами. Меня так и тянуло войти вслед за ней... но у меня есть своя гордость.

Перед нами стоял человек, никогда не дававший волю чувствам; человек, воспитанный в суровых и благородных канонах, которые Франция веками вырабатывала для своих офицеров. Шомон обвел нас всех взглядом, который не нуждался в комментариях.

— Я прочитал на вывеске, что музей закрывается в пять. Оставалось всего полчаса, и я стал ждать. Когда музей закрылся и она не вышла, я предположил, что она воспользовалась другим выходом. Кроме того, я был рассержен, что пришлось столько времени проторчать без толку на улице. — Подавшись вперед, он задумчиво и требовательно поднял на Августина глаза. — Сегодня, узнав, что она не приходила домой, я отправился в музей, чтобы выяснить, в чем дело, и мне сказали, что в музее нет другого выхода. Как это понять?

Августин вскочил, отбросив стул.

— Но он есть! — воскликнул он. — Там есть еще один выход!

— Не для публики, полагаю, — заметил Бенколин.

— Нет... нет, конечно же нет! Он выходит в переулок за музеем... Дверь в задней стене, за фигурами, куда я хожу включать освещение. Это служебный ход. Но мсье сказал...

— И он постоянно заперт, — продолжал Бенколин как бы в раздумье.

Старик всплеснул руками:

— Ну и чего вы от меня хотите? Скажите же что-нибудь! Вы что, собираетесь арестовать меня за убийство?

— Нет, — покачал головой Бенколин. — Мы хотим взглянуть на ваш музей, это раз. И еще хотелось бы все же узнать, приходилось ли вам видеть эту девушку.

Августин, пошатываясь, оперся обеими руками о стол и наклонился почти к лицу Бенколина. Глаза у него то расширялись, то сужались, создавая какое-то странное, жутковатое впечатление.

— В таком случае, — сказал он, — я вам отвечу: да. Да! Потому что в музее что-то происходит, и я не могу понять что. Я спрашивал себя, уж не схожу ли я с ума... — Он поник головой.

— Присядьте, — предложил Бенколин. — Присядьте и расскажите нам все.

Шомон перегнулся через стол и мягко подтолкнул старика к стулу. Августин сел и принялся покачиваться на стуле, постукивая пальцами по нижней губе.

— Не знаю, сможете ли вы понять, что я имею в виду, — заговорил он, недолго помолчав. Теперь голос его стал четче и бодрее: чувствовалось, что он давно ждал возможности излить душу. — Цель, иллюзия, дух музея восковых фигур — это атмосфера смерти. Она безмолвна и неподвижна. От дневного света она, как сон, отгорожена каменными гrotтами, в ней слышно лишь эхо, она пропитана сумрачным зеленым светом, как будто в глубинах бездонного моря. Вы понимаете меня? Там все мертво, все застыло в жутких или величественных позах. В моих пещерах — подлинные сцены прошлого. Марат, заколотый в своей ванне. Людовик Шестнадцатый, кладущий голову на гильотину. Бледный как мел Бонапарт — он умирает в постели в маленькой коричневой комнатке на Святой Елене, за окном завывает шторм, в кресле дремлет слуга... — Казалось, маленький человечек говорил сам с собой, но при этом он цепко держал Бенколина за рукав. — И понимаете ли, это безмолвие, это недвижимое скопище героев далекого прошлого — это мой мир. Я думаю, что мой музей напоминает кладбище, потому что состоит из фигур, навсегда застывших в позах,

в каких находились в момент смерти. Но это единственная фантазия, которую я себе позволяю. Я не воображаю, будто они живы. Сколько раз по ночам проходил я меж своих фигур, перешагивал через ограждение, стоял совсем близко от них! Я наблюдал за мертвым лицом Бонапарта, представляя себе, будто и в самом деле присутствую при его агонии, и мне казалось, что я вижу трепет свечи, слышу шум ветра и бульканье у него в горле...

— Что за дьявольская чушь! — взорвался Шомон.

— Нет... Дайте договорить! — умоляющим тоном проговорил Августин, и голос его был далеким, как будто потусторонним. — Господа, после таких фантазий я чувствовал себя опустошенным, я дрожал и обливался слезами... Но, понимаете, я никогда не верил, что мои фигуры в самом деле живые. Если бы одна из них шевельнулась, — голос его пронзительно зазвенел, — если бы одна из них когда-нибудь шевельнулась у меня на глазах, я бы, наверное, сошел с ума.

Вот чего он боялся. Шомон снова сделал нетерпеливый жест, но Бенколин остановил его. Ухватившись рукой за подбородок, детектив с возрастающим интересом наблюдал из-под набухших век за Августином.

— Вы никогда не усмехались, глядя на посетителей музеев восковых фигур? — заторопился старик. — Иные заговаривают с восковыми фигурами, принимая их за живых людей... — Он взглянул на Бенколина, который согласно кивнул. — А другие, наоборот, принимают стоящих неподвижно таких же посетителей, как они, за экспонаты и вздрагивают, стоит тем пошевелиться... Ну так вот, в моей Галерее ужасов есть фигура мадам Люшар, — вы ведь слышали об этой убийце?

— Я сам отправил ее на гильотину, — коротко отозвался Бенколин.

— Ага! Вы понимаете, мсье, — взволнованно продолжал Августин, — некоторые из фигур — мои старые друзья. Я с ними разговариваю. Я их люблю. Но эта мадам Люшар... Я ничего не мог поделывать, даже когда лепил ее. Я видел, как зло под моими пальцами обретает форму в воске. Это был шедевр, но он пугал меня. — Его передернуло. — Она стоит у меня в Галерее ужасов, такая хорошенькая, скромно сложив ручки — ну прямо невеста, — в меховой горжеточке и маленькой коричневой шляпке... И вот однажды ночью, несколько месяцев тому назад, закрывая музей... клянусь вам — я видел, как мадам Люшар в своей меховой горжетке и коричневой шляпке идет по залитой зеленым светом галерее!..

Шомон стукнул по столу кулаком.

— Пойдемте. Он сумасшедший! — воскликнул он в отчаянии.

— Да нет, конечно, мне просто показалось... Она стояла на своем обычном месте. Но вы, мсье, — Августин пристально взглянул на Шомона, — вы лучше послушайте, потому что это имеет к вам отношение. Мадемуазель, которая пропала, вы говорите, была вашей невестой? Ну что ж! Вы спрашиваете, помню ли я вашу невесту. Я вам отвечу. Она пришла вчера, примерно за полчаса до закрытия. В главном зале находилось всего два-три человека, и я обратил на нее внимание. Я стоял у двери, которая ведет вниз, в Галерею ужасов; она поначалу подумала, что я сделан из воска, и с любопытством меня разглядывала. Красивая девушка, ничего не скажешь... Потом, разобравшись что к чему, она спросила у меня, где сатир.

— Какой еще сатир? — выдохнул Шомон. — Что она имела в виду?

— Одну из фигур в галерее. Но послушайте! — Августин наклонился вперед. Его седые усы и ба-

кенбарды, обтянутое сухой кожей костлявое лицо с бледно-голубыми глазами — все дрожало от искреннего возбуждения. — Она поблагодарила меня и направилась вниз, а я решил пойти ко входу — посмотреть, сколько еще до закрытия. Уходя, я бросил взгляд назад... По обе стороны лестницы тусклый зеленоватый свет отражался от грубых каменных стен. Мадемуазель была почти у самого поворота, я слышал ее шаги и видел, как она осторожно идет по ступенькам. И потом, я мог бы в этом поклясться, я увидел на лестнице еще одну фигуру, которая молча шла за ней... Это была восковая фигура мадам Люшар, убийцы с топором из моей галереи, в ее меховой горжетке и маленькой коричневой шляпке.

ГЛАВА II

Сухой, надрывный, звенящий голос оборвался. Шомон скрестил руки на груди.

— Вы либо отъявленный мерзавец, — сказал он резко, — либо и в самом деле сумасшедший.

— Спокойно! — вмешался Бенколин. — Скорее всего, господин Августин, вы видели живую женщину. Вы не проверяли?

— Я испугался, — с несчастным видом ответил старик; казалось, он вот-вот разрыдается. — Но я знал, что никого похожего за весь день в музее не было. Я так испугался, что не смог заставить себя догнать и взглянуть ей в лицо: я боялся увидеть восковые черты и стеклянные глаза. Я отправился ко входу и спросил дочь, которая дежурила у дверей, не продавала ли она билета женщине, похожей на мадам Люшар. Она была уверена, что не продавала.

— Как же вы тогда поступили?

— Пошел к себе и выпил бренди. Меня преследуют простуды. Я не выходил из комнаты до закрытия...

— Значит, вы в тот день не проверяли билеты?

— Было так мало посетителей, мсье... — Старик шмыгнул носом и потускневшим голосом продолжил: — Я вам первым рассказываю об этом. А вы говорите, я сошел с ума. Возможно. Не знаю. — Он опустил голову на руки.

Немного подождав, Бенколин поднялся, надел мягкую темную шляпу, скрывавшую его узкие непроницаемые глаза; от крыльев носа к уголкам его рта пролегли глубокие морщины. Он сказал:

— Поедем в музей.

Мы вывели Августина, который, казалось, не видел ничего вокруг, обратно в шумное кафе, где мелодия танго все еще звучала с убийственной силой. Мои мысли вернулись к тому первому человеку, которого мне показал Бенколин, — с кривым носом и странными глазами. Он сидел в том же углу, между пальцами дымилась сигарета, и, судя по неестественной позе и помутневшему взору, он был пьян. Девушки оставили его. Он взирал на высокую стопку блюд на столе перед собой и криво улыбался.

Когда мы поднялись по лестнице на улицу, крикливые огни площади уже несколько поблекли. Огромная каменная арка Сен-Мартен черной глыбой высилась на фоне небес, ветер рвал потрепанные рыжие одежды деревьев и гнал по мостовой мертвые листья, отчего казалось, будто по улице шаркают маленькие торопливые ножки. В окнах редких кафе официанты переворачивали стулья. Двое нахохлившихся полицейских, о чем-то беседовавших на углу, отдали Бенколину честь. Мы перешли бульвар Сен-Дени и повернули направо, на Севастопольский. Мы никого не встретили, но меня не оставляло чувство, что из-за всех дверей за нами наблюдают, что при нашем приближении вжимаются в стены какие-то мрачные фигуры и что, когда мы проходим мимо опущенных жалюзи, там, в этих крошечных островках света, на мгновение прекращается какая-то тайная, не для посторонних глаз, деятельность.

Улица Сен-Апполин — коротенькая и узкая, и ставни на домах там замкнуты так тщательно, словно

за ними происходит что-то запретное. На углу находится шумный бар с танцевальным залом, и за его грязноватыми шторами еще мелькали тени; больше на всей улице не было ни одного проблеска света, за исключением освещенного номерного знака на доме 25. Прямо напротив него мы остановились перед высоким порталом с витыми каменными колоннами и обитыми железом дверями. Давно не чищенная вывеска с золотыми, почти неразличимыми в полутьме буквами гласила: «Музей Августина. Коллекция чудес. Основан Ж. Августином в 1862 году. Открыт с 11 до 17 и с 20 до 24».

В ответ на звонок Августина громыхнул засов и дверь отворилась. Мы очутились в маленьком вестибюле, по-видимому открытом днем для публики. Он освещался несколькими пыльными электрическими лампочками, расположенными на потолке в форме буквы А. Позолоченные надписи на стенах повествовали об ужасах высшего качества, поджигающих нас внутри, и о познавательном значении наглядного ознакомления с пытками испанской инквизиции, с мученичеством первых христиан, растерзанных львами, и с рядом знаменитых людей в момент, когда их закалывали, пристреливали или душили. Наивность этих объявлений не умаляла их заманчивости. Человек, не способный возбудить в себе здоровое любопытство ко всему ужасному, должен умереть и получить право на похороны. Из всей нашей компании, как я заметил, на все эти надписи с наибольшим интересом посматривал, казалось бы, самый трезвый и прозаичный из нас — Шомон. Когда он считал, что на него никто не смотрит, его карие глаза впитывали каждое слово.

Что до меня, то я смотрел на девушку, которая впустила нас. Очевидно, это и была дочь Августина, хотя она совсем не походила на отца. У нее были темные волосы, стянутые на затылке в пучок, гус-

тые брови, прямой нос и черные глаза, отличавшиеся такой всепроникающей наблюдательностью, что казалось, будто они глядят вам прямо в душу. Она смотрела на отца так, словно удивлялась, что он не попал на улице под машину или не свалился в Сену.

— Ах, папа, — живо заговорила она, — это полицейские, да? Так вот, господа, из-за вас нам пришлось закрыться раньше и мы потеряли выручку. — Она недовольно нахмурилась. — Надеюсь, теперь-то вы скажете, что вам уютно? Вы ведь не стали слушать папин бред?..

— Пожалуйста, моя дорогая, прошу тебя, — ласково прервал ее отец. — Пожалуйста, пойд и включи все лампочки в музее...

— Ну нет, папа, — резко возразила она. — Сделай это сам, а я хочу поговорить с ними. — Она сложила руки на груди и в упор смотрела на Августина, пока он не кивнул и с жалкой улыбкой не отправился отпирать стеклянную дверь в глубине вестибюля. Тогда она заговорила вновь: — Будьте добры, господа, пройдите сюда. Папа вас позовет.

Через дверь справа от билетной кассы она провела нас в жилые помещения. Мы оказались в гостиной — плохо освещенной комнате, полной кружев, кистей, мишуры и пропахшей вареной картошкой. Девушка села за стол, продолжая при этом держать руки сложенными на груди.

— Он совсем как ребенок, — пояснила она, кивнув в сторону музея. — Говорите со мной.

Бенколин коротко изложил факты, опустив то, что поведал нам Августин. Говорил он самым непринужденным тоном, создавая впечатление, что ни девушка, ни ее отец не имеют ни малейшего отношения к убийству. Но, наблюдая за мадемуазель Августин, я понял, что именно этот тон показался ей подозрительным. Она неподвижно смотрела на

Бенколина, который тем временем с самым беспечным видом разглядывал комнату из-под тяжелых век. Мне показалось, что у нее немного сбилось дыхание.

— А мой отец сказал что-нибудь по этому поводу? — спросила она, когда детектив закончил.

— Только одно, — ответил Бенколин. — Он не видел, как она уходила.

— Это правильно. — Ногти сложенных на груди девушки рук вонзились в ее плечи. — Зато я видела.

— Вы видели, как она уходила?

— Да.

Я снова увидел, как у Шомона на скулах заходили желваки.

— Мадемуазель, я не люблю противоречить женщинам, — сказал он, — но вы ошибаетесь. Я все время стоял у выхода.

Девушка посмотрела на Шомона так, словно увидела его только сейчас, и медленно смерила его взглядом с ног до головы. Офицер не моргнул глазом.

— Вот как? И сколько же времени вы, сударь, оставались там?

— Еще минут пятнадцать после закрытия.

— Вот как? — повторила девушка. — Тогда все понятно. Выходя, она остановилась поговорить со мной. Я выпустила ее, когда двери уже давно были закрыты.

Шомон потряс кулаками, словно перед ним была стеклянная стена, из-за которой, недостижимая, на него смотрела эта женщина.

— Ну, тогда все наши проблемы решены, — пробормотал Бенколин, улыбаясь. — Вы проболтали с ней с четверть часа, мадемуазель?

— Да.

— Конечно. Только по одному пункту у нас есть еще кое-какие неясности... — Бенколин нахмурился. — Мы предполагаем, что у нее пропало кое-что

из одежды. Как она была одета, когда вы с ней разговаривали?

— Я не заметила, — поколебавшись, тихо ответила мадемуазель Августин.

— Ну что ж, — вскричал Шомон, выпрямляясь, — тогда скажите нам хотя бы, как она выглядела! Можете?

— Обыкновенно. Как многие.

— Блондинка или брюнетка?

Она снова заколебалась, затем поспешно проговорила:

— Брюнетка. Карие глаза. Большой рот. Невысокая.

— Мадемуазель Дюшен действительно была темноволосой, но она была довольно высокого роста, и у нее были голубые глаза. Боже мой! — воскликнул Шомон, снова сжимая кулаки. — Зачем вы лжете?!

— Я сказала правду... Может быть, я ошиблась. Вы должны понять, что за день тут проходит множество людей и у меня не было особых причин запомнить именно эту девушку. Должно быть, перепутала. Но это не меняет дела: я выпустила ее отсюда через пятнадцать минут после закрытия и с тех пор больше не видела.

В этот момент вернулся Августин. Увидев застывшее лицо дочери, он поспешно заговорил:

— Господа, я зажег свет. Если вы желаете провести тщательный осмотр, надо захватить фонари, там не очень светло. Пожалуйста, мне нечего скрывать.

Прежде чем повернуться к двери, Бенколин задержался в нерешительности. В этот момент Августин локтем задел абажур, и лампа бросила яркий желтый свет на лицо детектива. Обозначились высокие скулы, задумчивые глаза со сдвинутыми бровями, беспокойно оглядывающие комнату...

— Такое соседство! — бормотал он. — Такое соседство!.. У вас есть здесь телефон, господин Августин?

— В моей берлоге, мсье, в кабинете. Я провожу вас туда.

— Да, да. Мне он нужен немедленно. И еще одно... Мне кажется, вы сказали, мой друг, что когда мадемуазель Дюшен вошла вчера в музей, она задала странный вопрос: «Где сатир?» Что она имела в виду?

Августин выглядел немного обиженным.

— Мсье никогда не слышал, — спросил он, — о Сатире Сены?

— Никогда.

— Это одна из моих самых удачных работ. Не реальный человек, а плод фантазии, понимаете? — быстро объяснил старик. — Речь идет об одной из самых популярных парижских легенд — о чудовище в образе человека, которое живет в Сене и за-таскивает туда молодых женщин, чтобы утопить. Я думаю, эта легенда имеет под собой какую-то реальную основу... У нас здесь есть документы, если хотите, можете взглянуть.

— Понятно. А где эта фигура?

— При входе в Галерею ужасов, у основания лестницы. Меня за нее очень хвалили...

— Проводите меня к телефону. Если у вас есть желание осмотреть музей, — повернулся он к нам, — идите, я скоро к вам присоединюсь. Прошу вас, господин Августин.

Тем временем девушка уселась в старое кресло-качалку у лампы и взяла со стола рабочую корзинку. Сосредоточенно глядя своими черными глазами на иголку, в которую она продевала нитку, она холодно проговорила:

— Господа, дорога вам известна. Я не буду вам мешать.

Она принялась раскачиваться в кресле, энергично орудуя иглой по рубашке в красную полосу и придав лицу выражение оскорбленной хранительницы домашнего очага. Но наблюдать за нами продолжала.

Мы с Шомоном вышли в вестибюль. Он вынул портсигар и предложил мне сигарету; закуривая, мы взглянули друг на друга. Это место было впору Шомону, как сделанный по мерке гроб. Он натянул шляпу до самых бровей, глаза его блуждали, будто выискивая врага.

Вдруг он поинтересовался:

— Вы женаты?

— Нет.

— Обручены?

— Да.

— А! Тогда вы в состоянии понять, что это значит. Я сам не свой. Вы должны простить мне некоторую рассеянность и неловкость. С того момента, как я увидел тело... Давайте войдем.

Я испытывал странное чувство близости с этим подавленным, пышущим здоровьем, лишенным возбуждения молодым человеком, внезапно оказавшимся в столь непривычных для себя обстоятельствах. Когда мы миновали стеклянные двери музея, он двинулся вперед осторожными плавными шагами; сразу было видно, что ему приходилось воевать под безжалостным солнцем. Но теперь я видел на его лице выражение, граничащее с благоговением...

От одной только царившей в музее тишины меня бросило в дрожь. Здесь пахло сыростью и еще — если только можно это описать такими словами — платем и волосами. Мы находились в огромном гроте, протянувшемся почти на восемьдесят футов; свод его подпирали каменные колонны причудливой формы. Грот был залит зеленоватым светом, источник которого я не смог определить, — подобно

зеленоватой воде, этот свет искажал очертания, делал их призрачными, и поэтому арки и столбы, казалось, непрерывно колебались, меняя свою форму, как игрушечные гроты в аквариуме для рыбок. Мне померещилось даже, что они покрыты переливчатыми наростами и шевелят бледно-зелеными щупальцами.

Но ужаснее всего было собранное здесь неподвижное общество. Рядом со мной застыл полицейский; можно было бы поклясться, что он настоящий, только что не разговаривает. С обеих сторон вдоль стен из-за ограждения на нас взирали молчаливые фигуры. Они смотрели прямо перед собой, как будто — фантазировал я, — знали о нашем присутствии и намеренно прятали от нас глаза. Чуть заметная желтая подсветка выделяла их на фоне зеленого сумрака. Думерг¹, Муссолини², принц Уэльский³, король Альфонс⁴, Гувер⁵, идола спорта, сцены и экрана, все знакомые и выполненные с недюжинным мастерством. Но они, как нетрудно было почувствовать, были только своего рода делегацией по приему, уступкой респектабельности и сегодняшнему дню, которая имела целью подготовить вас к тому, что лежало за ними. Я невольно испугался, увидев на скамейке, ближе к середине грота, женщину, которая сидела не двигаясь, а рядом с ней приткнувшегося в углу мужчину, похоже

¹ Гастон Думерг (1863—1937) — президент Франции в 1924—1931 гг. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Бенито Муссолини (1883—1945) — фашистский диктатор Италии в 1922—1943 гг.

³ Принц Уэльский — титул, присваиваемый наследнику английского престола. Вероятно, имеется в виду старший сын Георга V (1865—1936) Эдвард VIII (1894—1972).

⁴ Король Альфонс — Альфонс XIII (1886—1941), король Испании в 1902—1931 гг., из династии Бурбонов.

⁵ Герберт Кларк Гувер (1874—1964) — 31-й президент США (1929—1933).

пьяного в доску. Я вздрогнул, сердце екнуло, но я тут же сообразил, что это всего лишь муляж.

Я неуверенно шел все дальше по подземелью, и шаги мои эхом отдавались от стен. Я прошел в фуге от этой застывшей на скамейке фигуры со сползшей на глаза соломенной шляпой и почувствовал почти непреодолимое желание потрогать фигуру, чтобы убедиться, что она не заговорит. Когда в спину тебе смотрят стеклянные глаза, это так же неприятно, как когда тебя сверлит взглядом живой человек. Я слышал сзади шаги Шомона; остановившись возле скамейки, он с подозрением разглядывал пьянчужку...

Грот заканчивался ротондой, которая была почти полностью погружена во мрак, и только вокруг фигур светились слабые ореолы подсветки. С арочного прохода на меня с ухмылкой смотрела отвратительная морда. Шут перегнулся вниз, подмигивая и словно пытаясь дотянуться до меня погремушкой. От моих шагов слабо звякнули колокольчики на его костюме. Здесь, в темной ротонде, эхо приобретало какую-то мертвенную тяжесть; здесь еще резче пахло пылью, платьем и волосами, а восковые фигуры стали еще более жуткими. Гордо выпятил грудь д'Артаньян, положив руку на шпагу. В глубине вырисовывался какой-то гигант в черных доспехах, с занесенным над головой топором. Затем я заметил еще один проход под аркой, тускло освещенный зеленым фонарем, а за ним лестничный пролет, спускающийся между каменными стенами в Галерею ужасов. Одной только этой надписи над проходом было достаточно, чтобы я остановился в нерешительности. Надпись недвусмысленно извещала о том, что вас ждет, и, подобно всем другим однозначно определенным вещам, не вызывала во мне неистребимого желания проверить ее истинность. Эта лестница сжимала вас своими стенами, толкая

все дальше вниз, не давая убежать... Здесь, перед входом на лестницу, вспомнил я, старый Августин видел спускавшуюся вниз Одетту Дюшен, и ему показалось, что за ней движется тот страшный фантом без лица — женщина в меховой горжетке и маленькой коричневой шляпке. Я шагнул на лестницу. С каждой ступенькой становилось все холоднее, каждый шаг отзывался раскатистым эхом, которое, казалось, бежало впереди, создавая впечатление, будто кто-то указывает тебе дорогу. Внезапно меня охватило острое чувство одиночества. Мне захотелось вернуться.

Лестница резко повернула, и на фоне грубой, освещенной зеленым светом стены я увидел притаившуюся тень. Сердце у меня застучало. У стены склонилась костлявая фигура — мужчина с сутулыми плечами и лицом, закрытым средневековым капюшоном, из-под которого виднелась длинная челюсть с бледной тенью улыбки. В его руках, полуприкрытая плащом, лежала фигура женщины. Передо мной был самый обыкновенный человек — с той лишь разницей, что вместо выставленной вперед ступни у него было раздвоенное копыто. Сатир! Обычный человек — только мастер гениально изобразил его нечестивую сущность, эти торчащие ребра и угрюмую улыбку. Хорошо еще, что глаза его были в тени...

Постаравшись поскорее проскочить мимо этой источающей яд композиции, я прошел по коридору до места, где он соединялся с еще одной ротондой, ниже уровнем. Здесь фигуры были расставлены в определенном антураже, каждой отводилась часть зала, каждая была шедевром дьявольского искусства. Прошлое затаило здесь дыхание. На фигурах лежала печать смерти, как будто вы видели их через вуаль столетий, каждую в обстановке того времени, к которому она принадлежала. Марат лежит откинувшись на спинку жестяной ванны, челюсть у не-

го отвисла, сквозь посиневшую кожу проглядывают ребра, скрюченная рука вцепилась в торчащий из окровавленной груди нож. Вы видите это воочию — видите, как служанка хватает безразличную ко всему Шарлотту Корде, как солдаты в красных колпаках с разинутыми в немом крике ртами вламываются в запертую дверь, слышите беззвучный вопль страсти и ужаса... А за окнами этой коричневой комнаты струится желтый сентябрьский свет, карабкается по стене виноградная лоза... Вновь оживший старый Париж.

Тут я услышал, как что-то капает...

Меня охватил ужас. Я смотрел на окружающие меня фигуры, скованные смертельным оцепенением, — инквизиторов, орудующих огнем и клещами, короля, кладущего голову на гильотину под яростную дробь беззвучных барабанов, — и мне чудилось, что их неподвижность противна самой природе. Они были куда более отвратительны, эти тени людей, выраженные в цветастые одежды, в своем молчании, чем если бы вдруг заговорили.

Нет, это мне не почудилось. Что-то падало, капля за каплей, медленно-медленно...

Подгоняемый многократным эхом, я кинулся вверх по лестнице. Мне нужен был свет, нужно было видеть живых людей посреди всего этого гнетущего застоя воска и париков. Добежав до последнего поворота лестницы, я попытался взять себя в руки, — я не дам свести себя с ума сборищу каких-то чучел! Это же смешно. Мы с Бенколином весело посмеемся над моими страхами, с бренди и сигаретой в руках, когда выберемся из этого зловещего места.

Вон они, Бенколин, Августин, Шомон; они только еще входили в верхнюю ротонду. Я взял себя в руки и позвал их. Но, видно, что-то в моем лице осталось, потому что они это заметили даже при тамошнем тусклом освещении.

— Черт побери, что с вами, Джефф? — спросил детектив.

— Ничего, — промолвил я, но мой голос выдал, что я говорю неправду. — Я... разглядывал фигуры... там, внизу. Группу Марата. Мне хотелось посмотреть на сатира. Он чертовски хорош, великолепно передана сущность, и эта женщина в его руках...

Августин дернул головой.

— Что? — выдавил он. — Что вы сказали?

— Я сказал, что сатир чертовски хорош, а женщина в...

Августин проговорил словно загипнотизированный:

— Вы, наверное, сошли с ума. В руках у сатира нет никакой женщины.

ГЛАВА III

— Теперь она есть, — сказал Бенколин. — Настоящая женщина. И она мертва.

Он освещал скульптурную группу лучом большого фонаря, а мы сгруппировались вокруг.

Восковая фигура сатира была слегка прислонена к стене в том месте, где лестница делала очередной поворот. Его руки были изогнуты и сложены таким образом, что тело маленькой женщины, пристроенное там, не нарушало равновесия всей фигуры. (Как я узнал позже, восковые фигуры делаются на стальном каркасе и могут выдержать и значительно большую нагрузку, чем вес миниатюрной девушки.) Основная тяжесть тела приходилась на правую руку и грудь сатира, голову девушки частично прикрывала другая рука, и грубая ткань плаща была наброшена на верхнюю часть ее тела... Бенколин направил луч света вниз. Нога сатира, поросшая жесткими волосами, его раздвоенное копыто были в крови. У основания фигуры расширялась на глазах темная лужица.

— Выньте-ка ее оттуда, — коротко бросил Бенколин. — Осторожней, не сломайте чего-нибудь. Ну же!

Мы высвободили почти невесомое тело и положили его на каменную площадку лестницы. Тело было еще теплым. Бенколин перевел луч света на лицо женщины. Ее карие глаза были широко раскрыты, в них застыли боль, ужас и потрясение; обес-

кровленные губы приоткрылись, синяя, плотно сидевшая на голове беретка сбилась набок. Луч фонаря медленно пробежал по всему ее телу...

У моего локтя слышалось тяжелое дыхание. С трудом сохраняя видимость спокойствия, Шомон произнес:

— Я знаю, кто это.

— Ну? — поинтересовался Бенколин, не поднимаясь с колен и не поворачивая головы.

— Клодин Мартель. Лучшая подруга Одетты. Это та девушка, с которой мы должны были пить чай в тот день, когда Одетта отменила свидание и... О Боже! — крикнул Шомон и ударил кулаком по стене. — Еще одна!

— Еще одна дочь бывшего министра кабинета, — задумчиво промолвил Бенколин. — Графа де Мартеля. Правильно?

Он посмотрел на Шомона на первый взгляд бесстрастно, но на скуле у него запульсировал нерв, и лицо Бенколина сделалось таким же зловещим, как у сатира.

— Точно, — кивнул Шомон. — Как... как она умерла?

— Нож в спину. — Бенколин перевернул тело на бок, чтобы нам стало видно пятно на левой стороне ее голубого жакета. — Должно быть, попали прямо в сердце. Пуля не вызвала бы такого обильного кровотечения... Ну, дьявол за это поплатится! Посмотрим-ка... Никаких следов сопротивления. Платье не смято. Абсолютно ничего, только вот это.

Он указал на тоненькую золотую цепочку на шее у девушки. По-видимому, она носила на ней какой-то предмет, пряча его на груди под платьем, но сейчас концы цепочки были расстегнуты, и предмет, чем бы он там ни был, пропал. Замок цепочки зацепился за воротник жакетки, потому она и не упала.

— Нет... определенно никакой борьбы, — негромко произнес детектив. — Руки расслаблены, пальцы распрямлены; удар был мгновенным, очевидно прямо в сердце. Так, а где ее сумочка? Проклятье! У нее должна была быть сумочка! Куда же она делась?!

В нетерпении шаря вокруг лучом фонарика, он случайно осветил лицо Августина. Скрючившийся самым невероятным образом старик цеплялся за саржевое одеяние сатира и, когда свет ударил ему в глаза, зарыдал.

— Теперь вы меня арестуете! — дискантом завопил он. — Но я не имею к этому никакого отношения! Я...

— Замолчите! — оборвал его Бенколин. — Нет, постойте. Встаньте вон там. Эта девушка, мой друг, умерла менее двух часов назад. Вы в какое время закрылись?

— Вскоре после половины двенадцатого, мсье. Как только мне сказали, что вы меня ждете.

— А перед тем, как закрыться, спускались сюда?

— Я всегда это делаю, мсье. Некоторые лампы не связаны с главным пультом наверху, приходится их обходить, чтобы выключить.

— Значит, здесь никого не было?

— Нет! Ни души!

Бенколин посмотрел на часы:

— Без четверти час. С тех пор как вы здесь были, прошло чуть больше часа... Я полагаю, эта девушка не могла проникнуть сюда через главный вход?

— Невозможно, мсье! Моя дочь никому, кроме меня, не откроет. У нас специальный звонок, как условный сигнал. Но вы можете сами спросить у нее...

Луч фонарика пробежал по полу лестничной площадки, затем поднялся вверх по стене. Фигура

сатира стояла спиной к стене лестничной площадки, так что посетители, спускающиеся по лестнице, видели ее в профиль. В дальнем углу лестницы Бенколин задержал луч. Там была лишь тусклая зеленая лампа, которая служила для подсветки снизу капюшона сатира и давала недостаточно света, чтобы разглядеть кирпичную кладку; однако яркий свет фонаря позволил увидеть, что часть стены была деревянной и только выкрашена под камень.

— Понятно, — пробормотал детектив. — А это, я так понимаю, еще один вход в музей?

— Да, мсье! Там узкий проход, который ведет вниз, в Галерею ужасов; по нему я добираюсь до спрятанных лампочек. Потом, за этой, есть еще одна дверь...

Бенколин резко повернулся:

— Куда она ведет?

— Она... там начинается коридорчик, выходящий на Севастопольский бульвар. Но я никогда не открываю эту дверь! Она всегда на замке!

Круг света медленно переместился с порога деревянной двери к основанию статуи. Между ними тянулась извилистая дорожка кровавых брызг. Осторожно, чтобы не наступить на них, Бенколин подошел к двери и толкнул ее. Часть нарисованной каменной стены подалась внутрь. Стоя за спиной детектива, я увидел душный закуток со ступеньками, спускавшимися к Галерее ужасов, а также — параллельно ложной деревянной стенке — еще одну массивную дверь. Я чувствовал на своем рукаве трясущиеся пальцы Августина, пока Бенколин осматривал при свете фонарика замок внешней двери.

— Замок типа «Йель», — заключил он, — и язычок не заблокирован. Во всяком случае, сегодня ночью этой дверью пользовались.

— Вы хотите сказать, что она открыта?! — вскричал Августин.

— Отойдите! — с раздражением бросил Бенколин. — В этой пыли могут быть следы ног.

Он вытащил из кармана платок, обернул его вокруг пальцев и повернул ручку внешней двери.

Мы оказались в невысоком каменном проходе, параллельном задней стене музея. Очевидно, это был своего рода коридор между этим домом и соседним, — какой-то давно забытый строитель перекрыл его сверху жестью и деревянными стропилами, так что в высоту он едва достигал семи-восьми футов. В полумраке можно было различить только голую кирпичную стену соседнего дома и, много дальше, тяжелую дверь без ручки. Коридор утыкался в кирпичную стену, но в конце его, справа, просматривался слабый свет, который проникал с улицы; был слышен даже шелест шин и приглушенные гудки автомобилей.

Шаря по мокрым каменным плитам, луч фонаря Бенколина вдруг высветил белую женскую сумочку из моющейся замши с разбросанным вокруг содержимым. Как сейчас вижу контрастный черный орнамент на ее белой поверхности, мерцание серебряного замочка... У кирпичной стены напротив валялась черная маска домино с оторванной с одной стороны резинкой. Каменные плиты у основания стены были забрызганы кровью.

Бенколин глубоко вздохнул и повернулся к Августину:

— А что вам известно об этом?..

— Ничего, мсье! Я прожил в этом доме сорок лет, но не пользовался этой дверью и десяти раз. Ключ... я даже не представляю, где он может быть!

Детектив криво улыбнулся:

— А ведь замок сравнительно новый. И дверные петли смазаны. Ну, ничего!

Я пошел за ним к выходу на улицу. В конце вымощенного каменными плитами коридора оказа-

лась-таки дверь. Она была распахнута настежь... Бенколин тихонечко присвистнул.

— Вот, Джефф, — тихо сказал он мне, — настоящий замок. Пружинный, с секретом против воров, называется «бульдог». Совершенно не поддается вскрытию. И все-таки дверь открыта! Черт побери! Интересно... — Глаза его шарили по сторонам. — Когда эта дверь затворена, коридор должен быть в полной темноте. Интересно, есть ли здесь свет? А, вот он.

И он нажал маленькую, почти неразличимую кнопку на стене, футов около шести от пола. Спрятанные между деревянными перекрытиями лампы залили грязный проход мягким светом. Бенколин тут же выключил освещение.

— В чем дело? — поинтересовался я. — Зачем вы погасили свет? Вам же нужно осмотреть все эти вещи...

— Молчите! — быстро, возбужденно проговорил он. — Джефф, впервые в своей практике мне придется нарушить раз и навсегда заведенную у нас процедуру. Наши бы все тут засняли и перекопали, они возились бы здесь до рассвета. Я же должен думать о последствиях, я не могу себе этого позволить... Теперь быстрее! Закроем эту дверь. — Он осторожно притворил ее. — Теперь возьмите носовой платок и соберите все это в сумочку. Мне нужно поскорее осмотреть все остальное.

С того момента как Бенколин переступил порог коридора, он перемещался только на цыпочках. Я последовал его примеру, а он присел у стены, там, где пол был забрызган кровью. Бормоча что-то про себя, Бенколин принялся соскребать с пола и сметать в конверт сверкавшие в лучике фонаря частички. Стараясь ничего не пропустить, я собирал содержимое сумки. Небольшая золотая пудреница, губная помада, носовой платок, письмо, ключ от

зажигания, записная книжка с адресами, несколько денежных купюр и мелочь. Потом Бенколин знаком позвал меня за собой, и мы вернулись через дверцу, замаскированную под стену, назад к площадке сатира.

Но на пороге детектив задержался, подозрительно глядя на зеленую подсветку в углу. Озадаченно насупившись, он оглянулся на две двери позади, и мне показалось, что он на глаз прикидывает расстояние.

— Да, — пробурчал он себе под нос, — да. Если бы эта... — он постучал по раскрашенной двери, — была бы закрыта, а дверь в проход открыта, то через щель был бы виден зеленый свет... — Обернувшись к Августину, он требовательно спросил: — Подумайте хорошенько, мой друг! Вы говорили, что, когда уходили из музея в половине двенадцатого или около того, выключили все лампочки, так?

— Конечно, мсье!

— Все до единой? Вы и теперь в этом уверены?

— Разумеется.

Бенколин постучал себя костяшками пальцев по лбу.

— Тут что-то не так. Я уверен... Лампы — это во всяком случае — были включены. Капитан Шомон, который сейчас час?

Вопрос был настолько неожиданным, что Шомон, сидевший на ступеньках подперев подбородок ладонью, посмотрел на него непонимающе:

— Простите?

— Я спросил, который час.

Смутившись, Шомон вытащил большие золотые часы.

— Почти час ночи, — хмуро ответил он. — Что это вы вдруг заинтересовались?

— Не знаю, — пожал плечами Бенколин. Мне показалось, что он несколько не в себе, и поэтому

я заключил, что мой друг на пути к решению. — Так вот, — продолжил он, — мы оставим тело мадемуазель Мартель на некоторое время здесь. Только еще раз поглядим...

Он снова встал на колени около тела. Оно уже больше не пугало; ничего не выражающие глаза, сдвинутая набок беретка, скованная поза — от всего этого труп казался еще менее реальным, чем восковые фигуры. Сняв с шеи девушки тоненькую золотую цепочку, Бенколин осмотрел ее.

— Рывок был очень сильным, — сказал он, демонстрируя, как натягивается цепочка. — Звенья мелкие, но прочные и соединены намертво.

Когда он поднялся и направился по лестнице вверх, Шомон остановил его вопросом:

— Вы собираетесь оставить ее здесь одну?

— А почему нет?

Молодой человек слегка провел рукой по глазам.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, ей от этого хуже не станет. Но вокруг нее всегда было столько людей... когда она была жива. И место здесь такое гадкое! Меня тошнит от одного его вида. Такое гадкое... Может, я останусь... побуду здесь с ней?

Он стоял в нерешительности, а Бенколин смотрел на него с любопытством.

— Видите ли, — продолжал Шомон с окаменевшим лицом, — я все время вспоминаю Одетту... Боже мой! — И голос его сорвался. — Я не могу...

— Успокойтесь! — прикрикнул на него Бенколин. — Подниметесь вверх вместе с нами. Вам нужно вешишь.

Мы прошли через грот, миновали вестибюль и вернулись в неудобную, безвкусно обставленную квартиру Августина. Решительное поскрипывание кресла-качалки замедлилось, и мадемуазель Августин посмотрела на нас, откусывая кончик нитки.

По-видимому, по выражению наших лиц она догадалась, что мы нашли больше, чем ожидали, к тому же белая сумочка сразу бросилась в глаза. Не говоря ни слова, Бенколин отправился к телефону, а Августин, покопавшись в одном из шкафов, вытащил оттуда небольшую пузатую бутылку бренди. Глаз дочери замерил, сколько он налил Шомону, и она поджала губы. Но тут же снова принялась качаться.

Мне было не по себе. Тикали часы, мерно поскрипывало кресло. Я знал, что эта комната навсегда теперь будет для меня ассоциироваться с запахом вареной картошки. Мадемуазель Августин не задавала никаких вопросов; она держалась напряженно, руки двигались механически. Над рубашкой в красную полоску явно сгущались грозовые тучи... Мы с Шомоном пили бренди, и я видел, что он тоже не сводит с девушки глаз. Несколько раз ее отец пытался заговорить, но все мы продолжали хранить неловкое молчание.

В комнату вернулся Бенколин.

— Мадемуазель, — сказал он, — я хочу задать вам...

— Мари! — воскликнул ее отец измученным голосом. — Я не мог тебе раньше сказать... Это убийство! Это...

— Пожалуйста, успокойтесь, — попросил его Бенколин. — Я хочу спросить, мадемуазель, когда вы включили сегодня вечером лампочки в музее.

Она не стала увиливать, выпрашивать, почему он задает этот вопрос. Твердой рукой девушка положила шитье и ответила:

— Сразу после того, как папа отправился на встречу с вами.

— Какие лампочки вы включили?

— Я повернула выключатель, зажигающий лампочки в центре главного грота и на лестнице, ведущей в подвал.

— Зачем вы это сделали?

Она посмотрела на него безмятежным взором:

— Я поступила абсолютно естественно. Мне показалось, что по музею кто-то ходит.

— Я полагаю, вы девушка не слишком мнительная?

— Нет. — Ни улыбки, ни движения губ; было ясно, что она презирает саму мысль о мнительности.

— Вы пошли посмотреть?

— Пошла... — Так как детектив, подняв брови, продолжал смотреть на нее, она продолжала: — Я осмотрела большой грот, где, как мне показалось, я слышала шум, но там никого не было. Я ошиблась.

— Вы не спускались по лестнице?

— Нет.

— Когда вы погасили свет?

— Не могу сказать точно. Минут через пять, а может быть, больше. А теперь будьте любезны объяснить мне, — заговорила она вызывающе, привстав в кресле, — что значат эти разговоры об убийстве?

— Была убита молодая девушка, некая мадемуазель Клодин Мартель, — медленно пояснил Бенколин. — Ее тело сунули в руки сатиру на повороте лестницы...

Старый Августин дергал Бенколина за рукав. Его лысая, с двумя нелепыми клочками седых волос за ушами, голова по-собачьи тянулась к Бенколину. Покрасневшие глаза умоляюще расширялись и сужались...

— Прошу вас, мсье! Прошу вас! Она ничего об этом не знает...

— Старый дурень! — прикрикнула на него девушка. — Не лезь в это дело. Я сама с ними разберусь.

Он примолк, поглаживая свои седые усы и бакенбарды, всем своим видом показывая, как гордит-

ся дочерью, но в то же время прося у нее прощения. Ее глаза снова бросили вызов Бенколину.

— Так как, мадемуазель? Знакомо ли вам имя Клодин Мартель?

— Мсье, вы что, думаете, я знаю имя каждого из наших посетителей?

Бенколин наклонился вперед.

— Почему вы думаете, что мадемуазель Мартель была посетительницей музея?

— Вы же сами сказали, — со злостью ответила она, — что она здесь.

— Ее убили за вашим домом, в проходе, который выходит на улицу, — пояснил Бенколин. — Вполне возможно, что она никогда в жизни не была у вас в музее.

— Ага! Ну что ж, в таком случае, — пожала плечами девушка, снова принимаясь за шитье, — мы тут ни при чем. Так?

Бенколин вынул сигару и нахмурился; похоже было, что он обдумывает ее последнюю реплику. Мари Августин, казалось, целиком погрузилась в шитье; на лице ее играла улыбка, как будто она только что выиграла нелегкое сражение.

— Мадемуазель, — задумчиво произнес детектив, — я хотел просить вас пройти со мной и посмотреть на тело, о котором идет речь... Но мне вспомнился разговор, который мы с вами вели чуть раньше.

— Да?

— Мы говорили о мадемуазель Одетте Дюшен, молодой даме, которую нашли мертвой в Сене...

Она снова отложила шитье.

— Проклятье! — воскликнула она, стукнув ладонью по столу. — Оставьте вы меня наконец в покое?! Я же сказала вам все, что я об этом знаю!

— Насколько я помню, капитан Шомон попросил вас описать мадемуазель Дюшен. То ли по

забывчивости, то ли по какой другой причине, но вы описали ее неверно.

— Я же сказала вам! Я могла ошибиться. Наверное, я ее с кем-то... с кем-то перепутала.

Бенколин закончил раскуривать сигару и помахал в воздухе спичкой.

— Вот-вот! Совершенно верно, мадемуазель! Вы имели в виду кого-то другого. Не думаю, чтобы вы вообще когда-либо видели мадемуазель Дюшен. Вы не ожидали, что вас попросят ее описать. И вы рискнули, но поторопились и, по-видимому, описали какую-то другую женщину, которая стояла у вас перед глазами. Вот что заставляет меня задуматься...

— Вот как?

— ...задуматься, — задумчиво продолжал Бенколин, — почему именно этот образ вспомнился вам прежде всего. Короче, задуматься, почему вы с такой точностью описали нам мадемуазель Клодин Мартель.

ГЛАВА IV

Бенколин выиграл. Об этом можно было судить по тому, как у Мари Августин чуть заметно задрожала нижняя губа, сбилось дыхание, в глазах на мгновение появился стеклянный блеск, пока ее живой ум метался в поиске лазейки. Затем она расмеялась:

— Послушайте, сударь, я вас не понимаю! Описание, которое я вам дала, подходит к сотням девушек...

— Ага! Значит, вы признаете, что никогда не видели мадемуазель Дюшен?

— Ничего я не признаю!.. Как я сказала, мое описание подошло бы множеству молодых женщин...

— Только одна из них лежит здесь мертвой.

— ...и тот факт, что мадемуазель Мартель по случайности чем-то напоминает женщину, которую я описала, ничуть не больше чем простое совпадение!

— Одну минуту! — остановил ее Бенколин, делая предупреждающий жест сигарой. — Откуда вы знаете, как выглядит мадемуазель Мартель? Вы же ее еще не видели.

Лицо девушки вспыхнуло, она явно была вне себя. Можно было догадаться, что ее злит не столько само обвинение, сколько то, что Бенколин заманил ее в ловушку. Ее бы вывел из себя любой, кто опередил бы ее в словесной пикировке. Она раздра-

женно отбросила волосы назад и принялась лихо-
радожно приглаживать их.

— Не кажется ли вам, — с независимым видом заговорила она, — что вы слишком долго испытываете на мне свои полицейские приемчики? С меня хватит!

Бенколин с отеческой укоризной покачал головой, что еще больше разозлило девушку, и добродушно улыбнулся:

— Нет, в самом деле, мадемуазель! Нам и еще кое-что надо бы обсудить. Я не могу так легко с вами расстаться!

— Полицейские могут себе это позволить.

— Совершенно верно. Так вот. Я полагаю, что, не входя в детали, нам следует признать, что между смертью Одетты Дюшен и Клодин Мартель существует связь, причем очень тесная. Но теперь я перехожу к третьей леди, гораздо более загадочной, чем любая из этих двух. Она просто преследует это заведение. Я имею в виду женщину, лица которой никто не видел, но которая, судя по всему, носит меховую горжетку и коричневую шляпку. Сегодня вечером, рассказывая о ней, ваш батюшка выдвинул интересную теорию...

— О Пресвятая Богородица! — простонала девушка. — И вы слушали рассказы этого старого младенца? Папа, неужели ты рассказал им все это?!

Старик выпрямился с чудаковатым достоинством.

— Мари, не забывай, что я твой отец. Я попытался рассказать им то, что, по моему убеждению, является правдой.

В первый раз за эту ночь холодная, бесстрастная бледность ее лица растаяла от прилива нежности. Мягко ступая, она подошла к старику и обняла его за плечи.

— Послушай, папа... — негромко заговорила Мари, вглядываясь в его лицо. — Ты устал. Пойди и ляг.

Отдохни. Этим джентльменам ты больше не понадобишься. Я могу рассказать им все, что им нужно.

Она бросила на нас вопросительный взгляд, и Бенколин кивнул.

— Ну что же, — неуверенно сказал старик, — если вы не против... Это было такое потрясение. Такое потрясение. Не помню, чтобы я когда-нибудь был так расстроен... — Он сделал слабое движение рукой. — Сорок два года, — продолжал он, и голос его зазвенел, — сорок два года и незапятнанная репутация. Она очень много значит для меня. Да...

Он виновато улыбнулся нам, затем повернулся и нетвердой походкой, ссутулившись, побрел в сторону слабо освещенной спальни. В его словно запыленной лысине отражался тусклый свет лампочек. Потом он растворился в мире салфеточек, набитых конским волосом кресел и тусклых отблесков уличного фонаря, пробивающихся сквозь плотные портьеры. Мари Августин глубоко вздохнула:

— Итак, сударь?

— Вы все еще уверены, что женщина в коричневой шляпке всего лишь выдумка?

— Естественно. У моего отца... бывают кое-какие фантазии.

— Вполне возможно... Есть еще один небольшой пункт, имеющий отношение к тому, о чем я только что говорил. Ваш батюшка упомянул о своей репутации, он человек гордый... Выгодное это дело — содержать музей восковых фигур?

Теперь она была начеку каждую минуту, опасаясь западни, и тут же парировала:

— Не вижу связи.

— Тем не менее она существует. Ваш отец говорил, что беден. Если не секрет, финансовой стороной дела ведаете вы?

— Да.

Бенколин вынул сигару изо рта.

— В таком случае знает ли ваш отец, что в разных банках Парижа на ваших счетах лежит в общей сложности где-то около миллиона франков?

Девушка не ответила, но щеки ее залила мертвенная бледность, а глаза округлились.

— Так что же, — самым непринужденным тоном продолжал Бенколин, — вы ничего не можете сообщить мне в связи с этим?

— Ничего. — Она произнесла это слово хрипло, как будто с трудом. — Кроме того, что вы умный человек. Даже страшно, до чего умный... Вы, конечно, расскажете ему?

Бенколин пожал плечами:

— Не обязательно. А! Вот и мои люди.

С улицы послышался сигнал полицейского автомобиля. Машина остановилась у дома, и до нас донесли голоса. Бенколин поспешил к входной двери. За первой машиной подъехала вторая. Я посмотрел на растерянное лицо Шомона.

— Что, черт побери, — внезапно глухо произнес он, — все это значит? Я ничего не понимаю. Что мы здесь делаем? Что... — Тут он вспомнил, что в комнате мы не одни, осекся и сконфуженно улыбнулся.

Я повернулся к Мари Августин.

— Мадемуазель, — сказал я, — прибыла полиция, и она наверняка перевернет здесь все вверх дном. Если вы желаете пойти отдыхать, я уверен, у Бенколина не будет возражений.

Она серьезно взглянула на меня. Я вдруг осознал, что в более подходящей обстановке она, наверное, выглядела бы красавицей. Избавившись от скованности, ее сильное и гибкое тело приобрело бы грациозность, а красивое платье и грим оттенили бы черты лица и подчеркнули печальный блеск ее глаз. Это видение было так реально, как будто стояло за спиной девушки, одетой в сиротское черное платье. Мари по моему лицу поняла, о чем я думаю,

и какое-то мгновение мы говорили друг с другом не произнося при этом ни слова. Я и не подозревал тогда, что этот момент общности сослужит мне добрую службу уже в самом ближайшем будущем, когда мне будет угрожать смертельная опасность... Девушка кивнула, словно соглашаясь со мной.

— Вы очень непосредственный молодой человек. — Это заговорило видение! На его крепко сжатых губах мелькнула тень улыбки. Сердце у меня оборвалось; мне привиделось, что мираж обретает плоть, что наш немой диалог эхом раздается в комнате... Девушка продолжала: — Вы мне, пожалуй, нравитесь. Но я не собираюсь отдыхать. Хочу посмотреть, что делает полиция.

Через открытую дверь нам было видно, как они протопали в музей: сержант в форме, двое неприметных в фетровых шляпах, фотографии с ящиками и длинными треногами на плечах. Я слышал, как Бенколин отдавал распоряжения. Вскоре он вернулся в комнату в сопровождении одного из типов в фетровых шляпах.

— Инспектор Дюран, — сообщил Бенколин, — будет с этого момента руководить расследованием. Расповайтесь, инспектор. Вы поняли, что я сказал вам относительно прохода?

— Мы будем осторожны, — коротко кивнул тот.

— И никаких фотографий!

— Никаких фотографий. Понял.

— Теперь по поводу этих вещей. — Бенколин подошел к столу, где лежала сумочка вместе с ее содержимым, а рядом — маска домино, которую мы нашли на полу в проходе. — Очевидно, вы захотите взглянуть на эти вещи. Как я вам уже говорил, все они были обнаружены в том коридоре...

Умное, чисто выбритое лицо инспектора склонилось над столом. Бегло осмотрев каждый из предметов, он спросил:

— Насколько я понимаю, сумочка принадлежала умершей?

— Да. Там ее инициалы. По-моему, в сумочке не было ничего существенного, кроме разве вот этого... — И Бенколин достал из кармана маленький клочок бумаги, — по-видимому, оторванный в спешке уголок блокнотного листка. На нем были написаны имя и адрес.

— Ого! — присвистнул инспектор. — Неужели он замешан в этом деле? А, понятно... соседний дом... Задержать его?

— Ни в коем случае! Я поговорю с ним лично.

За моей спиной послышался легкий шум. Это Мари Августин схватила за спинку качалки, и кресло неожиданно скрипнуло.

— Позвольте спросить, — спросила она очень отчетливо, — чье это имя?

— Пожалуйста, мадемуазель. — Инспектор остро глянул на нее из-под полей шляпы. — На бумажке написано: «Этьен Галан, 645, авеню Монтень. Телефон: Елисейские Поля 11-73». Вам знакомо это имя?

— Нет.

Дюран собрался было задать ей еще какой-то вопрос, но Бенколин тронул его за рукав:

— В книжке с адресами ничего интересного. Это вот ключ от машины, водительские права... Еще номер автомашины. Может быть, поручите дежурному постовому посмотреть, не оставлен ли автомобиль где-нибудь поблизости?

Вызванный Дюраном полицейский вошел и отдал честь. Получив указания, он не спешил уходить.

— Разрешите доложить, господа, — сказал он, — это может иметь отношение к делу... — Когда оба, и Бенколин и инспектор, стремительно повернулись к нему, он слегка смутился. — Возможно, это не имеет значения, господа... но сегодня вечером я

видел у дверей музея женщину. Я обратил на нее внимание, потому что за пятнадцать минут дважды прошел мимо нее, а она все стояла под дверью, как будто раздумывая, позвонить или нет. Когда она заметила меня, то отвернулась; кажется, она пыталась сделать вид, будто кого-то ждет...

— Музей был закрыт? — спросил Бенколин.

— Да, мсье. Я обратил на это внимание. Меня это удивило, потому что обычно он открыт до двенадцати, а когда я прошел мимо в первый раз, было только без двадцати. И та женщина тоже, мне кажется, была удивлена.

— Сколько времени она там оставалась?

— Не знаю, мсье. Когда я прошел в следующий раз, уже после полуночи, ее не было.

— Вы бы узнали эту женщину, если бы увидели снова?

Полицейский с сомнением сдвинул брови:

— Ну, там было темновато... Но думаю, узнал бы. Да, я почти уверен.

— Прекрасно, — сказал Бенколин. — Пройдите в музей и посмотрите, не была ли это убитая. Но предупреждаю, не торопитесь с опознанием! Подумайте хорошенько!.. Не показалось вам, что она нервничала?

— Очень нервничала, мсье.

Бенколин отпустил полицейского и бросил быстрый взгляд на Мари Августин.

— Мадемуазель, видели ли вы кого-нибудь за дверью? Может быть, слышали шум?

— Нет!

— Никто не звонил в дверь?

— Я уже сказала вам, что нет.

— Ладно, ладно. И вот еще что, инспектор Дюран. — Бенколин взял со стола маску. — Вот это нашли недалеко от пятен крови. Как я себе представляю, девушка стояла спиной к кирпичной стене

соседнего дома, скажем футах в полутора от нее. Убийца, очевидно, был сзади: судя по тому, как брызнула кровь, он нанес удар сверху под левую лопатку. Об этом говорит направление раны. Так вот, эта маска наводит на размышления... Вы видите — резинка с одной стороны оторвана, словно за нее дернули...

— Дернул убийца?

— А вы как считаете? — Бенколин неопределенно хмыкнул.

Поднеся белую подкладку маски поближе к лампе, Дюран не удержался от восклицания.

— Маску, — сообщил он, — носила женщина. Нижний край маски доходил ей как раз до верхней губы, и здесь осталось пятнышко... — Он поскреб ногтем. — Да, это губная помада. Смазанная, но еще заметная.

Бенколин кивнул:

— Вы правы, ее носила женщина. Что еще?

— Пойдите! А может, маска принадлежала убитой?

— Я тщательно осмотрел труп, инспектор. Девушка не красила губы... Вы видите, помада очень яркая, следовательно, незнакомка была темноволосая, возможно брюнетка. Теперь посмотрите сюда... — Детектив натянул резинку и с громким щелчком отпустил. — Она довольно длинная, а по маске можно заключить, что лицо женщины было небольшим. Значит, эта маленькая женщина носила маску с очень длинной резинкой...

— Разумеется, — понимающе кивнул Дюран, в то время как его начальник выжидающе молчал, — чтобы удерживать ее на длинных и густых волосах.

Бенколин улыбнулся и выпустил облако сигарного дыма.

— Итак, инспектор, мы имеем брюнетку небольшого роста, употребляющую много косметики

и забирающую волосы в пучок. Вот и все, очевидно, что может сказать нам маска. Такое домино можно купить в любой лавке...

— Что-нибудь еще? — осведомился инспектор.

— Только вот это. — Вынув из кармана конверт, Бенколин вытряхнул на стол несколько мелких осколков стекла. — Я нашел их там, на полу, — пояснил он, — а один едва заметный осколочек прилип к стене. Оставляю их вам, инспектор, разберитесь, а я ничего больше сказать не могу. Не думаю, что вы найдете в коридоре следы ног или отпечатки пальцев... А теперь мы с Джеффом и капитаном Шомоном отправляемся на беседу с господином Галаном. После этого я буду у себя; если понадобится, можете звонить в любое время. Это все.

— Мне нужен адрес убитой. Придется сообщить родственникам, что мы забираем тело для вскрытия.

— Дюран, — снисходительно покачал головой Бенколин, — ваша прямолинейность просто восхитительна. Я уверен, что отцу мадемуазель Мартель будет особенно приятно получить сообщение о смерти дочери подобным образом... Нет, нет. Я или вот капитан Шомон сами позаботимся об этом. Но не забудьте сообщить мне заключение хирурга о ране... Ага, а вот и мы! Ну что?

В дверях вырос полицейский с кепи в руках.

— Я видел труп, мсье, — ответил он, — и уверен, что мертвая женщина — не та, кого я видел у музея сегодня ночью.

Дюран и Бенколин переглянулись. Бенколин спросил:

— Могли бы вы описать ту женщину?

— Это нелегко... — Он сделал неопределенный жест. — Было темно, вы понимаете... Думаю, она была хорошо одета. Кажется, блондинка, приблизительно среднего роста...

Дюран надвинул шляпу на лоб.

— Великий Боже, — простонал он, — сколько же здесь побывало женщин? Убитая, затем та, в маске, и теперь еще эта блондинка!.. Еще что-нибудь?

— Да, мсье... — Полицейский снова заколебался. — Насколько я помню, на ней была меховая горжетка и маленькая коричневая шляпка.

После затянувшейся паузы, во время которой Шомон закрыл лицо руками, Бенколин вежливо поклонился мадемуазель Августин.

— Итак, — сказал он, — миф ожил. Желаю вам спокойной ночи, мадемуазель.

Бенколин, Шомон и я вышли на холодную темную улицу.

ГЛАВА V

Давно зная Бенколина, я был уверен: он ничуть не задумается перед тем, чтобы поднять с постели в половине второго ночи любого человека, с которым ему надо поговорить, — и не из желания ускорить дело, а потому, что самому Бенколину все равно, день на дворе или ночь. Он спал там, где сон застигал его, и тогда, когда позволяла служба. Когда он увлекался, то забывал о времени и требовал того же от окружающих. Неудивительно поэтому, что, выходя из музея, он с живостью произнес:

— Если хотите, капитан, можете пойти с нами. Думаю, это будет интересная беседа... Но сначала предлагаю по чашке кофе. Мне нужна информация. Пока что, капитан, вы единственный, кто может дать ее мне.

— Разумеется, я с вами, — сумрачно кивнул Шомон. — Только бы не идти домой, не ложиться в постель... Я просто не смогу! Хорошо бы вообще сегодня не ложиться. — Он с решительным видом обвел взглядом комнату. — Пошли.

Автомобиль Бенколина стоял на углу бульвара Монмартр. Рядом с ним мутно светилося окошко позднего кафе. Столики с улицы еще не забрали, хотя тусклый бульвар был безлюден и только ветер свирепо трещал парусиной тентов. Завернувшись в пальто, мы присели за один из столиков. Высоко над бульваром мерцало то неясное сияние,

тот эфемерный нимб, который по ночам стоит над Парижем; издалека доносился мелодичный шум уличного движения, изредка нарушаемый глухим кваканьем клаксонов. По мостовой, словно в каком-то призрачном танце, метались мертвые листья. Нервы у нас были напряжены до предела. Официант принес нам горячего кофе с коньяком, и я с жадностью отхлебнул из своего стакана.

Шомон сидел с поднятым воротником. Его пробирала дрожь.

— Все это начинает мне надоедать, — сказал он, вдруг помрачнев. — Я не понимаю, к кому мы собираемся? И еще эта погода...

— Человека, с которым мы собираемся встретиться, зовут Этьен Галан, — ответил Бенколин. — Во всяком случае, это одно из его имен. Между прочим, Джефф, вы видели его сегодня вечером: это человек, которого я показал вам в ночном клубе. Что вы о нем думаете?

Я сразу его вспомнил. Правда, зрительный образ почти полностью затерялся в том жутком водовороте, который закружил нас после той встречи; сохранилось лишь воспоминание о зеленых лампах, таких же неприятных, как и в музее, которые бросали отсвет на немигающие глаза и кривую усмешку. «Этьен Галан, авеню Монтень». Он жил на моей улице, а квартиры там стоят недешево; имя его было известно инспектору Дюрану. Казалось, с самого начала вечера призрак этого человека буквально преследовал нас... Я кивнул:

— А кто он такой?

Бенколин нахмурился:

— Этьен Галан, Джефф, очень, очень опасный человек. Сейчас я скажу вам только, что он неким образом связан с событиями сегодняшней ночи. — Детектив передвигал свою чашку туда-сюда по мокрому столу, глаза его ничего не выражали. — Я понимаю,

что вам обоим не слишком нравится работать в такое время, в потемках, но обещаю, что, если только мы застанем его дома, вам многое станет ясно относительно событий сегодняшней ночи. Может быть, вы даже поймете все...

На мгновение он замолчал. В круг яркого света под тентом впорхнул желтый лист и закружил над столом. От холодного ветра у меня начали мерзнуть ноги.

— Нужно известить родителей мадемуазель Мартель, — медленно произнес Бенколин.

— Знаю, знаю. Боюсь об этом думать... Вы не считаете, — заколебался Шомон, — что лучше было бы позвонить по телефону?

— Нет. Но можно подождать до утра. В утренние газеты это происшествие уже не попадет, так что из газет они о нем не узнают. Я знаком с ее отцом. Могу освободить вас от этой миссии, если хотите... Невероятно! — воскликнул он вдруг. — Обе девушки из очень хороших семей. Ладно бы какие-нибудь простушки... Но эти...

— Что вы имеете в виду? — удивился Шомон.

— Может быть, западню, — ответил Бенколин. — Не знаю. Теряюсь в догадках. И все же готов поставить на кон свою репутацию — я не мог ошибиться... Мне нужна информация! Рассказывайте, капитан! Расскажите мне об этих девушках, о вашей невесте и Клодин Мартель.

— Но что вы хотите знать?

— Все, что угодно, все! Я сам выберу важное. Просто рассказывайте.

Шомон устался прямо перед собой.

— Одетта, — начал он низким, хриплым голосом, — была самой красивой...

— Черт побери, да не нужно мне этого! — Бенколин так редко бывал невежлив, что тот факт, что за эту ночь он уже несколько раз забывал о правилах

хорошего тона, заставил меня взглянуть на него с удивлением. Клянусь честью, он грыз ноготь! — Прошу вас, оставьте при себе восторги влюбленного. Расскажите о ней что-нибудь конкретное. Что она была за человек? Кто были ее друзья?

Поставленный перед необходимостью дать определенный ответ, Шомон не находил слов. Несколько сбитый с толку, он смотрел на фонари, на свой стакан, на листья, устилающие тротуар...

— Ну... Ну, она была самой милой... — Покраснев от смущения, он запнулся. — Она живет с матерью. Ее мать — вдова. Одетта любит дом, сад, пение... Да, она очень любила петь! И она боялась пауков: увидев паука, чуть не падала в обморок. И много читала...

И сбивчивой скороговоркой он стал рассказывать дальше, путая настоящее и прошедшее время, с пылкой и трогательной готовностью обшаривая уголки своей памяти. Из моментальных картинок — Одетта срезает цветы в залитом солнцем саду, Одетта скатывается со стога сена — складывался образ доброй, непритязательной и очень счастливой девушки. Шомон говорил об их чистом, серьезном романе, и перед моим мысленным взором вставала девушка с фотографии: милое личико, пышные темные волосы, хрупкая шейка, глаза, не видевшие в жизни ничего, кроме книжек с цветными картинками. О, у этой пары все было невероятно чисто: совместные планы, письма — все под присмотром матушки, которая, судя по описанию Шомона, была вполне светской дамой.

— Ей нравилось, что я офицер, — охотно продолжал Шомон. — Хотя какой из меня вояка! После Сен-Сира¹ меня отправили в колонии, там я немного повоевал, но потом мои родственники забеспокоились

¹ Вероятно, имеется в виду военная школа имени маршала Франции маркиза Лорана Сен-Сира (1764–1830).

и в конце концов добились моего перевода на базу в Марокко. А там какая уж война! Но Одетте было приятно, так что...

— Понимаю, — мягко прервал его Бенколин. — А ее друзья?

— В свет она выходила довольно редко. Ей это не нравилось, — с гордостью заверил нас Шомон. — У них была компания, три девушки, они называли себя Неразлучными, очень дружили. Одетта, и... и... Клодин Мартель...

— Дальше.

— ...и Джина Прево. Они познакомились в монастыре. Сейчас они уже не так близки, как раньше. Хотя... я не знаю. Я так редко бываю в Париже, и Одетта никогда особенно подробно мне не рассказывала, где и с кем видится. Мы просто... просто разговаривали. Понимаете?

— Значит, вы мало знаете о мадемуазель Мартель?

— Н-не совсем так... Она никогда мне особенно не нравилась. — Он распрямил плечи. — Она обожала язвить, постоянно всех вышучивала. Но она умерла, а Одетта ее любила... Не знаю. Я так редко здесь бываю...

— Ясно. А эта мадемуазель Прево, кто она?

Шомон поднял было стакан, но тут же в недоумении поставил его на стол.

— Джина? Ну так, просто приятельница. Заходила иногда к Одетте. Она хотела стать актрисой, насколько мне известно, но семья воспротивилась. Хорошенькая, даже очень, но на любителя. Блондинка, довольно высокого роста.

Наступило молчание. Бенколин, полуприкрыв глаза, барабанил пальцами по столу и время от времени кивал собственным мыслям.

— Нет, — сказал он наконец. — Боюсь, вы не тот человек, который мог бы сообщить нам что-нибудь

существенное об этих девушках. Что ж, ладно! Если вы готовы, — он постучал монетой по блюдечку, подзывая официанта, — мы можем идти.

На Париж наговаривают. Париж рано укладывается спать. Бульвары были безлюдны, и дома смотрели на них пустыми глазницами затворенных ставен, светилося всего несколько скорбных фонарей. Вместительный лимузин Бенколина быстро домчался до центра города, где под электрическими вывесками площади Оперы дремали бледные фонари. Здания серо-голубых тонов купались в ярком свете звезд, и чуть слышно перекликались приглушенные гудки автомобилей. Деревья на бульваре Капуцинов стояли неопрятные, страшные. Мы втроем втиснулись на переднее сиденье. Бенколин вел машину со свойственной ему отвлеченностью, как всегда со скоростью пятьдесят миль в час, ни на минуту, казалось, не озаботившись тем, что он за рулем. Звук нашего клаксона разносился эхом по улице Ройаль, и врывавшийся в открытое окно холодный ветер бросал нам в лицо запах влажной мостовой, каштанов и осеннего дерна. Пробравшись через лес белых фонарей, который называется площадью Согласия, мы свернули на Елисейские Поля. Недолгая бешеная езда вынесла нас из трущоб вокруг арки Сен-Мартен, и мы очутились среди солидных витрин кафе-грилей и подстриженных деревьев — этих благопристойных декораций авеню Монтень.

Я проходил мимо дома номер 645 почти каждый день, поскольку жил всего в квартале от него. Это было большое старое здание; от улицы его отгораживала высокая серая стена, и я ни разу не видел открытыми огромные, выкрашенные в коричневый цвет, с начищенными медными шарами-ручками двери в этой стене. Бенколин дернул за кольцо дверного звонка. Тут же открылась одна из дверей. Я слышал,

как Бенколин быстро перебросился с кем-то парой слов, и, не обращая внимание на слабые протесты, мы вошли в пахнувший сыростью двор. Эти протесты, источник которых я не мог рассмотреть в темноте, преследовали нас до самого дома. Из открытой двери здания вырывался яркий свет; затем его перекрыл хозяин протестующего голоса, который пятился перед нами в прихожую.

— ...Но я же вам сказал, — повторял он, — мсье нет дома!

— Мы подождем, — с очаровательной улыбкой проговорил Бенколин. — Ну-ка встаньте на свет, мой друг, дайте-ка взглянуть, не знаю ли я вас.

С очень высокого потолка свисал светящийся полированный стеклянный шар. Мы увидели очень бледное, с правильными чертами лица, коротко подстриженные волосы и негодующие глаза.

— Ага, конечно, — через мгновение, всмотревшись в это лицо, продолжил Бенколин. — Я вас знаю. Ваша фотография есть в нашей картотеке. Мы подождем господина Галана.

Лакей сощурился, словно от яркого света.

— Как вам будет угодно, мсье.

Нас проводили в комнату в передней части дома — тоже с очень высоким потолком, выдержанную в старинном стиле, с почерневшими от времени золочеными карнизами. Отбрасываемого лампой под абажуром света не хватало, чтобы одолеть царивший здесь сумрак, но я рассмотрел, что стальные ставни на высоких окнах затворены. Несмотря на то что в камине ярко пылали дрова, дом выглядел промерзшим; сама изысканность серой с позолотой резьбы, мраморных с позолотой столов, точеных стульев оставляла чувство, что с тем же комфортом можно было бы расположиться в каком-нибудь музее. В углу нелепо торчала невероятных размеров арфа. Каждый предмет мебели представлял большую цен-

ность, и каждый предмет мебели был абсолютно бесполезен. Интересно, подумал я, что за человек здесь живет?

— Присаживайтесь к огню, господа, — предложил Бенколин. — Не думаю, что нам придется ждать долго.

Слуга исчез. Но он оставил открытыми двойные двери в прихожую, и я видел за ними тусклый свет. Я осторожно опустился на парчовый стул подле камина, откуда был виден свет в холле, и стал гадать, какие шаги нам предстоит услышать. Мне почему-то не хотелось смотреть на огонь, и я решил не упускать из виду эту дверь. Бенколин же сидел глядя на языки огня и погружившись в раздумья; его сухопарая фигура была расслаблена, он подпирал рукой подбородок. Под аккомпанемент потрескивания и шороха догорающих поленьев, то и дело сопровождавшийся вспышками раскаленных угольков, красный свет таинственно играл на его лице. Я слышал шаги не находившего себе места Шомона. С шелестом листьев и скрипом деревянных стропил над домом проносились порывы ветра, и сквозь все эти звуки я скорее угадал, чем услышал, как на башне Дома Инвалидов пробило два...

Это произошло неожиданно. Сквозь полумрак я хорошо видел слабо освещенный прямоугольник двери в холл и даже кусочек входной двери, но не заметил, чтобы кто-нибудь входил в нее, хотя слышал, как чуть звякнул закрывающийся засов. Внезапно в комнату ворвался огромный белый кот. Молниеносно облетев комнату, он застыл перед камином и вдруг самым гнусным образом взвыл.

Гигантская человеческая тень перекрыла прямоугольник света; она уже сняла цилиндр и теперь сбрасывала с плеч плащ. По паркету зазвучали неторопливые шаги.

— Добрый вечер, господин Галан, — сказал Бенколин, не поднимая головы и не отводя глаз от огня. — Я вас ждал.

Когда тень приблизилась, я поднялся, а Бенколин наконец повернулся. Вошедший в комнату человек был почти так же высок, как Бенколин, и обладал могучей мускулатурой, но двигался легко, со своеобразной грацией. Это было первое, что бросалось в глаза, — эта грация, как у белой кошки, чьи немигающие желтые глазищи уставились на меня. Смуглая кожа очень украшала его; пожалуй, он был бы красавцем, если бы не одна деталь: нос у него был сильно свернут набок и имел красноватый цвет. На фоне утонченных черт лица, решительной челюсти, высокого лба, густых черных волос, продолговатых желто-серых глаз, — на фоне этой благородной внешности кривой нос выделялся словно хобот слона... Галан улыбнулся нам; улыбка придавала его лицу теплое, приветливое выражение, которое нос делал чудовищным.

Но прежде чем поздороваться с нами, он наклонился к кошке. Глаза его наполнились нежностью.

— Ну-ну, Мариетта, — проговорил он вполголоса. — Ты не должна так обращаться с моими гостями. Ну же!

У него был хорошо поставленный низкий голос; чувствовалось, что он мог бы играть им, как регистрами органа. Взяв кошку на руки и укутывая ее своим длинным плащом, который еще держался на одном его плече, Галан уселся неподалеку от камина. Желто-серые, пронизательные, почти гипнотические глаза его взирали на нас из-под полуприкрытых век. Короткими, как сардельки, и невероятно мощными пальцами он продолжал гладить кошку по голове. Это был человек, сильный интеллектуально и физически; казалось, он напрягает мускулы

для смертельного прыжка, и вы невольно сжимались, словно готовясь отразить нападение.

— Извините, — проговорил хозяин дома тихим, глубоким голосом, — что заставил вас ждать. Прошло так много времени, господин Бенколин, с нашей последней встречи... Это, — он кивнул в нашу сторону, — ваши помощники?

Бенколин представил нас. Детектив стоял небрежно облокотившись на каминную доску. Галан повернулся сперва к Шомону, потом ко мне и чуть наклонил голову. Потом он снова перевел внимательный взгляд на сыщика. Постепенно по его лицу, как масло, растеклось выражение самодовольства и самоуверенности; он сморщил свой нелепый нос и растянул губы в улыбке.

— Я видел вас сегодня в кафе, — продолжил он задумчиво. — После стольких лет... Мой друг Бенколин стареет, в волосах у него много седины. Нынче я мог бы сделать из него котлету... — Галан расправил широкие плечи под идеально сидевшим смокингом. Пальцы его напряглись, но продолжали ласкать кошку, которая уставилась на нас стеклянными глазами. Внезапно он обернулся ко мне: — Вы, сударь, не понимаете, что бы это могло значить? — Изящнейшим жестом он дотронулся до своего кривого носа. — Ну разумеется! Спросите об этом Бенколина. Это все он...

— Однажды мы дрались на ножах, — объяснил Бенколин, разглядывая рисунок ковра. Он и в самом деле выглядел состарившимся, исхудавшим — таким выдохшимся усталым Мефистофелем. — Господину Галану нравилось считать себя мастером искусства рукопашных схваток апашей¹. Вместо лезвия я ударил его рукояткой ножа...

¹ Апаш (от *фр.* *apache*, по названию индейского племени апачи) — во Франции деклассированный элемент, бандит, хулиган, вор.

Галан ущипнул себя за нос.

— Это, — сказал он, — было двадцать пять лет назад. За эти годы я усовершенствовался. Во Франции не найти человека, который мог бы... Но оставим это. Что привело вас ко мне? — Он рассмеялся, громко и неприятно. — Не вообразили ли вы, что у вас есть что-то против меня?

Как ни странно, последовавшую долгую паузу прервал не кто иной, как Шомон. Обойдя стол, он вышел в освещенную камином часть комнаты, немало постоял в нерешительности, будто прокручивая в голове свои подозрения, а затем с неожиданной горячностью выпалил:

— Послушайте... что вы за демон?

— Как вам сказать... — отозвался Галан. Он не был ни удивлен, ни рассержен; казалось, он просто размышляет вслух. — Господин Бенколин, в свойственной ему поэтической манере, назвал бы меня вождем шакалов, королем моллюсков, великим жрецом демонологии...

Шомон в недоумении смотрел на него, и Галан усмехнулся.

— Ах, отбросы парижского общества, — продолжал он, — сколько романтики сокрыто в этом названии! Господин Бенколин — плоть от плоти буржуазии. У него душа грошового романиста. Он заглядывает в вонючие кафе, где полно рабочих и туристов, и видит в этих людях исчадия тьмы, погрязшие в грехах, одуревшие от наркотиков, с руками по локоть в крови. Отбросы общества. Неплохо звучит!

Видно было, что за этими словами, полными невысказанных намеков и скрытой насмешки, скрывается непримиримая вражда. Эти двое были давними недругами. Их взаимная ненависть была столь же ощутима, как жар, пышущий от огня. Но вместе с тем их разделяла стена, которую Галан не

осмеливался взломать, чтобы наброситься на недруга. Его слова напоминали злобное, бессильное царапанье по этой стене кошачьих когтей...

— Капитан Шомон, — заговорил Бенколин, — хотел бы знать, кто вы. Я немного просвещу его, если вы не возражаете. Начать с того, что у вас ученая степень доктора наук. Вы первый и единственный француз, которому удалось получить должность профессора английской литературы в Оксфорде.

— Ну, допустим.

— Но вы восстали против общества. Вам был ненавистен весь мир, все человечество... К тому же вы считали профессорское жалованье слишком ничтожным для человека из такой семьи, как ваша.

— Предположим, что и это верно...

— Тогда, несомненно, — задумчиво продолжал Бенколин, — мы сможем проследить ваш жизненный путь, исходя из вашего собственного склада ума. Перед нами, скажем мы, человек исключительно яркий, много читавший — пока от книжной мудрости не стала трещать голова; вы склонны к раздумьям, к самоанализу и злы по природе; и вот вы начинаете приглядываться к тому, что называете миром порока, где все моральные категории всего лишь лицемерие. Если человек слывет безупречно честным, значит, он самый жалкий из воришек. Если женщину считают добродетельной, она непременно окажется распутной. Чтобы насытить свою колоссальную ненависть, которая есть не что иное, как ненависть идеалиста, который не нашел себя в этом мире, вы принимаетесь раскапывать прошлое своих друзей, поскольку входите в так называемый высший свет...

Казалось, лицо Галана внезапно окаменело от ярости, и когда румянец снова появился на нем, он расположился в основном вокруг носа, отчего тот чудовищно побагровел. Но Галан не шевельнулся —

он так и сидел уставившись в одну точку и нежно поглаживая кошку.

— Итак, — продолжал Бенколин, — вы объявили высшему свету войну. Это был самый грандиозный и, простите меня, самый бесчестный шантаж, о каком я когда-либо слышал. Вы наняли шпииков, завели гигантскую картотеку, куда заносились каждое письмо, фотография, счет за гостиницу, бланк или его фотокопия; все тщательно сортировалось и ждало своего часа. Вашими жертвами становились только самые известные в стране люди; вы выискивали в их прошлом небольшие оплошности, раздували и приукрашивали их, а потом ждали подходящего момента. Девушка собирается замуж, государственный деятель претендует на высокий пост, перед политиком открывается блестящая карьера... И тут появляетесь вы. Не думаю, что дело только в деньгах. Вы вымогали у своих жертв огромные суммы, но удовольствие получали лишь тогда, когда подрывали чью-нибудь репутацию, ниспровергали очередного идола — короче, когда могли сказать: «Эй, вы, достигшие такого высокого положения, в моей власти свалить вас! Вы думаете, что сумеете подняться на самый верх? Ну что ж, попробуйте!»

Шомон, словно загипнотизированный, придвинул стул поближе и присел на его краешек. Он не сводил глаз с Галана, а негромкий голос Бенколина продолжал:

— Вы понимаете, сударь? Этот человек в самом деле наслаждался своими дьявольскими шутками. Взгляните на него сейчас. Он будет отрицать все, что я говорю, но разве вы не видите на его лице тайного удовольствия?

Галан вскинул голову: его задели за живое не обвинения Бенколина, а тот факт, что детектив увидел эту улыбку наслаждения на его тонких губах...

— Но это еще не все, — медленно проговорил Бенколин. — Я говорил о самом бесчестном шантаже, и это правда. Обобрав свою жертву до нитки, вы все-таки не держали слова — не возвращали улик после того, как за них было заплачено. Вместо этого вы отдавали их в газеты, как и было задумано с самого начала. Ибо вашей истинной целью было погубить человека, дабы в довершение своего триумфа вдоволь потешиться над несчастным... О нет, ваши жертвы не могли подать на вас в суд: вы были слишком осторожны — никогда не писали им, и если угрожали, то только с глазу на глаз, без свидетелей. И все же о вашей деятельности стало известно. Вот почему вас больше не принимают в свете и вот почему с вами днем и ночью ваш телохранитель.

— За ваши слова, — со сдержанной яростью произнес Галан, — я мог бы предъявить вам иск за клевету...

Бенколин засмеялся, устало и злорадно, и постукал костяшками пальцев по каминной доске.

— Но вы этого не сделаете! Разве я не знаю, сударь, что вы только и ждете случая рассчитаться со мной иным способом?

— Возможно, — ответил тот с вкрадчивой любовью.

— Так вот, причина, по которой я явился к вам ночью, — вернулся к начатому разговору Бенколин, едва приметным жестом давая понять, что перешел к сути дела, — заключается в том, чтобы выяснить кое-какие подробности вашего теперешнего бизнеса.

— А!

— О да, мне о нем известно. В некоем районе Парижа было открыто уникальное в своем роде заведение, — кажется, вам нравится название «Клуб Цветных масок»? Идея, правда, сама по себе не нова, но ваше предприятие задумано с изощренно-

стью, о какой другие не смеют и мечтать. Членство в клубе ограничено фамилиями, которые встретишь разве что на страницах «Готского альманаха»¹, и суммы взносов умопомрачительные. Теоретически фамилии членов клуба держатся в полнейшем секрете...

У Галана едва заметно блеснули глаза: он не подозревал, что Бенколину так много известно. И все же он безразлично повел плечами.

— Знаете, — сказал он, — по-моему, вы сумасшедший. Какова же цель этого клуба?

— Дружеское общение мужчин и женщин. Стареющих, несчастливых в браке, ищущих развлечения женщин — и мужчин, жены у которых зануды или деспоты, мужчин, которые жаждут приключений. И вот они встречаются, общаются между собой: женщины в поисках мужчин, которые бы им понравились, мужчины в поисках женщин, которые не напоминали бы им их жен. Они встречаются в вашем большом зале, где мало света и звуки приглушены тяжелыми занавесями, и на всех лицах маски. Можно и не узнать, что очаровательная дама в маске, увлекающая тебя куда-то для интимной беседы, — та самая весьма достойная особа, у которой ты только накануне вечером присутствовал на самом чопорном обеде... Ваши гости сидят и пьют, слушают ваш невидимый оркестр, а потом исчезают в недрах вашего дома тайных свиданий...

— Вы говорите — «мой» большой зал, — прервал его Галан, — «мой» невидимый оркестр...

— Да, я так говорю. Это место принадлежит вам. О нет, разумеется, официально оно не ваше, скорее всего оно числится за некой женщиной. Но все нити у вас в руках.

¹ Справочное издание наподобие нынешнего «Кто есть кто», вышедшее во Франции в 20–30-е гг.

— Пусть даже так — хотя я, конечно, этого не признаю, — но это место совершенно законно. С чего бы это полиции интересоваться им?

— В самом деле, оно законно. Кроме того, оно снабжает вас самыми лучшими основаниями для шантажа, какие только можно вообразить, — ведь члены клуба не знают, что вы его хозяин. И если им так уж хочется продолжать посещать его — что ж, наверное, это их дело... — Бенколин наклонился вперед. — А теперь я скажу вам, почему ваш клуб заинтересовал полицию. В проходе, ведущем в него, — проходе, расположенном непосредственно за музеем восковых фигур, известным как Музей Августина, — сегодня ночью была убита женщина по имени Клодин Мартель. Извольте рассказать мне все, что вам об этом известно!

ГЛАВА VI

Лицо Галана я видел как сквозь туман. Я слышал вздох, вырвавшийся у Шомона, и видел, как он одним прыжком очутился в кругу света, отбрасываемого камином, — но он казался мне бесплотным призраком, потому что перед глазами у меня стоял тот выложенный каменными плитами проход за музеем. В левом его конце я видел солидную дверь без ручки, в правом, выходившем на улицу, — приоткрытую дверь с пружинным замком. Я вспомнил выключатель на стене, с помощью которого можно было зажечь приглушенный свет, и черную маску с оторванной резинкой, валявшуюся подле кровавых пятен...

Откуда-то издалека, словно эхо, отдававшееся от стен этого коридора, доносился до меня учтивый голос Галана:

— Я могу представить доказательства, что никоим образом не связан с клубом, о котором вы говорите. А если я и принадлежу к нему — что из этого? В клубе масса членов. Мне нетрудно будет доказать, что сегодня вечером я к нему и не приближался...

— Да знаете ли вы, что это значит? — вскричал Шомон; его била дрожь.

— Сядьте, капитан! — резким тоном прервал его Бенколин и подошел ближе, как будто опасаясь, что Шомон что-нибудь выкинет.

— Но... если это правда... Боже мой! Вы же в самом деле безумец! Он прав! Вы сошли с ума! Этого не может быть. Это... — В отчаянии озираясь вокруг, Шомон перехватил взгляд Бенколина и как загипнотизированный опустился на стул. Мне померещилось, что он одет сейчас в свою военную форму с кобурой на боку — этот растерянный солдат с запавшими глазами, сидящий на дурацком позолоченном стуле посреди этой с бессмысленной роскошью обставленной комнаты...

Длительное молчание. Одетта Дюшен, Клодин Мартель, Клуб Цветных масок...

— Позвольте мне рассказать еще немного о том, что мне известно, господин Галан, — снова заговорил Бенколин. — Свои замечания вы выскажете нам потом. Как я уже говорил, клуб принадлежит некой даме, которая ведет в нем все дела; ее имя не имеет значения, поскольку, по всей вероятности, оно вымышленное. Далее, контакты с высшим светом — то есть привлечение в клуб новых членов — осуществляет также женщина. Мы пока не знаем имени этой дамы, но ясно, что она принадлежит к высшему свету и предлагает вступить в клуб только тем, кому можно доверять и кто наверняка заинтересуется ее предложением... Но хватит об этом. Итак, заведение у вас роскошное, но весьма уязвимое и небезопасное: ведь стоит родственникам кого-нибудь из членов клуба что-то заподозрить — и вам конец. Думаю, у вас там полно охранников на случай неприятностей. Ведь если в клубе случится какая-нибудь история, подробности которой тут же раздуют газеты, ваши гости побоятся впредь посещать его — и вы банкрот!

Твердой рукой Галан вынул портсигар.

— Будучи не более чем членом клуба, — сказал он, — я, конечно, не могу во всем этом разобраться. Тем не менее, насколько я понял из ваших слов, убийство было совершено в проходе за дверями

заведения. В таком случае клуб может и не иметь к этому отношения!

— Увы, он имеет. Дело в том, видите ли, что этот проход представляет собой на самом деле продолжение клубных помещений. От улицы его отделяет дверь со специальным замком, который всегда заперт. У членов клуба имеется особый ключ к этой двери. Серебряный ключик с выбитым на нем именем владельца. Следовательно... — Бенколин пожал плечами.

— Понимаю. — Галан, все такой же невозмутимый, закурил и задул спичку, явно любуясь собственным хладнокровием. — В таком случае, очевидно, газеты получают полную информацию как о происшествии, так и о самом клубе.

— Газеты не получают ничего.

— Простите?..

— Я сказал, — с очевидным удовольствием повторил Бенколин, — что репортеры ничего не узнают. Собственно, это я и хотел вам сообщить.

После долгой паузы Галан пробормотал:

— Я не понимаю вас, сударь. Именно поэтому я вами восхищаюсь.

— Ни слова о случившемся не проникнет в газеты. Клуб будет функционировать, как и прежде. Вы ни единым словом не намекнете своим знакомым о случившемся сегодня ночью... У вашего заведения есть еще одна интересная особенность. «Цветные маски» не просто пустые слова: мне известно, что их окраска служит своеобразным условным знаком. Те, у кого нет сердечного друга и кто разыскивает себе кого-нибудь по душе, носят черные маски. Ищущие встречи с конкретным лицом надевают зеленые. Наконец, те, кто явился на условленное свидание с определенной особой и ни с кем другим разговаривать не намерен, предупреждают об этом остальных с помощью маски алого цвета. Маска, которую нашли сегодня ночью в проходе,

была черной. Кстати, вы не ответили на мой вопрос — что вы знаете об убийстве?

К этому времени Галан полностью овладел собой; от его напряженности не осталось и следа. Медленно выпуская дым из ноздрей, он откинулся на спинку стула и устремил на Бенколина насмешливый взор.

— Послушайте, я ничего о нем не знаю. Вы говорите, в клубе было совершено преступление? Это печально. Даже трагично. Но я не знаю даже, кто был убит, тем более — как и почему. Может быть, вы мне расскажете?

— Вы знакомы с мадемуазель Клодин Мартель?

Галан нахмурился, глядя на свою сигарету, потом, вздрогнув, поднял глаза. Я готов был поклясться, что смогу различить, когда этот человек лжет, а когда с помощью нехитрой уловки уходит от ответа. Но теперь я терялся — он казался искренне удивленным.

— Да, и что? — сказал он наконец. — Странно, что вы спрашиваете. Это очень хорошая семья. Мы знакомы, правда не слишком близко... Клодин Мартель — член клуба? — Он фыркнул. — Ну и ну!

— Это ложь, — быстро и холодно произнес Шомон. — А скажите, насчет мадемуазель Дюшен...

Я слышал, как Бенколин выругался себе под нос. Вслух он попросил:

— Капитан, сделайте мне одолжение, не вмешивайтесь!

— Дюшен? — повторил Галан. — Дюшен?.. Нет, не помню. Такая распространенная фамилия... А что с ней?

— Мы ею не занимаемся... Давайте продолжим с мадемуазель Мартель, — нетерпеливо проговорил Бенколин. — Ее нашли сегодня ночью заколотой в спину в музее восковых фигур, дверь которого выходит в тот же проход.

— В музее восковых фигур?! Ах да, я знаю, что вы имеете в виду... Это ужасно! Но мне показалось, вы сказали, что она была убита в коридоре?

— Именно так. Потом труп перенесли через открытую дверь в музей.

— Но зачем?

Бенколин пожал плечами. Глаза его блестели: он определенно получал удовольствие от этого разговора. У этих двоих был свой неуловимый для постороннего наблюдателя способ общения, так что можно было представить, что Галан услышал не произнесенные вслух слова Бенколина: «Ну уж это мы выясним». Вслух детектив задал вопрос:

— Вы знакомы с господином Августином или его дочерью?

— Августином?.. Нет. Никогда не слышал... Или... ну да, конечно! Это хозяин музея восковых фигур. Нет, сударь, я никогда не имел удовольствия...

В камине с треском рухнуло полусторевшее плечо, и сноп искр желтыми отблесками отразился на лице Галана. Он воплощал собою заботливое участие — идеальный свидетель, тщательно подбирающий слова своих показаний. За этой маской скрывалось жало издевки. Теперь, когда дело свелось к обычной пикировке, он почувствовал себя вне опасности. Однако неожиданный смех Бенколина нарушил его безмятежность.

— Да ладно вам! — сказал детектив. — Поразмыслите, господин Галан! Может, все же передумаете?

— Что вы имеете в виду?

— Да так, пустяк. Информация, которую я вам только что изложил, — это не моя заслуга. Я получил ее уже давно от нашей агентуры. Но когда я сегодня ночью побывал в музее восковых фигур, мне стали очевидны некоторые факты... — Бенколин так внимательно изучал свою ладонь, словно эти факты были изложены на ней. Поморщившись, он продолжал: —

Как мы знаем, вход с улицы закрывается на секретный замок, от которого каждый член клуба имеет персональный серебряный ключ. Таким образом, для постороннего человека совершенно невозможно проникнуть в клуб с улицы. Но в проход можно попасть и еще одним способом — через заднюю дверь музея. Так вот, учитывая все это, естественно предположить, что хозяева клуба вряд ли пренебрегли бы этим запасным ходом. Разве могла остаться без внимания эта дверь с самым обыкновенным пружинным замком, которая открывается изнутри музея, — дверь, через которую в проход мог забрести любой случайный воришка? Конечно же нет. Потом я заметил, что в дверь музея врезан новенький замок, свежесмазанный и в превосходном рабочем состоянии. И при этом господин Августин совершенно искренне заверил меня, что дверью никогда не пользуются и что он потерял ключи. Однако поведение его дочери заинтриговало меня... Так вот, вывод довольно очевиден — вы согласны со мной? Дочь господина Августина, которая ведет все дела вместо своего довольно дряхлого уже отца, нашла еще один способ зарабатывать на Музее Августина — кроме выставки восковых фигур. Посещение музея было бы великолепным прикрытием для тех гостей, которые особенно боялись разоблачения! Ведь они могли бы заходить в музей, а затем проходить в клуб, не прибегая к помощи ключа, — хотя, разумеется, это было возможно только для членов клуба.

— Минутку! — прервал его Галан, подняв руку. — Но ведь эта мадемуазель Августин не могла не пускать в музей и обычных людей, так ведь? Широкую публику, так сказать...

Бенколин рассмеялся:

— Мой друг, не такой уж я простофиля, чтобы подумать, будто эти две двери — с улицы, с секретным замком, и со стороны музея — единственные

препятствия на пути в клуб. Нет, нет! Чтобы войти внутрь, нужно пройти еще главную дверь в клуб. Она также открывается серебряным ключом, как мне сказали, а затем надо предъявить ключ охраннику. Таким образом, если нет персонального ключа, в клуб войти невозможно.

Галан кивнул. Можно было подумать, будто он слушает историю, которая не имеет к нему ни малейшего отношения.

— Некоторые догадки о роли музея, — продолжал Бенколин, — зародились у меня еще до того, как я попал туда. У нас в полиции, друг мой, работают люди обстоятельные. Существует специальный отдел, поддерживающий контакт с государственным министерством финансов и тремя ведущими банками Франции. Ежемесячно мы получаем списки жителей Парижа, чьи вклады в банках существенно превышают их легальные доходы, и очень часто эта информация рано или поздно оказывается нам полезной. Вчера днем мы обнаружили тело женщины — в последний раз ее видели живой, когда она входила в Музей Августина... Прошу вас, не прикидывайтесь удивленным: было совершено два убийства. Так вот, когда мы об этом узнали, я проверил банковский счет мадемуазель Августин — это наша обычная процедура — и обнаружил, что на нем числится почти миллион франков... Уму непостижимо! Сегодня ночью я понял, откуда взялись эти деньги.

Бенколин вытянул руку, рассматривая свои ногти. Он не смотрел на Галана; зато я смотрел, и мне показалось, что я снова уловил в глубине его глаз выражение самодовольства, злобного торжества, как будто в душе он хохотал, повторяя: «Все равно вам никогда не узнать...» Галан лениво швырнул сигарету в огонь.

— Значит, вы убеждены, что я должен знать эту очаровательную даму?

— А вы все еще это отрицаете?

— Разумеется. Я уже сказал вам, что я всего лишь рядовой член клуба.

— Интересно в таком случае, — с задумчивым видом произнес Бенколин, — почему это она так разволновалась при упоминании вашего имени.

Пальцы Галана нежно пробежали сверху вниз по кошачьей шерстке.

— Есть и еще кое-что, — добавил детектив. — У нас с мадемуазель Августин имела место весьма любопытная беседа: ни я, ни она не называли вещи своими именами, но оба прекрасно понимали, о чем идет речь. Теперь я абсолютно уверен: ее отец не знает, что она использует его музей таким своеобразным способом, и она не хочет, чтобы он об этом узнал. Она даже боится этого — ведь старик так гордится своим заведением, что если узнает обо всем... кто знает, что может случиться. Кроме того, господин Галан, я уверен, что девушка не впервые увидела сегодня ночью мадемуазель Мартель.

— Почему вы так думаете? — Галан чуть повысил голос.

— О, это не вызывает сомнений... Вы же, если я вас правильно понял, утверждаете, что почти не знали мадемуазель Мартель? И мадемуазель Августин вы также не знаете. Боюсь, дело это запутанное. — Он вздохнул.

— Послушайте-ка, — немного хрипло ответил Галан, — все это начинает мне надоедать. Вы среди ночи врываетесь в мой дом, предъявляете мне нелепые обвинения, за которые я мог бы подать на вас в суд... Боже мой! Как я устал!

Он медленно поднялся со стула, сбросив кошку на пол; выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Пора с этим кончать. Или вы уйдете сами, или мне придется вышвырнуть вас из дома. Что

касается этого вашего убийства, то могу доказать, что не имею к нему никакого отношения. Я даже не знаю, в какое время оно было совершено...

— Я знаю, — неторопливо вставил Бенколин.

— Да вы попросту блефуете!

— Мой друг, у меня нет ни малейшей необходимости блефовать. Я повторяю, что знаю с точностью почти до секунды, когда было совершено убийство. Существует доказательство, позволяющее мне определить время смерти мадемуазель.

Бенколин говорил ровным, почти безразличным тоном. Между бровями у него пролегла морщина, и он почти не глядел на Галана. Доказательство? Насколько я знал, не существовало ничего, что позволяло бы более или менее точно судить о том, когда была заколота Клодин Мартель. Тем не менее никто в этой комнате не сомневался, что Бенколин говорит правду.

— Ну хорошо, — согласился Галан, и глаза у него помутнели. — Часов в восемь вечера я ужинал у Прюньера на улице Дюфо и ушел оттуда в четверть десятого — можете проверить. Выходя из ресторана, я встретил приятеля — некоего господина Дефаржа, его адрес я вам дам, — и мы зашли в «Кафе Мадлен» выпить по рюмочке. Мы расстались около десяти, я сел в машину и отправился в «Мулен-Руж»; как вы знаете, теперь там дансинг, и вы без труда получите подтверждение моих слов от служителей: меня там хорошо знают. Я просидел в одной из лож в стороне от танцплощадки до одиннадцатичасового представления — оно закончилось в половине двенадцатого. Затем я поехал к арке Сен-Мартен с намерением — заметьте, я этого не скрываю — зайти в Клуб Цветных масок. Но, доехав до поворота на бульвар Сен-Дени, я передумал. Это было... я думаю, где-нибудь без четверти двенадцать. Тогда я зашел в ночной клуб под названием «Серый гусь», где

присел за столик, чтобы выпить с двумя девочками. Вы, господин детектив, вошли туда несколькими минутами позже и, осмелюсь предположить, прекрасно меня видели. Я вас, разумеется, тоже. Полагаю, это достаточно полный отчет о моих передвижениях. Теперь скажите, когда было совершено убийство?

— Между одиннадцатью сорока и одиннадцатью сорока пятью.

Казалось, вся злость Галана моментально испарилась. От его напряженности не осталось и следа; взглянув через плечо Бенколина на свое отражение в зеркале над камином, он пригладил волосы и с рассеянной улыбкой пожал плечами:

— Не знаю, откуда у вас такая уверенность, но мне это на руку. Я надеюсь, швейцар в «Мулен-Руж», который вызывает машины, подтвердит вам, что я уехал от них уже после половины двенадцатого. Там напротив, через улицу, есть магазин со светящимися часами. Таким образом, если учесть десять минут на дорогу — это не так уж близко, — время на парковку машины и тот факт, что в «Серый гусь» я пришел где-то без четверти двенадцать... неужели вы считаете, что я успел бы убить мадемуазель Мартель, отнести ее тело в музей восковых фигур и приехать к этому времени в ночной клуб без пятнышка крови на костюме? Конечно, вы можете допросить моего шофера — хотя вряд ли вы ему поверите.

— Благодарю вас, — вкрадчиво ответил Бенколин, — за столь подробный отчет. Правда, в нем не было необходимости. Вас ни в чем не обвиняли и даже — что до меня — не подозревали.

— Иными словами, вы признаете, что я не мог совершить преступление?

— О да.

Галан неприятно поджал губы и подался вперед.

— Скажите честно, зачем вы сюда пришли?

— Единственно затем, чтобы вы не беспокоились, что сведения о вашем клубе просочатся в газеты. Дружеский жест, знаете ли.

— Теперь, пожалуйста, выслушайте меня. Я человек тихий. — Быстрым жестом Галан обвел свою уютную гостиную. — Единственное, что у меня есть, — это книги, музыка, — он перевел взгляд на огромную арфу в углу, — и еще вот эта кошка, моя любимица... Но, уважаемый господин сыщик, если хоть один полицейский шпик появится в том клубе, о котором вы говорите... — Он сделал многозначительную паузу и усмехнулся: — Итак, спокойной вам ночи, господа. Ваше посещение — большая честь для меня.

Мы ушли, а Галан остался неподвижно стоять, освещенный пламенем камина, рядом со своей белой кошкой. Когда за нами закрывалась дверь, он задумчиво тронул себя за нос... Слуга выпустил нас в пахнувший сыростью сад, походивший на колодец в лившемся с небес звездном свете. Как только за нами затворились ворота, Шомон схватил детектива за руку.

— Вы велели мне молчать, — с трудом промолвил он, — и я молчал. А теперь я хочу знать. Одетта! Значит ли это, что Одетта... ходила туда? Не стойте же как манекен, отвечайте! Значит, этот клуб — просто-напросто шикарный...

— Да.

На лицо Шомона сквозь листву падал бледный свет уличных фонарей. Он долго молчал.

— Ладно, — промолвил он наконец, щурясь на свет, — ладно, мы... мы можем скрыть это от ее матери.

Это был самый простой способ немного утешиться. Бенколин внимательно посмотрел на Шомона, потом твердо взял его за плечо:

— Вы заслуживаете того, чтобы знать правду. Ваша Одетта... была абсолютно наивной, совсем как вы. Ведь ни армия, ни что другое никогда не научит вас разбираться в жизни... Я думаю, что вашу Одетту скорее всего заманили в клуб под предлогом шуток. Господин Галан большой любитель таких шуток... Стойте спокойно, черт побери! — Бенколин впился пальцами в плечо молодого человека и рывком повернул его к себе. — Нет, мой друг. Вы не вернетесь сейчас к Галану. Я вас не пущу.

Последовавшую за этими словами напряженную тишину нарушало лишь шуршание листьев по ночной улице да пыхтение Шомона, пытавшегося освободиться от руки детектива.

— Если бы она по собственной воле пошла туда, — по-прежнему спокойно увещевал его Бенколин, — она бы скорее всего была сейчас жива и невредима. Вашему пониманию недоступно чувство юмора господина Галана.

— Значит, вы считаете, — вмешался я, — что Галан виноват в... обольщении и убийстве девушек?

Слегка ослабив хватку, Бенколин обернулся ко мне. Он показался мне растерянным и смущенным.

— В том-то и закавыка, Джефф, что я так не считаю. Это было бы вполне в его духе, но... очень многое говорит против этого. В этих преступлениях не хватает изящества, они слишком топорны, что совершенно не соответствует квалификации Галана; кроме того, они слишком прямолинейно указывают на него. К тому же... да я мог бы перечислить с дюжину причин, если вспомнить то, что мы видели сегодня ночью! Подождите, сейчас мы узнаем, чем он занимался перед тем, как вернуться домой.

Бенколин резко постучал наконечником трости о мостовую, и тут же от темных деревьев неподалеку отделился человек и неторопливо двинулся к

нам. Кивком головы пригласив нас следовать за собой, Бенколин пошел ему навстречу.

— Когда сегодня ночью, — объяснил он нам по дороге, — я достаточно определенно убедился, что музей восковых фигур и клуб имеют отношение к убийству мадемуазель Дюшен — еще до того, как мы нашли тело Клодин Мартель, — я, если вы помните, позвонил по телефону. Дело в том, что, увидев в ночном клубе господина Галана, я подумал, что его присутствие там было слишком... как бы это сказать... случайным. Для него это необычное место: он ведь ученый, кичащийся свсей интеллигентностью, и его нечасто встретишь прикидывающимся пьяным, в компании парочки дешевых проституток... Поэтому я попросил, чтобы послали кого-нибудь проследить за Галаном, если он еще в «Сером гусе». И вот результат.

Мы остановились в густой тени под деревом, сохранившим еще большую часть листвы. В темноте светился красный огонек сигареты; затем, описав светящуюся дугу, сигарета отлетела в сторону, и из тени вышел человек.

— Короче говоря, было очень уж похоже на то, что Галану для чего-то понадобилось алиби, — закончил Бенколин. — Ну что, Прежель?

— Когда я приехал, он еще был там, — ответил тот. Его накрахмаленная манишка блестела в тусклом свете уличных фонарей, голос его был решителен: Сюрте¹ предпочитает, чтобы ее агенты были похожи на кого угодно, но не на агентов Сюрте. — Это было ровно в двадцать минут первого. Он посидел еще минут пятнадцать и встал. Сначала я подумал, что он пьян, но он только притворялся. Он вышел из «Серого гуся» и завернул за угол: его автомобиль — «испано» номер 2X-1470 — стоял

¹ Сыскная полиция в Париже.

через две улицы. Его ждал шофер, и еще мне показалось, что на заднем сиденье сидела женщина. Но тогда я не был абсолютно уверен. Он сел в машину. Я взял такси и поехал за ним...

— Ну?

— Они остановились у небольшого жилого дома на Монмартре — это номер двадцать восемь по улице Пигаль. На улице было полно народу, и, когда они выходили из машины, я смог хорошенько их разглядеть. С ним действительно была женщина — очень миленькая блондинка в меховой горжетке и коричневой шляпке.

— Снова эта дама, — вздохнул Бенколин. — Что потом?

— Я был почти уверен, что узнал ее, но на всякий случай, когда она поднялась наверх, показал консьержке удостоверение и спросил, кто эта женщина. Та ответила, что это новая певица из «Мулен-Руж»: ее считают американкой, а выступает она под именем Эстелла.

— Возможно, поэтому Галана так хорошо знают в «Мулен-Руж»... Хм, ладно. Продолжайте.

— Он оставался наверху около часа. Потом спустился, сел в машину и доехал до гаража — на той же улице, чуть дальше. Сюда он пришел пешком и сразу вошел в дом. — Голос агента вдруг потерял профессиональную уверенность и монотонность; он запнулся. — Я... э... дело в том, что я большой поклонник... э... таланта этой дамы. Я... У меня есть с собой ее фотография из «Пари суар», если вас это интересует.

— Ого! — с одобрением произнес Бенколин. — Молодец, Прежелъ! Если мне не изменяет память, я никогда не был на ее выступлениях. Давайте-ка на нее посмотрим... — Он посерьезнел. — Господа, вы, конечно, понимаете, что это, вероятно, та самая женщина, которую полицейский видел у дверей музея

после закрытия, — таинственная блондинка в коричневой шляпке? Зажгите спичку!

Прежель чиркнул спичкой и поднес огонек, заботливо прикрывая его от ветра, к большой цветной фотографии с надписью: «Эстелла, знаменитая американская певица, выступающая в „Мулен-Руж“». На нас взглянули широко расставленные глубокие глаза; они смотрели чуть вбок, что придавало лицу кокетливый и самоуверенный вид. Сочные розовые губки были полуоткрыты в намеке на улыбку, голова слегка откинута назад. Нос у нее был прямой, подбородок твердый. Стянутые жемчужной сеткой волосы были того каштанового оттенка, который кажется золотистым под лучами света. Мы молчали, глядя на снимок, пока спичка в руках Прежеля не догорела.

— Подождите минутку! — внезапно воскликнул Шомон. — Зажгите еще спичку! Я хочу взглянуть... Хотя нет, этого не может быть, — растерянно пробормотал он, но осекся, когда Прежель чиркнул еще одной спичкой. После паузы Шомон тяжело вздохнул и изменившимся голосом произнес: — Видимо, сегодня мне суждено весь день заниматься опознанием. Вы помните, я говорил, что у Одетты были две лучшие подружки — их еще называли Неразлучными? Клодин Мартель и Джина Прево, которая хотела стать артисткой, но ее семья воспротивилась. Так вот... в это невозможно поверить, но сходство просто поразительное. Я готов поклясться, что эта Эстелла не кто иной, как Джина Прево! Боже мой, она поет в «Мулен-Руж»! Она, наверное...

Спичка догорела, и мы снова погрузились в темноту. После паузы Прежель тихо сказал:

— Мсье совершенно прав. Я спрашивал консьержку. Мадемуазель Эстеллу, как я вам уже говорил, считают американкой, но я слегка нажал на

консьержку, и она мне все рассказала. Эстелла — француженка, и фамилия ее Прево. — Он глубоко вздохнул, будто скорбя над своими разбитыми иллюзиями, а потом спросил: — Я еще понадоблюсь вам сегодня, господин Бенколин?

— Нет, — покачал головой Бенколин. — Я думаю, господа, на сегодня с нас достаточно. Отправляйтесь-ка по домам. Мне нужно подумать.

Он повернулся и, засунув руки в карманы, медленно зашагал в сторону Елисейских Полей. Я видел, как его высокий силуэт пересек полосы света и тени; вот так, опустив голову, Бенколин будет бродить до рассвета. Колокол на Доме Инвалидов пробил три часа.

ГЛАВА VII

Следующим утром над Парижем нависли серые облака. Это был один из тех осенних дней, когда так пронзительно воет ветер, а солнце, укрывшись за наводящей тоску пеленой, окрашивает ее края холодным отблеском стали. Дома в такие дни выглядят старыми и мрачными, а ажурные пролеты Эйфелевой башни кажутся на фоне неба насквозь промерзшими. Когда около десяти утра я завтракал у себя в квартире, она тоже казалась мне унылой, хотя в гостиной ярко горел камин. Я смотрел на отблески пламени на стенах, они росли и съеживались, и я вспомнил Этьена Галана с его белой кошкой...

Еще раньше мне позвонил Бенколин. Мы договорились встретиться в Доме Инвалидов — довольно неопределенное место для встречи, но я точно знал, где его искать. У него была привычка заходить в военную часовню, которая находится сразу за гробницей Наполеона. Не знаю, чем очаровало его это место — он был равнодушен к красоте знаменитых соборов, — но только он имел обыкновение целыми часами, совершенно уйдя в себя, опираясь на трость и глядя на потускневшие трубы органа, просиживать в этой полутемной часовне, где со стропил свисали военные флаги.

Всю дорогу до Дома Инвалидов я думал о Галане. Этот человек поистине завладел моими мыслями.

Я не имел случая расспросить о нем Бенколина, но теперь наконец припомнил, откуда мне знакомо это имя. Профессор английской литературы в Оксфорде — ну конечно же! А его книга о викторианских романистах только несколько лет назад получила Гонкуровскую премию. Ни одному другому французу, за исключением разве что господина Моруа¹, не удалось так глубоко проникнуть в суть англосаксонского образа мыслей. Насколько я помнил, его книга не была дешевой сатирой, какими частенько грешат галльские писатели. Охотничьи уголья, чаши для пунша, цилиндры, гостинные, заставленные старинной мебелью, — весь этот шумный мир, включая эль, устриц и зонтики от солнца, был показан с симпатией и доброжелательностью, которые человеку, знающему Галана, представлялись поразительными. А в главах о Диккенсе он ухватил ту неуловимую и загадочную болезненность и страх, что лежат в основе диккенсовского мышления. Фигура Галана все больше и больше искажалась, как в кривом зеркале, — я видел его сидящим в его холодном доме со своей арфой и кошкой; его нос, казалось, двигался сам по себе, как живое существо. Галан улыбался...

Влажный ветер пронизывал обширное темное пространство перед Домом Инвалидов, и золоченые орлы на мосту Александра III казались сегодня особенно угрюмыми. Я прошел мимо часовых у железных ворот, поднялся вверх по склону к огромному мрачному зданию и вошел во двор, как всегда полный отзвуками минувшего. Несколько человек прогуливались по коридорам, где лежат стволы прославившихся в сражениях пушек; мои собственные

¹ Андре Моруа (1885—1967) — французский писатель, мастер жанра романтизированных биографий, в том числе писал об английских поэтах П. Б. Шелли и Дж. Г. Байроне.

шаги громко стучали по камням, и в воздухе носился запах обветшалых мундиров. Мне казалось, что золоченый купол гробницы Наполеона давит на меня всей своей тяжестью... У дверей часовни я остановился. Внутри царил сумрак, горело только несколько свечей перед алтарем, и тонкая мелодия органа проплывала под арками, в призрачном триумфе взмывая над боевыми знаменами покойного императора...

Бенколин был там. Он вышел ко мне. Куда подевалась его всегдашняя элегантность — сегодня на нем были старое твидовое пальто и выдавшая виды шляпа. Мы медленно пошли по коридору. Наконец он заговорил.

— Смерть, — с досадой промолвил он. — Эта атмосфера... она напоминает мне наше расследование. Я давно не сталкивался с делом, где все и вся не было бы пронизано смертью. Мне доводилось видеть ужасные вещи, людей, объятых смертельным страхом... но эта мрачная жуть хуже. Это же просто бессмысленно! Обыкновенные юные девушки, каких встретишь на любой вечеринке... ни врагов, ни иссушающих страстей, ни ночных кошмаров — благоразумные, верные, не такие даже красавицы... И вот они умирают. Мне кажется, все это должно закончиться еще ужаснее... — Он замолчал. — Джефф, алиби Галана подтвердилось по всем пунктам.

— Вы проверили?

— Разумеется. Все было как он сказал. Мой лучший агент Франсуа Дольсарт — вы должны помнить его по делу Салиньи — собрал все показания. Швейцар из «Мулен-Руж» вызвал машину Галана ровно в половине двенадцатого. Он запомнил это, потому что перед тем, как сесть в машину, Галан посмотрел на свои часы, а потом перевел взгляд на светящиеся часы напротив, и служащий автоматически посмотрел в ту же сторону.

— Разве это само по себе не подозрительно?

— Вовсе нет. Если бы Галан заботился о создании алиби, он бы непременно обратил внимание швейцара на время; вряд ли он рискнул бы положить только на эту психологическую реакцию.

— И все-таки, — заметил я, — такой проницательный человек, как он...

Бенколин вертел в руках трость, глядя в глубину полутемного коридора.

— Сейчас направо, Джефф. Мы выйдем с другой стороны; мадам Дюшен, мать Одетты, живет на бульваре Инвалидов... Хм. Какой бы он ни был проницательный, факт остается фактом. На Монмартре в это время всегда пробки. Ему понадобилось бы минут десять—пятнадцать — даже больше, чем он сказал, — чтобы добраться от «Мулен-Руж» до «Серого гуся». При таких обстоятельствах он физически не имел возможности совершить это убийство. И все равно я готов поклясться, что он приходил в «Серый гусь» именно за алиби! Если только... — Он вдруг замолчал, потом стукнул себя кулаком по ладони: — Какой же я болван! Боже мой, Джефф, какой болван! Ну конечно, вот в чем все дело!..

— Ну разумеется, — отозвался я равнодушно: я хорошо знал эту его привычку. — Не надейтесь, что я потешу ваше тщеславие, спросив, в чем же все-таки дело. Но кое-что я вам скажу. Вчера ночью, когда вы разговаривали с Галаном, я подумал, что вы решили раскрыть перед ним все свои карты. Возможно, вы делали это специально. Но одной вещи вы ему не сказали, а именно того, почему мы вообще связали его с убийством Клодин Мартель. Я имею в виду тот клочок бумаги с его именем у нее в сумочке. Когда он утверждал, что не был с ней знаком, вы могли бы припереть его к стенке этим фактом.

Бенколин посмотрел на меня, подняв брови:

— Что вы за наивный человек, Джефф, если это могло прийти вам в голову! Неужели ваш полицейский опыт не подсказывает вам, что в реальной жизни люди не издают пронзительных криков и не падают в обморок, когда им показывают компрометирующие их доказательства! Кроме всего прочего, этот клочок бумажки может вообще ничего не значить.

— Ерунда!

— Имя Галана написано не рукой мадемуазель Мартель. Еще когда я в первый раз увидел эту бумажку, я подумал, что люди обычно не записывают полное имя, подробный адрес и номер телефона человека, которого хорошо знают. Если бы мадемуазель Мартель была его приятельницей, она написала бы: «Этьен, тел. Елисейские Поля 11-73». Тогда я сравнил почерк с именами в ее записной книжке. Это писал другой человек.

— Тогда кто же?

— Записка написана рукой мадемуазель Джини Прево, которая выступает под псевдонимом Эстелла... Послушайте, Джефф! Мы, кажется, отвели этой даме совсем отрицательную роль, даже ни разу ее не увидев. Сегодня она вышла из дома рано утром; Прежель стоял на часах и немедленно нанес небольшой неофициальный визит в ее квартиру. Перед этим мы выяснили в «Мулен-Руж», что прошлым вечером она там не выступала. Она позвонила вечером администратору, предупредила, что не сможет выступить, и, по словам консьержки, вышла из дома приблизительно в двадцать минут двенадцатого...

— Что позволило бы ей добраться до главного входа в музей восковых фигур, скажем, без двадцати пяти двенадцать. Если она действительно та женщина, которую видел полицейский...

Мы дошли до конца широкой лужайки, которая спускается вниз от гробницы Бонапарта. Под затя-

нутым тучами серым небом золотой купол казался матовым. Бенколин остановился, чтобы раскурить сигару, потом сказал:

— Это была она. Мы показали фотографию полицейскому, и он ее опознал. О, это утро не прошло даром! Слушайте дальше. Как я вам сказал, Прержель зашел в ее квартиру. Он нашел там образцы почерка, а еще — серебряный ключ и алую маску.

Я присвистнул.

— Но ведь... алая маска, вы говорили, указывает на то, что у ее владельца есть в клубе постоянный партнер?

— Именно.

— Галан часто посещал «Мулен-Руж»... и вчера вечером отвез ее домой, она ждала его в машине... Кстати, когда она села в машину? Вы спросили у шофера?

— Во всяком случае, когда автомобиль отъезжал от «Мулен-Руж», ее там не было. Нет, я не допрашивал шофера, так что у мадемуазель Прево нет оснований подозревать, что мы знаем о ее существовании.

Спускаясь по подъездной аллее, я не сводил с Бенколина глаз.

— В настоящий момент, Джефф, — продолжал он, — Галан должен считать, что нам ничего не известно ни о его связи с ней, ни о ее членстве в клубе. Если вы проявите немного терпения, вы поймете причины. Ее телефон прослушивался с целью, о которой вы также узнаете. И до сегодняшнего вечера — я об этом позаботился — Галан с ней встретиться не сможет. Я думаю, мы найдем мадемуазель Прево в доме мадам Дюшен, куда мы сейчас направляемся.

Больше мы не произнесли ни слова, проходя через ворота, поворачивая налево и поднимаясь по бульвару Инвалидов. Я знал, что мадам Дюшен, теперь

вдова, до смерти мужа занимала видное место в чинных салонах Сен-Жерменского предместья. Она жила в одном из тех неброских особняков серого камня, где к обеденному столу подают изысканнейшие блюда и самый выдержанный портвейн. Здесь можно повернуть направо по улице Варен и продолжить путь по неуютным улицам предместья, даже не подозревая, какие чудесные сады раскинулись за потрескавшимися, почерневшими стенами, какие россыпи драгоценностей скрыты за ними...

Дверь открыл черноволосый молодой человек; он был скован и явно нервничал, разглядывая нас. Сперва я принял его за англичанина: у него были густые, аккуратно подстриженные волосы, румянец во всю щеку, длинный нос и тонкие губы, а глаза — бледно-голубые. Это впечатление усиливал двубортный костюм, суженный в талии и расширенный на бедрах, и носовой платок в кармашке пиджака. Но держался он совершенно неестественно; казалось, он все время исподтишка следит сам за собой и из всех сил старается не делать резких жестов. Из-за этого в те несколько минут, которые ушли на знакомство, он походил на механическую игрушку со сломанным заводом.

— Ах да, — сказал он. — Вы из полиции. Пожалуйста, входите.

Пока Бенколин не представился, молодой человек говорил с нами несколько свысока, но потом сделался многословно-почтительным. У него была странная манера отступать назад, как будто обходя несуществующие стулья.

— Вы родственник мадам Дюшен? — задал вопрос детектив.

— Нет. О нет, — почти с возмущением произнес тот и натянуто улыбнулся. — Разрешите представиться. Меня зовут Поль Робике. Я атташе французского посольства в Лондоне, но в настоящий мо-

мент... — Он взмахнул было рукой, но тут же спохватился. — Мне сообщили... и я получил разрешение приехать. Я старинный друг мадемуазель Одетты, мы выросли вместе... Боюсь, что все эти хлопоты окажутся не по силам мадам Дюшен. Похороны... вы понимаете? Прошу вас сюда.

В прихожей было почти совсем темно. Портьеры на двери справа были плотно задернуты, но я почувствовал сильный цветочный запах, и по спине у меня побежали мурашки. Этот детский страх перед смертью труднее преодолеть, когда видишь человека неподвижно лежащим в новеньком сверкающем гробу, чем если бы этот самый человек на твоих глазах упал, обливаясь кровью. Ведь такая смерть всего лишь ужасающее или вызывающее сострадание зрелище, в то время как ритуал прощания с покойником — упорядоченная, внушающая суеверный страх формальность, которая возглашает: «Вы никогда более не увидите этого человека». Я не был знаком с Одеттой Дюшен, но я мог живо представить себе ее лежащей в гробу, потому что хорошо помнил улыбку на той нерезкой фотографии и ясные задорные глаза. Каждая пылинка в старой прихожей, казалось, пропиталась этим тошнотворным цветочным запахом. У меня перехватило горло.

— Да, — продолжая разговор, сказал Бенколин, когда мы вошли в гостиную, — я был здесь вчера вечером, чтобы сообщить мадам Дюшен о... трагедии. Помнится, я встретил здесь только капитана Шомона. Кстати, он здесь?

— Шомон? — переспросил Робике. — Нет. Сейчас его нет. Он приходил утром, но потом ему пришлось уйти. Садитесь, пожалуйста.

В комнате также были задернуты шторы, и в большом беломраморном камине не было огня. Но эта комната явно видела немало доброты и спокойствия; в свое время здесь жили красивой жизнью.

Старинные голубые обои, картины в позолоченных рамах, мягкие кресла, слышавшие множество дружеских бесед. Здесь на протяжении долгих лет каждая чашка кофе сопровождалась острым словом, и смерть не смогла вытравить этих воспоминаний из памяти комнаты. Над камином висел большой портрет Одетты — совсем еще девочка, она смотрела куда-то вдаль, положив подбородок на руки. Огромные доверчивые глаза, нетерпеливое томление рта наполняли светом одинокую комнату, и, когда я снова вдохнул тяжелую сладость цветов, к горлу подступил комок.

Бенколин не стал садиться.

— Я пришел повидаться с мадам Дюшен, — громко проговорил он. — Она здорова?

— Она тяжело переживает все это. Вы, конечно, понимаете, — прочистив горло, произнес Робики, изо всех сил пытаясь сохранить свое дипломатическое спокойствие. — Такой шок. Это было ужасно! Господин детектив, вы... вам известно, кто это сделал? Я знал ее всю жизнь. Только подумать, что кто-то...

Он с силой сжимал пальцы, пытаясь оставаться хладнокровным молодым человеком, великодушно взявшим на себя все заботы, но, несмотря на всю свою недавно приобретенную английскую сдержанность, не мог унять дрожь в голосе. Бенколин прервал его:

— Я понимаю. Есть сейчас кто-нибудь у мадам Дюшен?

— Только Джина Прево. Шомон позвонил ей сегодня утром и сказал, что мадам Дюшен просит ее приехать. Это неправда, мадам Дюшен вовсе не изъявляла такого желания. — Он поджал губы. — Думаю, я сделал все, что необходимо. Джина могла бы помочь, если бы взяла себя в руки. Но она почти в таком же состоянии, как мадам Дюшен.

— Джина Прево? — повторил Бенколин, будто впервые услышав это имя.

— Ах да, вы же не знаете... Она из нашей старой компании. Джина была близкой подружкой Одетты, и... — Он замолчал, и его серые глаза расширились. — Кстати, совсем забыл. Я же должен позвонить Клодин Мартель, она наверняка захочет быть здесь. Ах ты, как это я мог забыть!

Бенколин замешкался.

— Как я понимаю, — пробормотал он, — вы не говорили сегодня с капитаном Шомоном? Вы еще не знаете?..

— Знаю? О чем? Нет, я ничего не знаю. Что-нибудь случилось?

— Кое-что. Но это не имеет значения. Вы проводите нас к мадам Дюшен?

— Вам, я думаю, можно, — решил молодой человек, окинув нас взглядом секретаря перед кабинетом посла. — Она, наверное, захочет вас послушать... Сюда, прошу вас.

Он провел нас через холл, затем вверх по усталанной ковром лестнице. Через окно на полутемной лестничной площадке были видны багровые купы кленов во дворе. Немного не доходя до второго этажа, Робике вдруг остановился. Сверху доносились негромкие голоса, затем слышались несколько фортепианных аккордов и такой звук, будто руки пианиста бессильно упали с клавиш. Один из голосов перешел в пронзительный истерический крик...

— Они просто обезумели! — раздраженно бросил молодой человек. — Обе! После прихода Джины стало только хуже. Видите ли, господин следователь, мадам Дюшен с утра ни разу не присела; она ходит по комнате и терзает себя, глядя на вещи Одетты, пытаясь играть на ее рояле... Может быть, вам удастся ее успокоить?

Отодвинув портьеру, мы постучали в дверь на лестничной площадке; внутри сразу все стихло, и дрожащий голос произнес:

— Войдите.

Это была гостиная молодой девушки; три окна выходили на запущенный сад, и в комнату заглядывала пожелтевшая листва. Хмурый свет из окон придавал мебели цвета слоновой кости серый оттенок. Перед серым кабинетным роялем, глядя на нас сухими пронизательными глазами, сидела маленькая женщина в черном. Ее вьющиеся черные волосы уже подернула седина, но на лице, хоть и бледном, с кругами под глазами, не было ни морщинки, только на шее кожа чуть-чуть обвисла. Женщина увидела незнакомые лица, и острый взгляд ее пронзительных глаз потух.

— Поль, — сказала она с мягким упреком, — вы не сказали мне, что у нас гости. Входите, пожалуйста, господа.

Она не извинилась перед нами за свое измятое платье и нечесанные волосы; было видно, что ей глубоко безразличны все окружавшие ее вещи. Поднявшись нам навстречу, она приняла позу хозяйки. Но моим вниманием завладела не мадам Дюшен. Рядом с ней, забыв опустить поднятую руку, стояла Джина Прево. Я бы узнал ее когда и где угодно, хотя ростом она оказалась выше, чем я предполагал. Веки у нее покраснели и распухли, на лице не было ни грамма косметики. Полные розовые губы, золотистые волосы, твердый подбородок... Испуганно приоткрыв рот, она отбросила волосы со лба назад. У нее был такой вид, будто она вот-вот упадет в обморок.

— Меня зовут Бенколин, — говорил тем временем детектив, — а это мой коллега, господин Марль. Я пришел заверить вас, что мы найдем человека... который это сделал.

Его глубокий и спокойный голос разрядил напряженную атмосферу комнаты. Я услышал тихий звук — это Джина Прево, которая держала нажатой одну из клавиш рояля, отпустила ее. Освещаемая серым светом из окошек, она пружинистым, почти мужским шагом отошла от инструмента, потом остановилась в нерешительности.

— Я слышала о вас, — проговорила мадам Дюшен; затем она кивнула мне: — Вам, сударь, также добро пожаловать. Это мадемуазель Прево, наш старый друг. Она сегодня со мной.

Джина Прево попыталась улыбнуться. Хозяйка дома продолжала:

— Прошу вас, садитесь. Я готова рассказать вам все, абсолютно все, что вы пожелаете узнать. Поль, пожалуйста, включите свет.

И тут мадемуазель Прево закричала:

— Нет!!! — У нее перехватило дыхание. — Пожалуйста! Не нужно света! Я чувствую...

Голос у нее был хриплый, с умоляющей ноткой, от которой, если она прозвучит в голосе певицы, должно быть, сильнее забьется сердце. Мадам Дюшен, которая мгновение назад казалась значительно более удрученной и подавленной, чем Джина, взглянула на нее с усталой улыбкой:

— Ну разумеется, Джина. Не включайте, Поль.

— Не смотрите, пожалуйста! Не смотрите на меня так!

Мадам снова улыбнулась и откинулась на спинку кресла.

— Джине приходится терпеть меня, господи. А я старая сумасшедшая женщина. — На лбу у нее появились морщинки, глаза устремились в пустоту. — На меня это находит приступами, как физическая боль. Некоторое время я спокойна, зато потом... Но я стараюсь держать себя в руках. Видите ли, мне так плохо оттого, что это я во всем виновата.

Джина присела на краешек дивана, мы с Бенколином пододвинули стулья поближе. Робике неловко переминался с ноги на ногу в углу.

— Все мы, мадам, познали горе потери близких, — задумчиво проговорил детектив. — В таких случаях всегда испытываешь чувство вины, даже если ты всего лишь недостаточно часто улыбался. Не стоит так убиваться по этому поводу.

В нависшей тяжелой тишине весело тикали покрытые эмалью часы. Мадам Дюшен наморщила лоб. Затем она открыла рот — явно с намерением решительно возразить; было видно, что в душе ее кипит борьба и она хотела бы, чтобы мы поняли все по ее глазам.

— Вы не понимаете, — тихо сказала она наконец. — Я была глупа. Я неправильно воспитывала Одетту. Я думала, что она должна всю жизнь оставаться ребенком, и все делала для этого. — Она посмотрела на свои руки и, помолчав, добавила: — Сама я... я многое повидала. И обид, и горя. Я шла на это сознательно, мне было это по силам; но Одета... Нет, вам не понять этого, не понять!..

От всех этих сильных переживаний, скрывавшихся за ее бледным волевым лбом, она казалась очень маленькой.

— Мой муж, — продолжала она, — застрелился, как вы знаете, десять лет назад, когда Одетте было двенадцать. Он был прекрасным человеком и не заслуживал... он был членом кабинета, и когда его начали шантажировать... — Голос ее сорвался, но усилием воли она сумела взять себя в руки. — Я решила посвятить себя Одетте. И вот что я натворила! Я забавлялась ею, как маленькой фарфоровой пастушкой. Теперь у меня не осталось ничего, кроме ее безделушек. И еще я немного умею играть на рояле ее любимые песни: «Лунный свет», «Рядом с моей блондинкой», «Это только ваша рука»...

— Я уверен, мадам, вы пытаетесь помочь нам, — мягко остановил ее Бенколин, — но было бы лучше, если бы вы ответили на несколько моих вопросов...

— Да, конечно. Я... я прошу прощения. Продолжайте.

Он подождал, пока она устроилась поудобнее, положив голову на спинку кресла.

— Капитан Шомон говорил мне, что по возвращении из Африки заметил в Одетте некоторые перемены. Он не сумел более определенно объяснить, в чем именно они заключались, сказал только, что она вела себя «странно». Вы не замечали за последнее время чего-либо подобного?

Женщина ответила не сразу.

— Я думала об этом. В последние две недели, с тех пор как Робер... капитан Шомон вернулся в Париж, мне казалось, что она переменялась. Стала чаще хмуриться, более остро на все реагировать. Однажды я застала ее в слезах. Но это случалось с ней и раньше, ведь ее могла вывести из равновесия любая мелочь, и она ужасно переживала, пока не забывала о ней. Обычно она делилась со мной, поэтому теперь я ни о чем не спрашивала. Я ждала, когда она сама мне расскажет...

— Но у вас не было никаких предположений?

— Никаких. Особенно потому... — Она запнулась.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Особенно потому, что это, по-видимому, было связано с капитаном Шомоном. Она переменялась сразу после его приезда. Она стала... подозрительной, скованной, официальной — даже не знаю, как это назвать! Совершенно непохожей на себя!

Я смотрел на мадемуазель Прево, сидевшую в тени. Ее лицо выдавало мучительное сомнение, глаза были полуприкрыты.

— Прошу вас, мадам, извинить мой вопрос, — тихо обратился к вдове Бенколин, — но вы понимаете,

что это необходимо... не было ли у мадемуазель Дюшен, насколько вы могли знать, привязанности к какому-то другому мужчине, кроме капитана Шомона?

Сначала у нее от возмущения затрепетали ноздри, но потом она посмотрела на нас с усталой снисходительной улыбкой:

— Не было. Хотя, может быть, это было бы для нее лучше.

— Понимаю. Вы полагаете, что ваша дочь пала жертвой вероломного насильника?

— Естественно! — Слезы застлали ей глаза. — Ее... ее выманили из дома... не знаю только, каким образом! Этого я никак не могу понять! Она договорилась встретиться с Клодин Мартель, своей подружкой, и Робером. Но вдруг Одетта позволила обоим по телефону и отменила встречу, а потом куда-то убежала из дома. Я очень удивилась, потому что обычно она заходит ко мне попрощаться. Тогда... я в последний раз видела ее перед тем, как...

— Вы не слышали, как она говорила по телефону?

— Нет. Я была наверху и, когда она вышла из дома, решила, что она пошла на эту встречу. Робер рассказал мне потом, как было дело.

Бенколин наклонил голову, будто прислушиваясь к тиканью часов. Я видел, как за окнами дрожат на ветру промокшие деревья, вспыхивая багрянцем кленовых листьев. Джина Прево, закрыв глаза, откинулась на диване; неяркий свет омывал совершенную линию ее шеи, на ресницах блестели слезы. В комнате было так тихо, что донесшееся снизу дребезжание дверного звонка заставило нас слегка вздрогнуть.

— Люси на кухне, Поль, — сказала мадам Дюшен. — Не беспокойтесь, она ответит на звонок... Итак, господа?..

У дверей все еще трезвонили, и из холла слышались торопливые шаги. Бенколин поинтересовался:

— Мадемуазель Дюшен не оставила никаких дневников, записей, которые могли бы дать нам ключ?..

— Она начинала вести дневник каждый год, но недели через две бросала. Нет. У нее были какие-то бумаги, но я их уже просмотрела — там ничего нет.

— Тогда... — начал было Бенколин, но остановился на полуслове.

Он продолжал смотреть в одну точку; рука его замерла на полпути к подбородку. Сердце у меня возбужденно забилося. Я взглянул на Джину Прево — она сидела неподвижно, вцепившись в подлокотник дивана.

Нам был прекрасно слышен доносившийся из прихожей голос человека, который так настойчиво звонил в дверь. Извиняющимся тоном он говорил:

— Простите, ради Бога... Не могу ли я видеть мадам Дюшен? Меня зовут Этьен Галан.

ГЛАВА VIII

Ни один из нас не двинулся и не произнес ни слова. Этот голос обладал магическим свойством: даже если вы слышали его впервые, ни разу еще не видя его обладателя, он вызывал неодолимое желание взглянуть на говорящего. Это был голос глубокий, доброжелательный, располагающий к себе. Я зримо представил себе Галана, стоящего в раме дверного косяка на фоне вихря мокрых осенних листьев. В руках у него шелковый цилиндр; стройный стан, облаченный в безукоризненную визитку¹, чуть наклонен, как будто Галан преподносит свои извинения на тарелочке, а желто-серые глаза источают сочувствие.

Я снова оглядел присутствующих. В глазах мадам Дюшен ничего прочесть было нельзя — таким напряженным и сосредоточенным было ее лицо. Джина Прево широко раскрытыми глазами взидала на дверь, словно не веря своим ушам...

— Нездорова? — повторил голос в ответ на приглушенные объяснения. — Какая жалость! Мое имя ничего ей не скажет, но я был большим другом ее покойного мужа, и мне бы очень хотелось передать ей мои соболезнования... — Пауза; он как будто задумался. — Что же мне делать?.. Насколько я знаю,

¹ Визитка — недлинный однобортный сюртук с закругленными расходящимися спереди фалдами.

здесь мадемуазель Джина Прево? Ну вот видите. Возможно, я смогу поговорить с ней, как с другом семьи, если уж мадам не может меня принять. Благодарю вас.

Легкие шаги горничной пересекли нижний холл и застучали по лестнице. Джина Прево тут же вскочила.

— Вы... вы, мадам Дюшен, не беспокойтесь, — торопливо сказала она, изображая улыбку. — Не надо себя тревожить. Я спущусь и поговорю с ним.

Она произнесла эти слова так, словно ей не хватало воздуха. Мадам Дюшен не двинулась. Мне бросилось в глаза, каким бледным было лицо девушки, когда она выбежала мимо нас из комнаты.

В ту же секунду Бенколин прошептал:

— Мадам, в вашем доме есть черный ход?

Вздрогнув от неожиданности, она подняла на него глаза, и мне показалось, что между ними тут же установилось понимание.

— Да... есть. Внизу он проходит между столовой и кухней к боковой двери.

— Оттуда можно попасть в переднюю гостиную?

— Да. Через комнату, где Одетта...

— Вы знаете, где это? — повернулся он к Робике. — Хорошо. Покажите господину Марлю. Скорее, Джефф. Вы знаете, что нужно делать.

В его настойчивом взгляде я прочел, что во что бы то ни стало должен услышать этот разговор. Робике поначалу настолько растерялся, что едва не споткнулся на ровном месте, но потом до него дошло, что нужно торопиться и не шуметь. Мы слышали, как Джина спускается по ступенькам, но в затемненном холле ее не было видно. Робике провел меня к узенькой лестнице, к счастью застланной ковром, и жестами объяснил, куда идти. Дверь на первом этаже издала слабый скрип, когда я протискивался через нее в слабо освещенную столовую.

Через полуоткрытые двери я заметил скорбные белые цветы в соседней комнате. Да! В этой гостиной, где стоял гроб, портьеры на двери в коридор были задернуты почти наглухо. Я проскользнул туда, чуть было не опрокинув по пути огромную корзину лилий. Сквозь закрытые ставни пробивались полоски света, воздух был напоен душистым ароматом цветов, гроб с полированными ручками был голубино-серого цвета... и в священную тишину этого места врывались громкие голоса. Те двое стояли посреди холла. Затем я сообразил, что они говорили так громко, чтобы их было слышно на втором этаже, а настоящий разговор шел шепотом, который я слышал с трудом, стоя за тяжелыми портьерами.

— ...Понимаю, сударь. Простите, не разобрала вашего имени. Вы хотели видеть меня?

(— Вы с ума сошли! В доме полиция!)

— Вы, возможно, не помните меня, мадемуазель; я имел удовольствие встречаться с вами один раз у мадам де Лувак. Моя фамилия Галан.

(— Мне необходимо было с вами повидаться. Где они?)

— Ах да, конечно. Вы понимаете, господин Галан, что все мы здесь переживаем...

(— Наверху. Они все наверху. Горничная на кухне. Ради Бога, уходите!)

Я подумал, надолго ли хватит ее притворной принужденности, этого хрипловатого безразличия, полного бессознательной нежности. Даже стоя за портьерой, я слышал ее шумное дыхание.

— Наш общий друг, которому я позвонил, сказал мне, что вы здесь, поэтому я и осмелился просить вас выйти. Не могу передать вам, насколько я был потрясен безвременной кончиной мадемуазель Дюшен...

(— Они подозревают меня, но ничего не знают о вас. Где мы можем поговорить?)

— Мы... мы все были потрясены, сударь.

(— Невозможно!)

Галан вздохнул:

— Ну что ж, передайте мадам Дюшен мои самые глубокие соболезнования и скажите, что я буду счастлив сделать все, что в моих силах. Благодарю вас. Не мог бы я взглянуть на бедняжку?

(— Там нас не услышат.)

У меня до боли сжалось сердце. Я услышал что-то вроде умоляющего всхлипывания; по звуку было похоже, что она схватила его за рукав, а он сбросил ее руку. Голос его звучал так же мягко и предупредительно. Стоя посреди этой огромной комнаты, я чувствовал себя прижатым к стене. В тот момент я не осознавал всего ужаса, всей мерзости того, что делаю. Подбежав к гробу, я спрятался за гигантской корзиной белых гвоздик у его изголовья. Теперь я был зажат между каминным экраном и камином и в любую минуту мог выдать себя неосторожным движением. Ситуация напоминала кошмарную комедию, оскорбляющую покойную Одетту Дюшен, как если бы в ее мертвое лицо швырнули пригоршню грязи. Какое кошунство! Я положил пальцы на стальной край гроба... Их шаги приближались. Потом воцарилось продолжительное молчание.

— Красиво, — заговорил наконец Галан. — Что с вами, дорогая? Вы на нее и не смотрите. Она была слабенькая, как и ее отец... Послушайте меня. Мне нужно поговорить с вами. Вчера ночью вы были слишком возбуждены.

— Ну пожалуйста, уходите! Я не в силах смотреть на нее... Сегодня мы с вами не сможем встретиться. Я обещала мадам Дюшен пробыть с ней весь день, и, если я уйду после нашего визита, этот детектив может...

— Сколько раз вам повторять, — голос его утратил обычную снисходительность, — что вас ни в чем

не подозревают? Взгляните на меня. Вы ведь любите меня, правда? — спросил он полушутя, но с легкой обидой.

— Как вы можете говорить об этом здесь?

— Ну ладно. Кто убил Клодин Мартель?

— Говорю вам, — истерично вскрикнула она, — я не знаю!

— Если только не вы сами сделали это...

— Я этого не делала!

— ...вы, наверное, стояли рядом с убийцей, когда это происходило. Говорите потише, дорогая. Это был мужчина или женщина?

Чувствовалось, что он изо всех сил пытается скрыть озабоченность. Мне казалось, я вижу, как его глаза изучают ее, как кошка, крадутся по ее лицу...

— Я сказала вам! Я же вам сказала! Было темно...

Он глубоко вздохнул:

— Я вижу, обстановка здесь неподходящая. В таком случае я попрошу вас быть сегодня вечером в том же месте и в то же время.

После паузы она произнесла с нервным смешком:

— Неужели вы думаете, что я вернусь... в клуб?

— Вечером вы будете петь в «Мулен-Руж». Затем вы придете в наш номер восемнадцать и вспомните, кто убил вашу дорогую подружку. Это все. Теперь я должен идти.

Я так долго оставался в неудобной позе, прячась за гробом, что чуть не забыл, что надо поскорее выбираться из комнаты, бежать наверх, пока Джина Прево провожает Галана до парадной двери. Мне повезло: выходя, они не полностью раскрыли портьеры, и я смог проскочить незамеченным. Определенно, их разговор полностью исключал Галана как возможного убийцу, хотя нельзя было еще сказать

то же самое о девушке; в голове моей роилась теперь уйма неясных подозрений. Входя в двери гостиной, я услышал, как Джина начала подниматься по ступенькам.

Мадам Дюшен и Бенколин сидели все в тех же позах и держались все так же бесстрастно. Робике же при виде меня с трудом поборол любопытство. Я не знал, как Бенколин объяснил мадам мою отлучку, но незаметно было, чтобы она особенно беспокоилась по поводу моего временного отсутствия, поэтому я решил, что детектив нашел какую-то убедительную причину. Через несколько секунд вернулась Джина.

Она была совершенно спокойна, успела даже припудриться, подкрасить губы и привести в порядок свои золотистые волосы с напуском на лоб. Переводя испытующий взгляд с Бенколина на хозяйку дома, она пыталась догадаться, о чем мы тут без нее говорили.

— А, мадемуазель, — обратился к ней Бенколин. — Мы уже собрались уходить, но, возможно, вы сможете нам помочь. Я знаю, что вы дружили с мадемуазель Дюшен. Может быть, вы расскажете нам что-нибудь о происшедшей в ней перемене?

— Боюсь, что нет, господин полицейский. Я несколько месяцев не виделась с Одеттой.

— Но, насколько я понимаю...

Мадам Дюшен посмотрела на девушку со снисходительной улыбкой.

— Джина, — пояснила она, — с некоторых пор обрела самостоятельность. Любящий дядюшка оставил ей наследство, и она порвала со своей семьей... Я... у меня как-то не хватало времени задуматься над этим. Чем же ты, Джина, теперь занимаешься? И кстати, — она посмотрела на нее вопросительно, — как это Робер разыскал тебя, чтобы позвонить?

Джина очутилась в крайне незавидном положении. Внимание всех присутствующих сосредоточилось на ней. Как же, должно быть, она ломала голову, пытаясь угадать, что нам о ней известно! Галан только что наговорил достаточно, чтобы напугать ее до смерти, ничего при этом не объяснив. Связывал ли Бенколин второе убийство с первым — и персонально с ней? Он ни словом не обмолвился о гибели Клодин Мартель. А вдруг ему известно, что она и Эстелла, американская певица, — одно и то же лицо? Как в ужасном калейдоскопе, мелькали у нее в голове все эти вопросы, и нельзя было не восхищаться ее выдержкой. Она как ни в чем не бывало села на диван, и теперь ее широко расставленные глаза ничего не выражали.

— Не спрашивайте меня об этом, мадам Дюшен, — сказала она. — Я просто... хорошо провожу время. И я собираюсь поступить на сцену, поэтому приходится держать в секрете свою штаб-квартиру.

Бенколин кивнул:

— Разумеется. Ну, я думаю, мы вас уже достаточно побеспокоили. Обещаю вам, мадам, дать о себе знать в самое ближайшее время. Если вы готовы, Джефф...

Мы оставили их в этой комнате, полной печальных теней. Я видел, что Бенколину хотелось поскорее уйти и что мадам Дюшен, при всей ее воспитанности, не скрывала желания остаться одной. Но за последние несколько минут я заметил решительную перемену в Робике: он теребил свой галстук, прочищал горло, не сводил взволнованных глаз с мадам, словно раздумывая, сказать ему что-то или не стоит. В холле, провожая нас, он вдруг дотронулся до рукава Бенколина.

— Господин детектив, — промямлил он, — я... э... вы не зайдете на минутку в библиотеку? То есть, я

хочу сказать, в гостиную. Библиотека — это там, где... В общем, я тут подумал кое о чем...

Когда мы вошли в комнату, он выглянул в коридор, осмотрелся и только после этого заговорил снова:

— Там, наверху, вы говорили о... как бы это сказать... перемене в поведении Одетты за последнее время?

— Да, и что?

— Видите ли, — в голосе его прозвучал упрек, — мне об этом никто не сообщил. Я приехал только вчера вечером. Но я постоянно переписываюсь с ее подругой, некой мадемуазель Мартель, которая держит меня в курсе событий. Ну и...

Он был вовсе не глуп, несмотря на всю свою напыщенную манерность. Его бесцветные глаза уловили что-то на лице Бенколина, и он быстро спросил:

— Что случилось?

— Ничего. Вы хорошо знакомы с мадемуазель Мартель?

— Буду откровенен. Одно время, — признался он, словно делая нам одолжение, — я даже думал просить ее руки. Но она совершенно не понимает обязанностей дипломата. Абсолютно! И не понимает, как должна вести себя жена служащего посольства. Мужчины, они, конечно, — сдержанный взмах руки, — имеют право на... э... некоторые развлечения, разве не так? Но жена Цезаря... вы знаете цитату. Кроме того, я замечал в ней некоторую холодность. Одетта совсем другая! Одетта умеет слушать. Она всегда думала о моей карьере... Но я отклоняюсь.

Он резко выпрямился и, выудив из кармана цветастый носовой платок, вытер свое румяное лицо. Ему явно нелегко было подойти к вопросу, который он сам же и поднял.

— Так что же вы хотите нам сообщить, сударь? — подбодрил его Бенколин. В первый раз за этот день он улыбнулся.

— Все мы, — снова заговорил Робике, — подшучивали над Одеттой, что она такая домоседка. Ни с кем не хочет гулять, кроме Робера Шомона... ну и так далее. То есть мы только притворялись, что смеемся. Лично я ею просто восхищался. Вот это была бы жена! Если бы я не вырос вместе с ней, я бы сам... — Он повел в воздухе рукой. — Помню, мы как-то всей компанией играли в теннис в клубе туристов, и Одетту кто-то попробовал пригласить на вечеринку. Все засмеялись, когда она отказалась, а Клодин Мартель воскликнула: «У нее же капитан в Африке!» — и изобразила, как он закручивает усы и размахивает саблей.

— Да?

— Вы тут спрашивали, не увлекалась ли она кем-то другим. Заверяю вас — нет. Но, — Робике понизил голос, со значением выпучив бесцветные глазки, — из письма, которое я недавно получил от Клодин, я узнал, что это Шомон начал... изменять и Одетте это известно. Так вот! Поймите меня, я ничего против него не имею. Это вполне естественно для молодого человека, конечно если он при этом достаточно осмотрителен...

Я посмотрел на Бенколина. Этой информации, да еще изложенной в витиеватой манере Робике, трудно было поверить. Уж очень это не похоже было на Шомона. Глядя на розовощекую, с острым носиком физиономию Робике, представив себе, с какой предусмотрительностью он делал свою карьеру («это вполне естественно для молодого человека, если он при этом достаточно осмотрителен», — в этом была вся его мелкая, трусливая душонка), я усомнился в его словах. Это было слишком мерзко. Но Робике, по всей видимости, верил в то, что

говорил. К моему удивлению, у Бенколина его сообщение вызвало величайший интерес.

— Изменять? — переспросил он. — С кем же?

— Об этом Клодин ничего не писала. Она сообщила о его измене так, между прочим, и еще таинственно заметила, что не нужно удивляться, если и Одетта не останется в долгу.

— И никакого намека на кого-либо?

— Никакого.

— Значит, вы этим объясняете перемену в ее отношении к Шомону?

— Ну... я не видел Одетту довольно долго и, повторяю, не знал об изменениях в их отношениях до тех пор, пока вы не упомянули об этом сегодня. Поэтому-то я и вспомнил о письме.

— У вас случайно нет его с собой?

— Ах да, да. — Его рука автоматически потянулась во внутренний карман пиджака. — Вполне возможно, что оно со мной! Я получил его незадолго до отъезда из Лондона. Подождите минутку...

Бормоча что-то себе под нос, он принялся перебирать письма, вытащенные из кармана. Потом, нахмурившись, засунул их обратно и полез в задний карман брюк. Робике прекрасно уловил нетерпение в голосе Бенколина, и мысль, что он может приобрести новое качество как важный свидетель, еще больше взбудоражила его. Это было нам на руку. От такого пустяка, как то, что он чувствовал на себе наши внимательные взгляды, торопливо и неловко шаря по карманам в поисках письма, зависела целая цепь событий, которые должны были привести нас к раскрытию тайны... Он вытащил из заднего кармана бумажник, еще какие-то записки, потом его рука скользнула по пиджаку. Откуда-то из-под полы выпали конверт, пустая пачка из-под сигарет и некий предмет, который звякнул о паркет и остался лежать там, поблескивая в лучах

неяркого света, пробивавшегося в щель между ставнями...

Это был серебряный ключ.

На мгновение у меня перехватило дыхание. А Робике как ни в чем не бывало продолжал поиски, не обращая на нас внимания. Вполголоса выругавшись с досады, он нагнулся за бумажником, но Бенколин опередил его.

— Позвольте, сударь, — сказал он, поднимая ключ.

Я тоже невольно сделал несколько шагов вперед. Детектив протянул Робике ключ на раскрытой ладони. Ключ был несколько больше тех, какие обычно применяют для пружинных замков. На нем четкими буквами было выгравировано имя «Поль Демулен Робике» и номер 19.

— Спасибо, — пробормотал тот рассеянно. — Нет, наверное, письма у меня нет. Я могу принести его, если хотите...

Он протянул руку за ключом и удивленно поглядел на Бенколина. Тот держал ключ прямо перед ним.

— Извините за столь явное вмешательство в ваши личные дела, господин Робике, — промолвил Бенколин, — но, уверяю вас, у меня есть для этого достаточно оснований. Для меня этот ключ представляет больше интереса, чем письмо... Откуда он у вас?

Все еще глядя в спокойные глаза детектива, Робике сначала занервничал, потом испугался. Он с трудом сглотнул слюну.

— Да что вы, сударь, это вряд ли вас интересует! Это... это совсем личное. Клуб, к которому я принадлежу. Я там давно уже не был, но захватил ключик с собой из Лондона, на случай если мне вдруг захочется...

— Клуб Цветных масок на Севастопольском бульваре?

На этот раз Робике был потрясен по-настоящему.

— Вы знаете?.. Прошу вас, господин полицейский, не говорите об этом никому! Если бы мои друзья, мое начальство узнали, что я состою в этом клубе, моя карьера... — Он уже почти кричал.

— Дорогой мой, можете об этом не беспокоиться. Я не проговорюсь, — добродушно улыбнулся Бенколин. — Как вы только что выразились, вполне естественно для молодого человека... — Он пожал плечами. — Мой интерес к этому ключу вызван определенными обстоятельствами, не имеющими к вам никакого отношения.

— Осмелюсь все же заметить, — негодуящим тоном возразил Робике, — что это мое личное дело.

— Позвольте спросить вас, сколько времени продолжается ваше членство?

— Около... около двух лет. Я там всего и был-то раз пять! При моей профессии нужно быть осторожным...

— Ну да, конечно. А что означает этот номер девятнадцать на ключе?

Робике окаменел. Изо всех сил сжал губы. Наконец, сдерживая ярость, он прошипел:

— Послушайте, вы же сами сказали, что это мое личное дело. Это тайна! Моя собственная, не для посторонних ушей! Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы. По вашему значку я вижу, что вы масон, но вы ведь не станете разглашать свои секреты, если я вас об этом попрошу!

Бенколин рассмеялся.

— Да полно вам, — с укором прервал он Робике. — Думаю, что даже вы согласитесь, что эти вещи сравнивать нельзя. Зная назначение вашего клуба... это просто смешно! — Он посерьезнел. — Вы решительно не намерены отвечать на мои вопросы?

— Боюсь, что так. Простите.

— В таком случае и вы меня извините, мой друг, — после паузы задумчиво промолвил Бенколин, покачав головой. — Дело в том, что прошлой ночью в клубе совершено убийство. Поскольку мы не знаем никого из членов клуба и это первый ключ, который попал нам в руки, возможно, возникнет необходимость пригласить вас в префектуру для допроса. Газеты... Мне очень жаль, поверьте.

— У... убийство?! — взвизгнул Робике.

— Подумайте, мой друг!

Я видел, что Бенколин с трудом удерживается от улыбки, хотя он говорил теперь вполголоса, таинственно и многозначительно:

Представьте, как все это распишут газеты. Подумайте о своей карьере. Видный дипломат задержан для допроса по делу об убийстве, совершенном в доме свиданий! Подумайте о панике в Лондоне, о буре в парламенте, наконец, о чувствах вашей семьи...

— Но я же ничего плохого не сделал! Я... Неужели вы собираетесь заставить меня...

Бенколин придал лицу выражение задумчивости.

— Ну что ж, — протянул он, — я думаю, вам нет нужды рассказывать обо всем. Я не считаю, что вы связаны с убийством. Но кое-что вы должны нам рассказать, мой друг...

— О Боже! Я все расскажу.

На то, чтобы успокоить его, потребовалось некоторое время. После того как он несколько раз утер вспотевший лоб и заставил Бенколина поклясться самыми страшными клятвами, что его имя ни при каких обстоятельствах не будет передано в газеты, Бенколин повторил вопрос о номере девятнадцатом.

— Видите ли, господа, — объяснил Робике, — в клубе ровно пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин. У всех мужчин есть... комнаты, понимаете?

У кого маленькая, у кого большая, в зависимости от взноса. Это номер моей комнаты. Никто из нас не может пользоваться комнатой другого... — Тут естественное любопытство взяло в нем верх над страхом. — Кого же, — спросил он, — убили?

— Это не имеет значения... — отрезал Бенколин.

Я вдруг вспомнил, как Галан, разговаривая с Джиной над гробом Одетты Дюшен, сказал: «...Вы придете в наш номер восемнадцать...» Но как незаметно привлечь внимание Бенколина?.. Как бы между прочим я заметил:

— Восемнадцать — знак белой кошки.

Мое туманное высказывание поставило Робике в тупик, зато Бенколин понимающе кивнул.

— Вы говорите, что были членом клуба два года. Кто ввел вас туда?

— Кто ввел?.. А! Ну, если я скажу, это уже никому не причинит вреда. Это был молодой Жюльен д'Арбалай, знаете, этот гонщик? Каким же успехом он пользовался у женщин, этот Жюльен!

— Пользовался?

— Он разбился в прошлом году в Америке. Его машина перевернулась в Шипсхед-Бей, ну и...

— Проклятье! — Бенколин с раздражением щелкнул пальцами. — Сколько ваших друзей — я имею в виду, людей вашего круга — являются членами клуба?

— Поверьте, сударь, я не знаю! Вы не понимаете. Там все в масках! Я не видел без маски ни одной женщины, с которыми встречался. Я просто входил в большой зал, где так темно, что вряд ли узнаешь кого-либо даже без маски, и гадал, кто из моих друзей, даже из моей семьи, мог бы оказаться там! Клянусь вам, от этого мороз по коже подирает!

Детектив снова уставился на него холодным взглядом, напоминающим об угрозе публичного

разоблачения, но Робике не отвел глаз. Он даже кулаки сжал, так ему хотелось, чтобы мы ему поверили, и лично мне казалось, что он говорит правду.

— И вы даже ни разу никого не заподозрили?

— Я там так редко бывал! Однако я слышал, — он на всякий случай посмотрел по сторонам, — что там есть узкий круг, члены которого хорошо знают друг друга, и среди них одна женщина, которая постоянно занимается привлечением новых членов. Но кто она, я не знаю.

Снова наступило молчание; Бенколин рассеянно постукивал ключиком по ладони.

— Представьте себе! — внезапно заговорил Робике. — Только представьте себе — вы приходите туда в маске, встречаете девушку, а она оказывается вашей невестой! О, это для меня слишком рискованно! Чтоб я еще когда-нибудь... И это убийство!..

— Очень хорошо. Тогда, господин Робике, я назову вам цену, которую вы мне заплатите за молчание. Вы одолжите мне этот ключ...

— Берите, ради Бога! Ведь убийство!..

— ...на несколько дней. Потом я его верну. Очевидно, в... э... светской хронике будет сообщение о вашем возвращении во Францию?

— Наверное. А что такое?

— Хорошо. Даже очень хорошо. Хм. Номер девятнадцать — это напротив или рядом с номером восемнадцать?

Робике задумался.

— Честно говоря, я никогда не обращал внимания... Но думаю, это рядом. Да! — Он произвел какие-то сложные телодвижения, вспоминая расположение комнат. — Вспомнил. Это рядом.

— Окна тоже?

— Да. Окна всех комнат выходят во что-то вроде вентиляционного колодца. Но, пожалуйста...

— Замечательно! — Бенколин положил ключ в карман, застегнул пиджак и жестко взглянул на Робике: — Надеюсь, мне не надо вам объяснять, что вы ни словом не должны никому обмолвиться о том, что рассказали нам. Ясно?

— Я?! — не веря своим ушам, переспросил молодой человек. — Чтоб я кому-нибудь?.. Ха! Вы за кого меня принимаете? Но вы даете мне слово, что выполните обещание?

— Даю, — кивнул детектив. — А теперь, мой друг, благодарю вас. Загляните в сегодняшние газеты, если хотите узнать, кто был убит. Всего хорошего!

ГЛАВА IX

Ветер на улице стал еще холоднее, и все небо затянуло тучами. Подняв воротник пальто, Бенколин искоса бросил на меня взгляд и улыбнулся.

— Кажется, мы его порядком напугали, — заметил он. — Мне очень не хотелось этого делать, но этот ключ... Ему же цены нет, Джефф, просто цены нет! Наконец-то нам повезло. То, что я собирался сделать, можно было устроить и без помощи ключа, но теперь это в миллион раз проще... Но вы, кажется, хотели мне сказать, что Галан назначил свидание мадемуазель Прево после представления в «Мулен-Руж». Верно?

— Я вижу, вы поняли мой намек.

— Понял ваш намек? Мой дорогой, я весь день готовился к этому. Он пытался опередить меня, придя в этот дом, но я это предвидел. Она теперь боится встречаться с ним. О том, куда она поехала, он узнал от ее консьержки, которой мы дали соответствующие инструкции. Мы хотим, чтобы сегодня вечером у них состоялся обстоятельный разговор, который мы услышим. — Он засмеялся своим глубоким, почти беззвучным смехом и похлопал меня по плечу. — Голова у старика все еще работает, что бы там ни говорил Галан...

— Так вот зачем вы устроили, чтобы она пришла к мадам Дюшен?

— Да. И для этого я так внушал Галану вчера ночью, что мы не намерены предавать гласности

тайны его клуба. Потому что он встретится с ней именно там, Джефф. Вы понимаете, почему это было неизбежно? Более того, видите ли вы неотвратимую последовательность событий, которые привели к этому?

— Не вижу.

— Ну что ж, за ленчем я вам ее обрисую. Но сначала расскажите-ка мне поподробнее, о чем они говорили.

Я пересказал ему, насколько это было возможно, все до последнего слова. Когда я замолчал, он торжествующе хлопнул в ладоши:

— Это даже лучше, чем я надеялся, Джефф. Нам сдали нужные карты! Галан считает, что мадемуазель Прево знает, кто убийца, и намерен это вывести. Вчера вечером ему это не удалось, но в соответствующей обстановке... Это совершенно отвечает моей теории.

— Но с какой стати Галану заботиться о законе и порядке?

— О законе и порядке? Пошевелите мозгами! Он же шантажист. Получив доказательства совершенного кем-то убийства, Галан добавил бы к своей коллекции материалов для шантажа наисовершеннейшее средство запугивания. Я это подозревал...

— Минутку, — перебил я. — Даже если предположить, что Галан непременно встретится с этой девушкой, — хотя как вы додумались до этого, одному Богу известно! — но даже если так, то почему вы были так уверены, что это произойдет в клубе? Я бы решил, что, поскольку клуб под подозрением, он будет последним местом, куда они отправятся.

— Напротив, Джефф, я подумал, что клуб — наиболее вероятное место. Задумайтесь на минутку! Галан не знает, что мы подозреваем Джину Прево в том, что она замешана в этом деле, — он же сам ей об этом сказал, судя по вашему рассказу. Несомненно,

он догадывается, что за ним следят мои люди; откровенно говоря, им было специально приказано как можно больше мозолить ему глаза. Значит, где бы он ни встретился с Джиной Прево — у нее дома, у него, в любом театре или кафе, — она непременно привлечет наше внимание, и тогда, рассуждает он, мы наверняка заинтересуемся, кто же эта загадочная блондинка. Станем разбираться, выясним ее имя, обнаружим, что она находилась рядом с клубом в момент убийства... и они оба попались! А ведь клуб гораздо безопаснее. Ключей всего сотня, взломать замок практически невозможно, и полиция никак не сможет проникнуть внутрь, чтобы следить за ними там. Больше того, в такого рода заведение они оба могут прийти в разное время, и полицейским, наблюдающим за входной дверью, и в голову не придет, что они связаны друг с другом... Понятно?

— Значит, — подхватил я, — вы нарочно подыграли ему, рассказав все, что знаете о клубе, чтобы он мог организовать там свою встречу с Джиной!

— И чтобы я — или кто-нибудь из моих людей, неважно, — смог их разговор подслушать! Вот именно.

— Но к чему такой сложный план?

Он хмуро посмотрел на меня:

— А к тому, Джефф, что Галан не простой преступник. Сколько его ни допрашивай — хоть пытай, — все равно узнаешь только то, что он хочет, чтобы ты знал, и ни слова больше. Мы имеем дело с невероятно изворотливым умом, и наша единственная надежда — постараться его перехитрить. Я знал, что он снова встретится с этой девушкой, и знал еще до того, как стало известно, кто она.

— Ну да, снова с ней встретится. — Я приуныл. — Но ведь для этого надо было знать, что он с ней уже встречался.

— Ах, да это же было ясно! Вы услышите об этом в свое время. Теперь же, благодаря нашему другу Робике, мы с легкостью преодолели все трудности. Проникнуть в крепость можно было бы и так, но этот ключ делает эту задачу детской забавой. У нас есть комната по соседству с его, окно, выходящее в вентиляционный колодец... Джефф, он должен был бы обладать колдовскими способностями, чтобы догадаться об этом. Знаете, — вдруг без перехода сказал он, — что было самым существенным пунктом в его разговоре с Джинной Прево?

— То, что она скорее всего знает, кто убийца?

— Вовсе нет. Это мне и без того было известно. Главное — ее слова о том, что «там было темно». Запомните это!.. Что ж, до ленча мы еще успеем нанести небольшой визит на улицу Варенн. Навестим родителей мадемуазель Мартель.

Мы остановились на углу этой извилистой улицы, проходящей через самое сердце Сен-Жерменского предместья. Тут я заколебался.

— Послушайте, эти истерические встречи с родителями... это невыносимо. Если нам предстоит пройти через то же, что сегодня утром, я бы предпочел воздержаться.

Бенколин медленно покачал головой, глядя на торчащий из почерневшей стены кронштейн уличного фонаря.

— Только не в этом доме. Вы знаете Мартелей, Джефф?

— Слышал эту фамилию, не больше того.

— Граф де Мартель — старейший и самый негнбаемый столп Франции. Фамильная честь для Мартелей — нечто патологическое. И при всем том старик — ярый республиканец... Кстати, не вздумайте ненароком обратиться к нему по титулу: Мартели потомственные военные, и званием полковника он гордится больше всего на свете. На войне он потерял

руку. Жена его — маленькая старушка, почти совершенно глухая. Они живут в гигантском домище и проводят время играя в домино.

— В домино?

— С утра до вечера, — угрюмо кивнул Бенколин. — В молодости старик был настоящим игроком. Точнее, азартным человеком — из тех, кто не раздумывая рискует огромными деньгами при незначительных шансах на успех. От домино он, должно быть, получает какое-то сардоническое удовольствие! — И все же детектив стоял в нерешительности. — Это нужно проделать осторожно. Когда они узнают, где была убита их дочь... Знаете ли, Джефф, эта одержимость «фамильной честью» чертовски сложная вещь.

— Шомон сообщил им?

— Всей душой надеюсь, что да. И еще надеюсь, что у него хватило такта ничего не сказать о клубе. Впрочем, думаю, что музей восковых фигур для них не намного лучше. Однако...

Какие огромные пространства скрывает Париж в своих недрах! Сады Сен-Жерменского предместья, как мираж, открываются глазу, когда распахиваются ворота в этих высоких старинных стенах. Вам кажется, что аллеи здесь тянутся на долгие мили, что пруды заколдованы, а цветочные клумбы нереальны; вы бы ни за что не поверили, что в самом центре неутомонного Парижа может существовать столь обширный оазис деревенской тишины. Здесь посреди призрачных поместий высятся каменные дома с остроконечными крышами и башенками. Летом, в пору, когда на фоне зелени, искрясь в солнечном свете, полыхают цветы всевозможных оттенков, эти дома все равно кажутся гордыми, заброшенными и какими-то сказочными; но осенью их остроконечные крыши на фоне белесого неба вызывают чувство, что вы случайно забрели в сельскую местность далеко-дале-

ко от этого города и этого времени, а то и вовсе переместились в параллельную вселенную... Увидев свет в их окнах, поневоле вздрогнешь. На закате на покрытых гравием дорожках можно встретить темный экипаж с четверкой лошадей и лакеем на запятках; и когда топот коней и поднятый экипажем ветер замрут вдаль, понимаешь, что его пассажиры умерли уже лет двести тому назад...

Я не преувеличиваю. Когда старик привратник растворил перед нами ворота поместья Мартелей и мы зашагали по гравию подъездной аллеи, современный Париж перестал существовать. Автомобилей еще не изобрели. Лужайка выглядела опустелой, коричневые узоры мертвых цветочных клумб перемежались желтыми пятнами — это под деревьями к промокшей земле прилипли опавшие листья. Из-за дома, украшенного скорбными завитками чугунного литья, послышался шорох, звяканье цепи, а потом собачий лай. Он разносился по тонущему во влажных сумерках саду и эхом отдавался в шелестевших за ним аллеях. Будто в ответ, на первом этаже засветилось окно.

— Надеюсь, это чудовище на цепи, — поежился Бенколин. — Его зовут Шквал. Это самый злобный... Ого!

Он остановился как вкопанный. Из-за кустов в рощице молодых каштанов справа от нас выскочил человек. Он несся какими-то нечеловеческими прыжками. Когда видение достигло зарослей вокруг другой группы деревьев, мы увидели, что пальто у него на спине разорвано в клочья. Собака перестала лаять, и слышно было только, как шуршит опавшими листьями ветер.

— За нами следят, Джефф, — после паузы сказал Бенколин. — Это бодрит, не правда ли? Меня определенно взбодрило. Наверняка кто-то из людей Галана. Его спугнула собака.

Меня передернуло. Тяжелая капля дождя шлепнулась на лист передо мной, за ней еще одна. Мы поспешили к дому мимо коновязи, спеша укрыться под козырьком крыльца. Это крыльцо, по-видимому, сохранилось с прошлого века; в стенах все еще торчали кольца для привязывания лошадей. Слишком угрюмый дом для молодой девушки вроде Клодин Мартель. За увядшими виноградными лозами я заметил несколько плетеных кресел, обтянутых ярким ситцем; ветер перебирал страницы журнала, лежавшего на подушках качелей.

При нашем приближении двери начали открываться.

— Входите, господа, — произнес почтительный голос. — Полковник Мартель ждет вас.

Слуга провел нас в сумеречный холл, очень просторный, со стенами, отделанными черным орехом. Здесь было не то чтобы запущено — просто хотелось проветрить; пахло старым деревом, пыльными шторами, составом для чистки меди и навоощенным паркетом. Снова я уловил запах платья и волос, как в музее восковых фигур, но здесь, не мог не почувствовать я, это были платье и волосы мертвецов, и от стен, обитых над ореховыми панелями темно-красным атласом, веяло неуловимым запахом гнили. Нас провели в библиотеку в задней части дома.

За столом красного дерева, в круге света от настольной лампы с абажуром, сидел полковник Мартель. В дальнем конце комнаты над высокими книжными полками помещались окна в иссиня-черных рамах с голубыми и белыми стеклами. Было видно, как серебряные струи дождя становятся все гуще, и на лице женщины, неподвижно, со сложенными ладонями сидевшей в тени книжных полок, играли бледные переливы света. Здесь царила атмосфера застывшего ожидания, слез, которые

никогда не будут пролиты, и обреченности. Старик встал.

— Входите, господа, — произнес он глубоким голосом. — Это моя жена.

Он был среднего роста, очень коренастый, но держался в высшей степени подтянуто. Если бы его желтовато-бледное лицо не было таким полным, его можно было бы назвать красивым. Свет отражался от его большого голого черепа, засевшие под густыми бровями глаза блестели жестко и холодно. Я заметил, как заходили желваки под его большими, обвислыми, светло-песочного цвета усами, как расправились складки на его шее над высоким воротником с тонкой полоской шейного платка. Его темный костюм, хотя и несколько старомодного фасона, был сшит из самой лучшей материи, в рукавах торчали опаловые запонки. Он склонился в сторону тени.

— Добрый день! — пропел женский голос, звонкий и высокий, как у многих глухих. Глаза на ее увявшем исхудалом лице внимательно изучали нас, волосы были совершенно седыми. — Добрый день! Андре, принесите для господ стулья!

Граф де Мартель не сажился до тех пор, пока слуга не принес стулья и мы не сели. На столе я увидел костяшки домино. Они были уложены как блоки для своего рода игрушечного домика, и я вдруг представил себе, как долгими часами полковник сидит в этой комнате, твердой рукой терпеливо укладывает их одну на другую, а потом так же терпеливо, с серьезностью ребенка разбирает домик. Но сейчас он сидел перед нами и смотрел мрачно и неподвижно, теребя пальцем листок голубой бумаги, похожий на бланк телеграммы.

— Мы уже знаем, господа, — сказал он наконец.

Эта атмосфера начала действовать мне на нервы. Я видел, как женщина в глубине комнаты кивает

головой, стараясь не пропустить ни слова, и мне представилось, что над этим домом собираются разрушительные силы, которые вот-вот разнесут его на куски.

— Это облегчает нашу задачу, полковник Мартель, — сказал Бенколин, — и освобождает от неприятной обязанности. Буду говорить откровенно: теперь нам остается только получить всю информацию, какую только можно, о вашей дочери...

Старик неторопливо кивнул. Тут я впервые заметил, что он теребит бумажку только одной рукой; левой руки у него не было, и рукав был заправлен в карман.

— Мне нравится ваша прямолинейность, сударь, — проговорил он. — Уверяю вас, ни я, ни моя жена не проявим малодушия. Когда мы сможем... получить тело?

Меня передернуло, когда я взглянул в эти жесткие, холодно блестящие глаза. Бенколин ответил:

— Очень скоро. Вам известно, где нашли мадемуазель Мартель?

— В некоем музее восковых фигур, насколько я знаю, — громко произнес безжалостный голос. — Ее закололи в спину. Говорите внятно. Жена вас не слышит.

— Неужели она в самом деле мертва? — внезапно звонко вскрикнула женщина.

Этот крик пронзил всех нас. Господин Мартель медленно повернулся к жене и холодно посмотрел на нее. В тишине громко тикали напольные часы. Поймав его взгляд, мадам Мартель затихла, заморгала глазами, лицо у нее сморщилось и застыло.

— Мы надеемся, — продолжал Бенколин, — что вы поможете нам как-то прояснить обстоятельства смерти вашей дочери. Когда вы видели ее живой в последний раз?

— Я пытался думать об этом. Боюсь, — старик не пощадил и себя, — боюсь, я не следил как следует за дочерью. Оставил все на ее мать. Вот если бы у меня был сын... Но мы с Клодин были почти чужими. Она была живой, веселой, совсем другое поколение. — Он прижал руку ко лбу; глаза его, казалось, были устремлены в прошлое. — В последний раз я видел ее вчера вечером за обедом. Каждый месяц, в один и тот же день, я хожу к маркизу де Серанну играть в карты. Это ритуал, который мы соблюдаем почти сорок лет. Я вышел из дома около девяти часов. В это время она была еще дома: я слышал шаги в ее комнате.

— Вы не знаете, собиралась ли она уходить?

— Нет, сударь, не знаю. Как я сказал, — он снова напрягся, — я не следил за тем, что она делает, только передавал кое-какие распоряжения через жену и редко проверял исполнение. И вот... результат.

Наблюдая за мадам Мартель, я заметил, как на ее лице появилось жалобное выражение. Староречимый отец и впадающая в детство, простодушная мать... Судя по тому, что я успел о ней узнать, Клодин Мартель совсем не походила на Одетту. Она сумела бы выйти сухой из воды в любой ситуации. Я понял, что та же мысль мелькнула и у Бенколина, потому что он поинтересовался:

— Насколько я понимаю, у вас не было привычки поджидать ее возвращения?

— Сударь, — холодно произнес старик, — в нашей семье это не принято.

— К ней часто приходили друзья?

— Я вынужден был запретить ей это. Они слишком шумные для нашего дома, к тому же я не хотел беспокоить соседей. Ей разрешалось, конечно, приглашать своих друзей на наши приемы, но она этого не делала. Выяснилось, что она хотела подавать нашим гостям так называемые «коктейли»... — Чуть

заметная презрительная улыбка скривила его одутловатое лицо. — Я объяснил ей, что винный погреб Мартелей считается одним из лучших во Франции и что я не имею никакого права оскорблять своих старинных друзей. Это был один из редких случаев, когда мы вообще обменялись хоть словом. Она спросила меня, причем на повышенных тонах, был ли я когда-нибудь молодым. Молодым!..

— Вернемся к моему вопросу, господин Мартель. Вы сказали, что виделись с дочерью за обедом. Было ли ее поведение обычным, или вам показалось, что у нее есть что-то на уме?

Граф, прищурившись, тербил свои длинные усы.

— Я думал об этом потом. Да, я заметил. Она была... расстроена.

— Она ничего не ела! — вмешалась его жена настолько внезапно, что даже Бенколин повернулся и внимательно посмотрел на нее. Полковник говорил очень тихо, и мы оба были удивлены, как она могла услышать его слова.

— Она читает по губам, господа, — объяснил наш хозяин. — Вам нет необходимости кричать... Это правда. Клодин почти ничего не ела.

— Как вы считаете, такое поведение было вызвано возбуждением, страхом или еще чем-нибудь?

— Не знаю. Возможно, всем вместе.

— Она была нездорова, — прокричала мадам Мартель. Ее остренькое личико, которое, наверное, было когда-то красивым, поворачивалось то в одну, то в другую сторону, и она умоляюще смотрела на нас своими блеклыми глазами. — Она уже до этого плохо себя чувствовала. А предыдущей ночью я слышала, как она плакала у себя в комнате. Просто рыдала!

Всякий раз когда от окна, заливаемого потоками дождя, доносился этот трепещущий, неестественно громкий голос, в котором дрожали слезы, мне хо-

телось схватиться за краешек стула. Я видел, каких усилий стоит ее бескомпромиссному мужу держать себя в руках; у него опустились уголки рта, а веки нервно подергивались в такт ее словам.

— Я услышала ее плач, встала и пошла к ней в комнату, как делала, когда она была ребенком и плакала в своей кроватке. — Судорожно сглотнув, женщина продолжала: — И она меня не прогнала. Она была со мной ласкова. Я спросила ее: «Что случилось, дорогая? Позволь мне помочь тебе». И она ответила: «Ты не можешь мне помочь, мама, мне никто не может помочь». Весь день она была очень грустная, а вечером ушла...

Опасаясь истерики, полковник Мартель снова резко повернулся к ней; его огромный кулак сжался, пустой левый рукав дрожал. Бенколин старался четко произносить звуки, говоря с его женой.

— Она сказала вам, мадам, что ее тревожит?

— Нет. Нет. Она не захотела.

— У вас не возникло никаких предположений?

— Что? — Непонимающий взгляд. — Предположений? Но что могло тревожить бедную малютку? Нет.

Она всхлипнула. Образовавшуюся паузу заполнил рокочущий, решительный голос ее мужа:

— Еще кое-что я узнал, господа, от Андре, нашего дворецкого. Около половины десятого Клодин позвонили. По-видимому, вскоре после этого она ушла. Она не сказала матери, куда идет, но обещала вернуться к одиннадцати.

— Звонил мужчина или женщина?

— Неизвестно.

— Никто не слышал хотя бы часть разговора?

— Моя жена, разумеется, нет. Но я специально спрашивал об этом Андре. Единственными словами, которые он услышал, были: «Но я даже не знала, что он вернулся во Францию!»

— «Я даже не знала, что он вернулся во Францию», — повторил детектив. — Вы не догадываетесь, к кому относились эти слова?

— Нет. У Клодин было много друзей.

— Она взяла машину?

— Она взяла машину, — подтвердил Мартель, — не спросив у меня разрешения. Ее вернул нам сегодня утром полицейский; мне кажется, она стояла недалеко от музея восковых фигур, где нашли Клодин. Так вот, судары! — Он медленно ударял кулаком по столу, от чего сотрясилось построенное из костяшек домино сооружение. Полковник посмотрел на Бенколина, и в глазах у него появился сухой блеск. — Так вот, судары! — повторил он. — Дело в ваших руках. Можете вы сказать мне, почему моя дочь, почему девушка из семьи Мартель была найдена мертвой в музее восковых фигур, в районе сомнительной репутации? Вот что меня больше всего интересует.

— Это трудный вопрос, полковник Мартель. В настоящий момент у меня нет уверенности. Вы сказали, она никогда прежде там не бывала?

— Этого я не знаю. Во всяком случае, — он тяжело повел рукой, — ясно, что это дело рук какого-нибудь хулигана или воришки. Я хочу, чтобы он понес наказание. Вы слышите, сударь? Если нужно, я предложу вознаграждение, достаточно крупное, чтобы...

— Вряд ли в этом будет необходимость. Но вы подвели меня к основному вопросу, который я хотел вам задать. Вы говорите: «Дело рук хулигана или воришки», но вы, вероятно, осведомлены, что вашу дочь не ограбили... не ограбили в обычном смысле слова? Ее деньги не тронули. Убийца забрал только некий предмет, висевший на тонкой золотой цепочке у нее на шее. Вы знаете, что это было?

— У нее на шее? — Старик покачал головой, нахмурился и стал покусывать кончики усов. — Не

могу даже представить себе. Конечно, это не могло быть чем-то из драгоценностей Мартелей. Я храню их под замком, и моя жена надевает их только на официальные приемы. Возможно, какая-нибудь безделушка, что-нибудь не слишком ценное. Я никогда не замечал...

Он вопросительно посмотрел на жену.

— Нет, — крикнула она. — Что вы говорите, это невозможно! Она никогда не надевала никаких кулонов или медальонов, говорила, что это старомодно. Я уверена! Я бы знала, господа!

Все нити вели в тупик, ни один ключ ничего не давал. Мы долго молчали. Тем временем шум дождя перерос в грохот, от расплывающихся по стеклам потоков воды потемнели окна. Последнее сообщение, однако, отнюдь не разочаровало Бенколина и даже, по-видимому, обрадовало. Он едва сдерживал возбуждение; настольная лампа отбрасывала длинные треугольные тени, пролежавшие под его скулами и подчеркивавшие белизну зубов между небольшими усиками и клинышком бородки, когда он улыбался. Но в его миндалевидных глазах по-прежнему не было и тени улыбки, когда он переводил взгляд с Мартеля на его жену.

Качнулись гири напольных часов, и начало бить двенадцать. Каждая хриплая нота отчеканивалась с неторопливой основательностью, как будто звучала из могилы, и еще больше усиливала нервное напряжение в комнате. Господин Мартель посмотрел на свое запястье, нахмурился и перевел взгляд на старинные часы, тем самым вежливо давая понять, что нам пора бы уже откланяться.

— Я не думаю, — заметил Бенколин, — что есть смысл задавать вам новые вопросы. Разгадка лежит не здесь. Все попытки углубиться еще дальше в личную жизнь мадемуазель Мартель, по-моему, бесплодны. Я благодарю вас, мадам, и вас, сударь, за

помощь. Будьте уверены, я буду держать вас в курсе нашего расследования.

Наш хозяин поднялся, мы последовали его примеру. Впервые мне бросилось в глаза, насколько потрясла его наша беседа, — он держал свое коренное тело все так же прямо, но глаза у него потухли, и в них читались растерянность и отчаяние. Он стоял там в своем отличном костюме и рубашке, как на каком-то торжестве, и его лысая голова ярко блестела в свете лампы...

Мы вышли под дождь.

ГЛАВА X

— Это Бенколин. Соедините с центральной, бюро медицинских экспертиз.

Какое-то время в трубке лишь что-то пощелкивало под гудение проводов.

— Бюро медицинских экспертиз, дежурный.

— Говорит начальник полиции. Сообщите результаты вскрытия Одетты Дюшен. Дело А-42, убийство.

— Дело А-42, рапорт комиссара, предварительное заключение, два часа дня девятнадцатого октября тысяча девятьсот тридцатого года, центральному управлению. Тело женщины, обнаруженное в реке у основания моста О-Шанж. Правильно?

— Правильно.

— Открытый перелом черепа, вызванный падением с высоты не менее двадцати футов. Непосредственная причина смерти — ножевое ранение в область межреберья, проникающее в сердце, нанесено ножом шириной один дюйм длиной семь дюймов. Небольшие ушибы и разрывы тканей. Порезы на голове, лице, шее и руках, причиненные разбитым стеклом. К моменту обнаружения мертва в течение восемнадцати часов.

— Спасибо... Теперь центральное управление, четвертый департамент.

— Центральное управление, четвертый департамент, — пробубнил голос.

— Начальник полиции. Кто ведет дело А-42, убийство?

— А-42?.. Инспектор Лутрель.

— Если он на месте, соедините меня с ним.

Уже наступали холодные осенние сумерки. Раньше я не мог повидаться с Бенколином: перед самым ленчем его вызвали в бюро по текущим делам, и только после четырех я смог войти к нему в кабинет во Дворце Правосудия. Но в этой большой голубой комнате с лампами под зелеными абажурами, где он ведет допросы, его не оказалось. На самом верху огромного здания у Бенколина есть своя личная комната, своего рода берлога, куда не доносится шум Дворца Правосудия, хотя она соединена целой батареей телефонов со всеми отделами Сюрте и управлением полиции, расположенным в нескольких кварталах от Дворца.

Остров Сите, по форме напоминающий узкий и длинный корабль, протянулся почти на милю вдоль Сены; в одном конце он расширяется, и там находится собор Парижской Богоматери, в другом, выступающем, как бушприт, расположен небольшой сад, смело называемый Зеленой площадью любви. Между ними, нависая над суетой Нового моста, возвышается Дворец Правосудия. Окна комнаты Бенколина высоко, под самой крышей, они смотрят на Новый мост и дальше, на темную реку. Создается иллюзия, что отсюда виден весь Париж. Место это довольно жуткое: стены здесь коричневые, стоят мягкие кресла, в стеклянных шкафах расставлены страшные реликвии, на стенах фотографии в рамках, на полу старый ковер, истертый от бесконечного хождения из угла в угол.

Мы сидели в темноте — горели только тусклые лампочки над книжными шкафами в алькове за спиной Бенколина, отчего голова его выделялась темным силуэтом на фоне окон, около которых он сидел

с телефонной трубкой в руке. Мое кресло стояло напротив, на голове у меня были наушники от параллельного телефона. Я слышал пощелкивание и гул, бесплотные голоса, доносившиеся с разных концов здания, — как будто в руках у меня сосредоточились все нити, которые разбегались из этой комнаты и реагировали на малейший сигнал из центра, невидимо опутывая каждый дом в Париже.

В трубке воцарилось молчание. Длинные пальцы Бенколина нетерпеливо постукивали по подлокотнику кресла. Я перевел глаза на вид за окном. Стекла слабо дребезжали: вниз по реке дул холодный ветер. Окна были все еще мутными от дождя, который бросал в них воду небольшими пригоршнями. Я видел заляпанные грязью фонари там, внизу, на Новом мосту; мост был забит пешеходами, гудели машины, сверкали огни, громыхали автобусы. Подальше, по выступу острова, пробежало несколько отблесков, изломом отразившихся в реке. Все остальное тонуло во мраке. Бледные фонари, выстроившиеся рядами по берегам реки, уходили вдаль, таяли и затем совершенно исчезали за пологом дождя.

— Инспектор Лутрель слушает, — раздалось у меня в ушах. Мы снова были далеко от этой пронизанной холодом панорамы; мы укрылись за оконным стеклом, запустив в действие огромную машину, и в нашей комнате пахло густым табачным дымом и протертым ковром, по которому столько раз шагал Бенколин, вычисляя очередного убийцу.

— Лутрель? Это Бенколин. Что у вас есть по убийству Дюшен?

— Пока ничего интересного. Сегодня днем я отправился к ее матери, но мне сказали, что вы там уже были. Я говорил с Дюраном. Он ведет дело Мартель, так ведь?

— Да.

— Он говорит, вы считаете, что оба дела связаны с Клубом Цветных масок на Севастопольском бульваре. Я хотел было наведаться туда, но Дюран сказал, что вы приказали его не трогать. Это правда?

— В настоящий момент да.

— Ну раз вы так распорядились, тогда ладно, — проворчал Лутрель. — Хотя не могу понять, зачем это нужно. Тело подобрали у основания моста О-Шанж, у одного из быков. Течение там быстрое; возможно, тело сбросили выше того места, где его прибило. А этот мост в самом конце Севастопольского бульвара. Труп могли притащить туда прямо из клуба.

— Никто ничего подозрительного не заметил?

— Нет. Мы опросили тамошних жителей. В том-то и вся чертовщина.

— Лабораторные данные?

— Лаборатория ничего не может сделать. Труп слишком долго пробыл в воде, и на одежде не осталось никаких следов. Есть одна ниточка; но если вы настаиваете на том, что дело не в клубе...

— Порезы стеклом на лице, не правда ли? Стекло, очевидно, необычное — матовое, безусловно, и, возможно, цветное. Вы ведь нашли осколки? О да, инспектор. Она либо сама выпрыгнула из окна, либо ее выбросили, а в окнах этого клуба, по всей вероятности...

На том конце провода раздалось досадливое восклицание.

— Да, — неохотно признался инспектор, — в некоторых порезах сохранились осколки. Стекло темно-красное, очень дорогое. Значит, вы его видели, да? Мы допрашиваем всех стекольщиков в радиусе полутора миль от арки Сен-Мартен. Может, кто из них чинил то окно... Будут какие-нибудь указания?

— Пока никаких. Продолжайте в том же духе, но помните — никаких расспросов в Клубе Цветных масок, пока я не разрешу.

Лутрель еще что-то буркнул и повесил трубку. Бенколин задумался, нервно постукивая пальцами по подлокотникам кресла.

Мы молчали, прислушиваясь к отдаленному гулу полного людей здания и шуму дождя.

— Итак, — наконец заговорил я, — Одетту Дюшен убили в клубе. По-видимому, это можно считать доказанным. Но Клодин Мартель... Бенколин, ее убили из-за того, что она слишком много знала о гибели Одетты?

Он медленно повернулся ко мне:

— Почему вы так думаете?

— Ну взять хотя бы ее поведение дома вечером в день исчезновения мадемуазель Дюшен. Вы помните — она плакала, была возбуждена, сказала матери: «Ты не можешь мне помочь, мама, мне никто не может помочь». Похоже, Клодин Мартель была довольно сдержанной барышней... Вы полагаете, они обе были членами клуба?

Бенколин слегка наклонился, чтобы придвинуть поближе табурет, на котором стоял графин коньяка и лежала коробка сигар. Падавший сзади, из алькова, свет ложился на нижнюю часть его лица, рельефно выделяя скулы, и заставлял жидкость в графине гореть алым пламенем.

— Ну что же, мы можем предположить это с определенной долей вероятности. Я думаю, Одетта Дюшен не входила в клуб, а мадемуазель Мартель наверняка входила.

— Почему наверняка?

— О, об этом говорит очень многое. Во-первых, ее знала мадемуазель Августин, и знала хорошо. Внешность Клодин просто врезалась в память мадемуазель Августин, хотя она могла и не знать ее имени. Клодин Мартель, наверное, имела привычку заходить в клуб через музей, а следовательно, была постоянной посетительницей клуба...

— Минутку! А разве не может быть, что ее лицо не было знакомо мадемуазель Августин, но так крепко запомнилось ей потому, что она видела Клодин Мартель мертвой?

Наливая себе рюмку коньяка, сыщик задумчиво взглянул на меня:

— Понимаю, Джефф. Вы пытаетесь приписать хозяйке музея сокрытие убийства? Что ж, это возможно... тут есть даже несколько вариантов; мы обсудим их позже. Что же до того, что мадемуазель Мартель была членом клуба, то, во-вторых, в проходе рядом с ее телом мы нашли черную маску. Она определенно принадлежала ей.

Я выпрямился на стуле.

— Что за черт! Я ясно слышал, как вы доказывали инспектору Дюрану, что эта маска принадлежит другой женщине!

— Да, — засмеялся Бенколин, — да, я вынужден был обмануть вас обоих, чтобы ввести в заблуждение инспектора. Я боялся в тот момент, что он заметит ужасную, вопиющую ошибку в моих рассуждениях...

— Но почему?..

— ...Я его обманул?.. Потому, Джефф, что инспектор Дюран слишком импульсивен, чтобы быть рассудительным. Он верит в то, что эту невинную овечку заманили в клуб, а там напали на нее и зверски убили, и я хотел, чтобы в это поверили все. Если бы Дюран знал, что она была членом клуба, он тут же отправился бы к ее родителям, друзьям и всем сообщал бы об этом. В результате они либо пришли бы в ярость и спустили бы нас с лестницы, либо сразу же захлопнули бы двери перед нашим носом. Во всяком случае, мы не получили бы от них ни помощи, ни информации... Как вы могли заметить, ни той, ни другой семье я не сказал, что эти две смерти связаны между собой или что одна из девушек имела отношение к клубу.

Я покачал головой:

— Чертовски сложная игра.

— Так и должно быть! В противном случае мы ничего не достигнем. Публичный скандал вокруг этого клуба уничтожил бы сейчас все наши надежды узнать правду. Но вернемся к маске: здесь-то и было слабое звено в рассуждениях, которые я изложил инспектору. Вспомните: женщина, внешность которой я вывел из вещественных доказательств, не могла быть никем другим, как только мертвой девушкой! Небольшого роста, брюнетка, длинные волосы — все это прекрасно подходило, и маска подтверждала мои предположения. Но я ловким ходом рассуждений убедил Дюрана...

— На маске были следы помады. Вы обратили внимание, что у убитой губы не были накрашены.

На этот раз смех перешел в хохот.

— Да вы же сами подобрали губную помаду, которую она носила в сумочке! Послушайте, Джефф, ведь вы понимаете, что если у нее не были накрашены губы в момент смерти, это еще не значит, что она никогда их не красила... Весьма жаль, что Дюран так легко это проглотил. Ведь совершенно очевидно, что она наверняка носила раньше эту маску, хотя в этот раз и не надела ее!

— А оторванная резинка?

— Резинка, мой друг, была оторвана убийцей, когда он или она рылся в сумочке Клодин. Понимаете? Девушка захватила маску с собой, уходя в тот вечер из дома. По всей вероятности, старомодная строгость Мартелей помешала ей накрашивать губы перед уходом, а потом она забыла. Она, несомненно, направлялась в клуб. Последнее, что предстоит доказать, — это то, что Клодин Мартель была членом клуба... Ну так давайте обсудим все в целом. — Он откинулся в кресле, сложил вместе кончики пальцев и уставился в окно. — С самого начала, как мы

знаем, эта «дама в коричневой шляпке» — Джина Прево — была каким-то образом связана с исчезновением Одетты Дюшен. Помните, старый Августин видел ее, когда она шла за Одеттой вниз по лестнице; он еще принял ее за привидение. Мы также можем сказать, что и Клодин Мартель также имела отношение к ее исчезновению: учитывая членство Клодин в клубе и то, что мы слышали о ее поведении в ту ночь, просто невозможно прийти к другому выводу. Я не говорю, что девушки непосредственно участвовали в убийстве. Мне кажется, я даже догадываюсь, как они с ним связаны... Они были испуганы, Джефф, ужасно испуганы тем, что могут быть замешаны в убийстве. Поэтому они договорились о встрече — Джина Прево и Клодин Мартель, — и в ту же ночь Клодин Мартель была убита. Мы знаем, что без двадцати пяти двенадцать мадемуазель Прево стояла у входа в музей, где ее видел полицейский. Она расстроена, она в нерешительности. Безусловно, она договорилась встретиться с подружкой либо в самом музее, либо в проходе, потому что такие девушки вряд ли будут ждать на улице, у выхода на Севастопольский бульвар, — согласитесь, район совершенно неподходящий, чтобы торчать у дверей. И что же? Джефф, что-то у них получилось не так, и нам нет нужды искать причины. Она пришла к музею без двадцати пяти двенадцать, но музей был закрыт. По чистой случайности все пошло наперекосяк. По чистой случайности я позвонил мсье Августину, чтобы договориться о встрече, и он запер музей на полчаса раньше обычного. Приехав туда, мадемуазель Прево нашла закрытые двери и погруженные в темноту окна. Такого никогда прежде не случалось, и она просто не знала, что делать. Несомненно, она привыкла входить через музей, а поэтому не решалась войти через дверь, выходящую на Севастопольский бульвар... Клодин Мартель

приехала раньше нее. Был ли тогда музей уже закрыт, или же она всегда пользовалась входом с бульвара — этого мы не знаем. Во всяком случае, она определенно вошла с бульвара...

— Почему вы так решили?

— У нее же, Джефф, не было билетика! — Бенколин наклонился вперед и нетерпеливо хлопнул ладонями по ручкам кресла. — Вы, конечно, понимаете, что — хотя бы для виду — каждый член клуба, входя через музей, должен был купить билет. Но среди вещей убитой билетика не было. Мы, конечно же, не настолько сошли с ума, чтобы предположить, что билет украл убийца: зачем бы ему это понадобилось? Он ведь сам оставил ее в музее, а значит, не пытался делать тайны из ее присутствия там.

— Понятно. Что дальше?

— Итак, мадемуазель Мартель входит в клуб с бульвара, а ее подруга ждет на улице около музея восковых фигур. Пока они так ждут друг друга и пока каждая гадает, куда же подевалась другая, мы приходим к нескольким важным выводам. Первый из них состоит в следующем. Попав в проход, убийца мог приблизиться к своей жертве тремя путями. Первый — через дверь с секретным замком, выходящую на улицу. Второй — через главную дверь, ведущую в сам клуб. Третий — через дверь из музея. Вот эта дверь для нас наиболее интересна: в ней пружинный замок и она открывается только изнутри музея. Значит, ею пользуются только те, кто идет в одном направлении — то есть в клуб. Гости никогда не уходят этим путем: у них нет ключей. А почему? Потому, что музей вечером закрывается. После двенадцати, когда музей уже закрыт, они не могут топать через зал, открывать запор и, снимая щеколду, на которую закрывается огромная дверь, заставляя мадемуазель Августин вставать среди ночи и запирасть ее за каждым

выходящим! Это было бы просто неразумно, не говоря уже о том, что старый Августин наверняка обнаружил бы все это хождение. Вы же сами видели, как старалась дочка скрыть от него все... Нет, нет, Джефф! Войти из музея в клуб можно было, но пружинный замок был всегда заперт изнутри музея, а ключа не было; следовательно, выходом служила только дверь на бульвар... Так вот. Определяя путь, по которому убийца подошел к своей жертве, мы имеем в виду эти три двери. Убийца мог войти через одну из двух первых: с улицы или из клуба. Но... — Бенколин выделял каждое свое слово, ударяя кулаком по ручке кресла, — если бы он вошел через любую из этих дверей, он никак не смог бы отнести тело в музей! Помните? Поскольку дверь музея закрывается изнутри, он не мог открыть ее из прохода. Поэтому, мой друг, мы видим, что убийца, должно быть, подкрался к девушке со стороны музея, открыв дверь изнутри...

Я присвистнул.

— Вы думаете, что старый Августин, закрыв музей в половине двенадцатого, запер убийцу внутри?

— Да. Он запер его там, в темноте. Теперь мне совершенно ясно, что это была не случайность. Убийца ждал там специально, зная, что мадемуазель Мартель должна появиться в проходе. Каким путем она войдет, из музея или с улицы, не имело значения: в любом случае он не мог ее пропустить. И он преспокойно мог спрятаться в той нише за ложной стеной, где стоит сатир.

Бенколин замолчал, чтобы закурить сигару; от нетерпения у него тряслись руки, так он торопился продолжить рассказ. А мне в голову снова пришла прежняя страшная мысль...

— Бенколин, — проговорил я, — но разве тот, кого заперли в музее, обязательно должен был прийти с улицы?

— Что вы имеете в виду? — Его глаза на мгновение сверкнули в пламени спички. Мой друг всегда ужасно сердился, когда кто-нибудь ставил под сомнение один из пунктов в цепочке его рассуждений.

— Мадемуазель Августин была в музее одна. И еще эта странная история, когда она включила свет на лестнице, помните? Она сказала, что ей показалось, будто кто-то ходит по музею... Кстати, — перебил я сам себя, вдруг кое-что вспомнив, — черт возьми, как вы узнали, что она включала свет? Вы спросили ее об этом, и она призналась, но ведь ничто не говорило об этом...

— Еще как говорило! — возразил сыщик, и настроение у него немного улучшилось. — Джефф, что вы хотите мне сказать? Что Мари Августин совершила убийство?

— Ну... не совсем. Не представляю, какой у нее мог быть мотив. К тому же с какой стати ей, зарезав девушку, взваливать на себя труп и тащить его в собственный музей, где это прямо указывает на нее? Но то, что она была там одна, да и свет...

Бенколин прочертил в воздухе кривую красным огоньком сигары. Я почувствовал, что он насмешливо улыбается.

— Не дает вам покоя этот свет! Позвольте объяснить вам, что произошло на самом деле, — проговорил Бенколин. — Во-первых, мы имеем мадемуазель Мартель, поджидающую в проходе. Во-вторых, убийцу, затаившегося в нише. В-третьих, мадемуазель Прево, стоящую у музея... Что же произошло тем временем? Барышня Августин, как выразились вы, одна в своей квартире. Представьте себе! Она выглядывает из окна на улицу. При свете уличного фонаря она видит то же, что и полицейский, — Джину Прево, которая нервно ходит туда-сюда. Что бы вы о ней ни говорили, мадемуазель Августин

добросовестная молодая женщина, она зарабатывает деньги у всякого, кто их платит. И она знает, что нужно Джине. Не пустить ее — значит потерять источник дохода. Поэтому она включает свет — центральное освещение, вы помните, и еще на лестнице, которая ведет к двери в проход, — чтобы посетительнице не было темно. Потом она отпирает парадную дверь в музей... Но мадемуазель Прево ушла! Уже почти без двадцати двенадцать, и она наконец решается войти другим путем. На улице ни души. Мари Августин удивлена, растеряна, и вдруг у нее зарождается подозрение — уж не ловушка ли это? Я вижу, как эта решительная молодая дама смотрит направо и налево по улице Сен-Апполин и думает. Затем она снова запирает дверь, идет в музей — по-моему, по привычке — и вглядывается в этот зеленый полумрак... Что же тем временем происходит в проходе за музеем? С половины двенадцатого убийца ждет в нише между ложной стеной и дверью, ведущей из музея в проход. В половине двенадцатого в музее гасят свет. Убийца остается в полной темноте. Вскоре он слышит, как кто-то отпирает дверь с Севастопольского бульвара. Дверь открывается, и на фоне бульварных фонарей вырисовывается женская фигура...

Сидя здесь, в этой комнате с высокими потолками, я как будто воочию видел, как все это происходило. Наша утопающая в сумраке комната, тусклая полоска света, падающая из алькова, и сатинская гримаса на лице Бенколина, его рука, прикрывающая глаза от света, и потоки дождя на окнах, и чуть слышный шум уличного движения — все это уступило место темному проходу, который он сейчас описывал. Открывается дверь с бульвара, впуская слабый, мерцающий серебристый свет. В проеме стоит женщина... Бенколин заговорил быстрее:

— Это Клодин Мартель. Она пришла в проход, чтобы встретиться, допустим, с Джинной Прево. Ее силуэт виден, но слишком размыто. Убийца не уверен, не может быть уверен — ведь он прошел сюда через музей, — что это и есть его жертва, мадемуазель Мартель. Он думает, что это скорее всего она; но он должен быть уверен, а там слишком темно, чтобы быть уверенным. Наверное, он пережил несколько ужасных моментов неизвестности, пока слушал, как она в темноте ходит по проходу. Он слышит ее шаги, постукивание каблучков по каменному полу, но не может ее видеть. Клодин Мартель ходит по проходу, мадемуазель Прево ходит по улице перед музеем, тяжело стучат три сердца — и все это только потому, что старый Августин закрыл музей в половине двенадцатого и выключил свет... Джефф, если бы Клодин Мартель зажгла свет, если бы она нажала на выключатель у входа!.. Тогда все было бы совсем по-другому. Но она этого не сделала, как мы знаем со слов мадемуазель Прево, которые вы слышали: «Было темно»... Теперь обратите внимание на последовательность событий, и вам станет окончательно ясна ситуация и то, что из нее следует. Ровно без четверти двенадцать Джина Прево решает войти в клуб со стороны бульвара. Она уходит от дверей музея и заворачивает на Севастопольский бульвар. Сразу же после этого мадемуазель Августин включает электричество в музей, в том числе и ту зеленую лампочку, которая расположена в углу за сатиром. Как я вам уже говорил, теперь, когда обе двери — потайная, в углу, и дверь из музея в проход — открыты, зеленый свет проникает в проход, расположенный за ними... света очень мало, но достаточно, чтобы вблизи разглядеть лицо человека... Увидев свет, Клодин Мартель резко поворачивается. Теперь отсвет зеленой лампочки падает на ее лицо, и она замечает силуэт убийцы. Девушка делает шаг

назад к кирпичной стене, но убийца больше не колеблется. Она даже не успела вскрикнуть, когда он притянул ее к себе и всадил нож ей в спину... И это, Джефф, происходит в тот самый момент, когда Джина Прево отпирает дверь с бульвара своим серебряным ключом.

Детектив сделал паузу; он был очень возбужден, сигара в его руке погасла. Я представил себе эту сцену, и у меня забило сердце: тусклый зеленый свет, удар ножом в тот самый момент, как щелкает замок от поворота серебряного ключа, и вот в проходе появляется еще одна женская фигура... С какой же болью, должно быть, упало сердце убийцы, когда он ее увидел...

Долгое, полное предчувствий — как будто крошечные пальцы прохаживаются по обнаженным нервам — молчание; непрерывное журчание воды, стекающей по стеклам снаружи...

— Джефф, — медленно продолжил детектив, — что там было дальше в проходе, мы можем только догадываться. До этого момента мы могли восстанавливать события с достаточной степенью определенности, но потом?.. Свет был настолько тусклым, что убийца смог опознать жертву только вблизи; поэтому у нас нет оснований считать, что Джина Прево, стоявшая в некотором отдалении, узнала убийцу или жертву. Однако, судя по ее разговору с Галаном, она, очевидно, знала по меньшей мере, кто была жертва. Трудно представить себе, чтобы Джина подбежала поближе посмотреть, что случилось. Она, наверное, видела, как блеснул нож, слышала звук удара, слышала, как упало тело; она поняла, что это убийство, убийца повернул к ней лицо, и вряд ли ей хотелось увидеть больше... Она вскрикнула и побежала, оставив за собой дверь открытой. Поэтому мы должны предположить, что Клодин Мартель, с ножом под лопаткой, должно быть, произнесла несколько слов.

Джина Прево узнала голос и поняла, что заколота ее подруга. Если мы примем это предположение, мы должны согласиться, что это был не просто стон: едва ли Джина Прево по одному вскрику могла узнать голос. Это были слова, Джефф, несколько слов! — Он помолчал, и потом снова в темноте зазвучал его негромкий голос: — Итак, мы можем предположить, что в момент, когда смерть затягивала пеленой ее сознание, Клодин Мартель выкрикнула имя своего убийцы, и оно отозвалось эхом в этом пустом коридоре...

Задребезжал телефон. Бенколин взял трубку.

— Алло! — услышал я, как будто издалека, его голос. — Кто? Мадам Дюшен и господин Робике?.. Хм. Ну ладно. Пусть поднимаются.

ГЛАВА XI

Я едва различал слова Бенколина. Я видел, что он говорит по телефону, но слышал его голос, как слышишь радиопередачу, погрузившись в чтение книги. Мой друг более, чем кто-нибудь другой, обладает силой внушения, основанной на тщательном подборе слов. Несколько фраз звучало у меня в голове, как колокола, и звон их разносился многоголосым эхом по всем уголкам мозга, пробуждая к жизни жуткие призраки. Темный проход и сочащийся из-за двери зеленый свет казались мне еще отвратительнее, чем когда-либо прежде. Неожиданный прыжок убийцы, притаившегося в засаде, напоминал безжалостное коварство животного. Я как будто сам переживал ужас, который почувствовала Клодин Мартель, когда этот зверь бросился на нее. Но страшнее всего была мысль о том, как умирающая девушка кричит бесчувственным стенам имя своего убийцы...

— Мадам Дюшен и господин Робике.

Я только сейчас понял, что значат эти слова. Бенколин включил лампу у себя на столе, и ее желтый круг погрузил в тень всю комнату, кроме широкого письменного стола, заваленного бумагами. Детектив сел в кресло — сутулая фигура с пронзительными глазами под нависшими над ними тяжелыми веками, со впалыми щеками, жестко очерченным морщинами лицом и седеющими черны-

ми волосами, разделенными посредине пробором и закручивающимися вверх, как рога. Одна его рука неподвижно лежала на столе. Рядом с ней, когда он посмотрел на дверь, я заметил блестящий на блокноте маленький серебряный ключик.

Служащий ввел в комнату мадам Дюшен и Робике. Бенколин встал им навстречу и указал на кресла около его стола. Несмотря на плохую погоду, женщина была одета изысканно — в котиковую шубку и жемчуга; лицо ее выглядело моложавым под полями низко надвинутой черной шляпы. Мешки под глазами казались теперь всего лишь подведенными тенями, она совсем не походила на ту неряшливую и изможденную женщину, которую мы видели этим утром. Теперь я рассмотрел, что глаза у нее не черные, а стальные. Она похлопывала по столу газетой, и чем дольше она это делала, тем больше серело от чего-то похожего на отчаяние ее лицо...

— Господин Бенколин, — чрезвычайно сухо произнесла она, — я взяла на себя смелость прийти к вам, поскольку инспектор полиции, который приходил к нам сегодня днем, позволил себе некоторые порочащие Одетту намеки. Я не поняла, что он имел в виду, и совершенно бы об этом забыла, если бы... не увидела вот эту статью. — Она снова похлопала по столу газетой. — Тогда я попросила Поля привезти меня сюда.

— Именно так, — нервно вставил Робике, кутаясь в толстое пальто. Я заметил, что он не сводит глаз с серебряного ключика.

— Я очень рад, мадам, — склонил голову Бенколин.

Она сделала жест, словно отбрасывая вежливость в сторону.

— Вы будете говорить со мной откровенно?

— О чем, мадам?

— О смерти... моей дочери. И Клодин Мартель. — У нее перехватило дыхание. — Вы не сказали мне об этом сегодня утром.

— Зачем же мне было это делать, мадам? У вас наверняка и так голова идет кругом, и еще один удар...

— Пожалуйста... пожалуйста, не скрывайте от меня ничего! Я должна знать. Я уверена, что эти события связаны. И что Клодин нашли в музее восковых фигур... это же полицейская увертка, разве не так?

Бенколин смотрел на нее, приложив пальцы к виску, и ничего не отвечал.

— Потому что, видите ли, — продолжала она с усилием, — я сама когда-то была членом Клуба Цветных масок. О, это было очень давно! Двадцать лет назад. Это заведение существует не первый год, хотя, наверное, — заметила она с горечью, — с тех пор там переменялся хозяин. Я знаю, где находится клуб. Музей восковых фигур, — о, я никогда в жизни не заподозрила бы музей восковых фигур! Но я догадывалась, что Клодин туда ходила... в клуб, я хочу сказать. И когда я узнала про ее смерть, то подумала о гибели Одетты...

Женщина провела языком по губам; лицо ее совершенно посерело. Она продолжала судорожно похлопывать газетой по столу.

— Совершенно неожиданно, сударь, я поняла. Матери всегда понимают такие вещи. Я почувствовала, что тут что-то не так. Одетта имела отношение к клубу?

— Не знаю, мадам. Разве что невольно.

Она посмотрела на нас пустыми глазами и пробормотала:

— И будет проклят род твой... как это?.. до седьмого колена. Я никогда не была религиозна. Но теперь я верю в Бога. О да. В его гнев. Он разгневался на меня...

Ее затрясло. Робике, бледный как воск, спрятал подбородок в воротник пальто и сдавленным голосом произнес:

— Тетя Беатриса, говорил я вам — не надо было сюда приезжать. Господа делают все, что могут. И...

— Еще сегодня утром, — быстро заговорила она, — когда вы отправили своего друга вниз послушать, о чем будет говорить Джина с этим человеком, я должна была бы понять. Конечно, Джина имеет к этому отношение. Как она себя вела! Как ужасно она себя вела!.. Моя маленькая Одетта! Они все с этим связаны...

— Мадам, вы переутомились, — мягко заметил детектив. — Это была простая формальность. Человек зашел в дом, и мадемуазель Прево, встретив его...

— Теперь я вам кое-что скажу. Я тогда была потрясена, и это заставило меня задуматься. Этот голос... голос этого человека...

— Да? — ободрил ее Бенколин, тихонько постукивая пальцами по столу.

— Как я сказала, его голос мне кое-что напомнил... Я уже слышала его прежде.

— Ага! Так вы знакомы с господином Галаном?

— Я никогда его не видела. Но четыре раза слышала его голос.

Робике как зачарованный во все глаза смотрел на поблескивающий серебряный ключик, а мадам уверенно продолжала:

— Второй раз это было лет десять назад. Я сидела наверху, учила Одетту — она была еще маленькая — вышивать. Мой муж читал внизу, в библиотеке, я чувствовала запах его сигары. В дверь позвонили, служанка впустила посетителя, и я услышала голос в холле. Приятный голос. Муж принял гостя. Я слышала, как они разговаривали, но слов не различала. Несколько раз посетитель смеялся. Потом

служанка выпустила его... Я запомнила, что у него скрипели ботинки и в холле он еще продолжал смеяться. Через несколько часов после этого я почувствовала запах пороха, а не сигар, и спустилась вниз. Муж воспользовался глушителем, когда стрелялся, потому что... потому что не хотел беспокоить Одетту... Потом я вспомнила, где слышала этот голос впервые. Это было в Клубе Цветных масок — о, я бывала там только до замужества, клянусь вам! Этот голос и смех принадлежали человеку в маске. Это было, наверное, двадцать три или двадцать четыре года назад. Я запомнила это только потому, что в его маске было проделано отверстие для носа, это была такая ужасная красная штукovina, вся перекрученная... просто кошмар какой-то. Поэтому я и запомнила его голос...

Она наклонила голову.

— А третий раз, мадам? — спросил Бенколин.

— Третий раз, — сказала она, сглотнув комок в горле, — был шесть месяцев назад, в начале лета. Было это в доме родителей Джинны Прево в Нейи, в саду, ближе к вечеру. Небо было еще светлое, и на его фоне летний домик в конце садовой аллеи выделялся темным пятном. Из домика доносился мужской голос. Он звучал нежно, как бывает, когда мужчина занимается любовью, но для меня все вокруг застыло, а солнце почернело, потому что я его узнала. Я убежала прочь. Убежала, говорю вам! Но я успела увидеть, как Джина Прево вышла из домика, счастливо улыбаясь. Тогда я сказала себе, что ошиблась, что это просто истерика... Но сегодня, когда я снова услышала этот голос, все это всплыло в моей памяти. И я поняла. Не отрицайте! Моя маленькая Одетта... Прошу вас, не успокаивайте меня. Когда я прочитала в этой газете о Клодин...

Она пылающими глазами смотрела на Бенколи-на, который все так же сидел, облокотившись на

ручку кресла, пальцами подперев висок, и смотрел на нее блестящими немигающими глазами. Потом, немного успокоившись, она спросила:

— •Вы ничего не можете мне сказать? — В голосе ее звучала отчаянная надежда.

— Ничего, мадам.

Снова воцарилось молчание. Я слышал, как тикают чьи-то часы.

— Да... понимаю, — проговорила мадам Дюшен. — Я надеялась, что вы будете отрицать это, сударь. Непонятно почему, но я все еще надеялась... Теперь мне все ясно. — Улыбнувшись одними губами, она пожала плечами, без особой на то нужды щелкнула замочком сумочки и растерянно посмотрела вокруг. — Знаете, сударь, я прочитала в газете, что Клодин нашли в руках восковой фигуры, которую называют Сатиром Сены. Вот такое впечатление произвел на меня этот человек. Не знаю, как насчет Сены... но сатир, отвратительное чудовище...

Поспешно вмешался Робике:

— Тетя Беатриса, нам лучше уйти. Мы только отнимаем у господ время. Ведь мы ничем не можем им помочь.

Женщина встала, мы последовали ее примеру. Она продолжала бессмысленно улыбаться. Бенколин взял протянутую ему руку и вежливо поклонился.

— Боюсь, мадам, я не смогу вас утешить, — негромко произнес он. — Но одно по крайней мере я могу обещать. — Он чуть повысил голос и пожал ей руку. — Пройдет не так уж много времени, и этот человек окажется там, где, я считаю, он должен быть. И Богом клянусь, он больше не причинит зла ни вам, ни кому-нибудь еще! Всего хорошего, и... будьте мужественны.

Бенколин все еще стоял с опущенной головой, когда за ними закрылась дверь. Свет играл на седых

прядях его волос. Он медленно подошел к столу и сел.

— Я старею, Джефф, — заметил он вдруг. — Не так давно я бы позволил себе улыбнуться про себя по поводу этой женщины.

— Улыбнуться? Бог мой!

— Я был спасен от ненависти ко всем человеческим существам, свойственной Галану, только потому, что мог над ними смеяться. В этом всегда была главная разница между нами.

— Вы сравниваете себя с этим?..

— Да. Он увидел, что человечество плохо управляется со своим хозяйством, и возненавидел его; он считает, что, разбивая в кровь сытые рожи, он выковывает железный мир. А что же я? Я продолжал себе посмеиваться, как сломанная уличная шарманка, и превратился в маньяка; как слепец, я кидался со своими ничтожными силами наперерез страстям, страданиям и горестям, на которые натыкался на каждом шагу. Передайте-ка мне коньяк, будьте другом, и позвольте мне немного поговорить о глупостях! Мне не так часто выпадает такая возможность... Так вот. Я стал смеяться, потому что боялся людей, боялся их осуждения, их пренебрежения...

— Позвольте, — перебил я, — и мне посмеяться над этой идеей.

— О да, я смеялся! Таким образом, из-за того, что они могли принять меня за меньшее, чем я есть на самом деле, я пытался стать больше, чем я есть, как это делают многие. Сильным был только мой мозг, но черт меня побери, если я не заставил себя стать больше, чем я есть. Вон идет Анри Бенколин, его боятся, его уважают, им восхищаются, — о да! — а за ним встает призрак, не перестающий удивляться.

— Удивляться чему?

— Удивляться, Джефф, почему люди считают мудрецом злобного идиота, который сказал: «Познай

самого себя». Изучение собственного ума, сердца, полное погружение в них — губительное занятие, от него сходят с ума. Ибо мозг — большой лжец, чем любой человек: он лжет даже собственному владельцу. Самокопание порождает страх, а страх возводит стены ненависти или довольства, которые заставляют людей бояться меня, но мне воздается стократ тем, что я боюсь самого себя... Впрочем, не обращайтесь на меня внимания.

Странное у него было настроение. Он выпалил эти слова в каком-то исступлении; я не понимал его, но знал, что в последнее время эти припадки черной меланхолии стали повторяться все чаще. Казалось, что он искал повода отвлечься и вот теперь выбрал для этого серебряный ключик. Вдруг у него необъяснимо переменялось настроение, и он заговорил совсем о другом:

— Джефф, я ведь говорил вам, что мы собираемся отправить кого-нибудь сегодня вечером в Клуб Цветных масок, чтобы подслушать разговор между Галаном и Джиной Прево? Как вы думаете, вы справились бы с этим?

— Я?!

— А почему бы и нет?.. Так сможете?

— Вот это да! — восхитился я. — По правде говоря, я об этом и мечтать не смел. Ведь у вас тут столько профессионалов, а вы почему-то полагаетесь на мои способности!

Он посмотрел на меня снисходительно:

— О, не знаю. С одной стороны, вы того же роста и комплекции, что и Робике, а вам придется проходить с его ключом мимо бдительной охраны. И еще... возможно, мне хочется посмотреть, как вы, человек свободный от моих перепадов настроения и, по всей видимости, не слабонервный, будете действовать в опасной ситуации. А там будет опасно, предупреждаю вас.

— Это и есть основная причина, верно?

— Думаю, что да. Вы согласны?

— Безусловно! — произнес я с подъемом. Шанс познакомиться с этим клубом, дурманивший напиток, имя которому приключение, и сверкающие глаза опасности...

Бенколин заметил мое выражение лица и недовольно посмотрел на меня:

— Теперь слушайте меня внимательно! Это вам не шутки, черт побери!

Я тут же протрезвел. Его живой ум уже стремительно несся по новой тропе рассуждений.

— Я вас проинструктирую... Во-первых, я хочу рассказать вам, чего вам следует ожидать. Джина Прево может знать, а может и не знать, кто убийца; вы слышали мою теорию. Но это всего лишь теория, у нас нет никаких доказательств. Но если Джина знает, Галану, по всей вероятности, удастся вытащить это из нее легче, чем целому департаменту полиции. Если бы мы могли получить магнитофонную запись...

— Бенколин, — прервал я, — кто убийца?

— Не знаю, — медленно ответил сыщик. — Ни малейшего представления. — Он помолчал и добавил: — Наверное, именно это так действует мне на нервы...

— Из-за этого все ваше философствование?

Он пожал плечами:

— Возможно. Теперь позвольте рассказать вам о последовавших за убийством событиях, как я их себе представляю. Там-то и сидит эта заноза, не дающая мне покоя. Я могу описать картину преступления и все, что предшествовало ей и что за ней последовало. Но лицо преступника остается для меня белым пятном. Вот, послушайте... — Он развернул кресло, налил себе еще стакан и заговорил так, будто начинал подкоп под крепостную стену: — Мы проследили ход событий до того момента, когда убийца

наносит удар, а Джина Прево убегает из прохода. С первого же взгляда в этот проход я знал — невзирая на уверения старика Августина, что он выключил весь свет в половине двенадцатого, — что кто-то потом включал там электричество, пусть ненадолго. Пятна крови на стене, кошелек на полу — все это располагалось по прямой линии от двери в музей. Оттуда шел свет, пусть даже очень тусклый, так что убийца мог видеть свою жертву, а также кошелек — достаточно хорошо, чтобы в нем рыться. Поэтому я спросил об этом мадемуазель Августин, и она подтвердила, что минут на пять зажигала свет... Идем дальше. Убийца зачем-то рылся в кошельке. Что ему там было нужно? Не деньги, их он не тронул! Конечно же, он искал не записку, не письмо, не карточку...

— Почему?

— Надеюсь, вы согласны со мной, что свет там был настолько слабым, что с трудом можно было различить лицо стоящего рядом человека? — отозвался Бенколин. — Тогда как мог убийца найти нужный ему клочок бумаги в куче конвертов и всяких записочек в ее сумочке? Там нельзя было разобрать ни слова. Но он не взял сумочку с собой на лестничную площадку, к сатиру, где было по-светлее, — нет, он все вывалил на пол... Нет, нет, это была какая-то вещь, Джефф, которую он мог распознать даже в полутьме. Прежде чем определить, что это было и нашел он это или нет, позвольте спросить вас: зачем убийца перенес тело в музей?

— Очевидно, чтобы скрыть тот факт, что она была убита в проходе. Отвести подозрение от Клуба Цветных масок.

Бенколин посмотрел на меня, подняв брови, и вздохнул.

— Мой дорогой, — сказал он с грустью, — иногда вы меня разочаровываете... Ну ладно. Значит, убийца

перенес тело, чтобы казалось, будто девушку убили в музее? Но при этом он оставил ее сумку прямо посередине прохода, а дверь в музей распахнул пошире, чтобы ее было получше видно? Да еще...

— А, перестаньте! Он, наверное, спешил унести ноги и забыл о сумке.

— И все же у него хватило времени сунуть девушку в руки сатиру, поправить на ней одежду и вообще все там привести в полный порядок?.. Нет, не получается. Преступнику было все равно, где найдут тело. Он затащил его в музей с вполне определенной целью, а сунуть его в руки сатиру пришлось ему в голову в последний момент. Подумайте! Что вы увидели на теле?

— Боже мой! На шее... порванная золотая цепочка.

— Да. Это и была та самая вещь: что-то, что она носила на цепочке. Теперь понимаете? Убийца думал, что Клодин носит этот предмет в сумке, но, перерыв ее, обнаружил, что его там нет... Тогда он сделал вывод, что предмет должен быть на ней. Возможно, в карманах; но при таком тусклом свете ему ничего не было видно в карманах ее пальто, к тому же он не знал точно, где она могла его носить. Тогда...

Я наклонился вперед.

— Ясно! Он затащил ее на лестничную площадку в музей, где освещение было много лучше.

— Есть еще причина. Он знал, что кто-то — как нам известно, это была Джина Прево — заглядывал в проход и видел, как он зарезал девушку. Он видел, как незнакомец исчез, чтобы — как он считал — позвать полицию. Не мог же он стоять там и дожидаться, пока его арестуют! Кто-то включил свет в музее; это было опасно, но все же не так, как оставаться в проходе. Тогда убийца решил втащить девушку в музей и закрыть за собой дверь. В крайнем случае он всегда мог там спрятаться. Он не хотел

убегать, не найдя того, что искал... Поэтому он и вернулся на лестничную площадку. Еще секунда — и убийца нашел золотую цепочку и предмет на ней...

— Теперь, надеюсь, вы скажете мне, что это было?

Бенколин выпрямился в кресле, задумчиво глядя на свет.

— Я, конечно, не уверен. Но кое-что заставляет меня предположить... Так, например, даже если мы отбросим заверения мадам Мартель, что Клодин никогда не носила кулонов или чего-нибудь в этом роде, ясно, что на цепочке был не легкий медальон или даже брелок вроде тех, которые носят мужчины на часовой цепочке. Как я уже говорил вам, эта цепочка была очень прочной. Ее разорвали пополам, что свидетельствует о том, что ни искомый предмет, ни соединительное звено тоже не были хрупкими. Думаю, это был вот такой ключ...

И он вынул из ящика стола серебряный ключик. Я посмотрел на круглое отверстие в головке ключа, потом на Бенколина и кивнул...

— На цепочке висел собственный ключ Клодин Мартель, — прибавил сыщик, бросив ключ Робике на стол. — Это, признаю, чистой воды догадка, но за отсутствием более основательной гипотезы я предлагаю эту. Зачем ключик понадобился убийце? Почему убийца пошел на страшный риск быть обнаруженным, только бы добыть его?.. Как бы то ни было, он делает свое дело. Ключ найден. И тогда убийце приходит в голову мысль поместить тело в объятия сатира. Так он и делает — и тут, словно занавес после окончания трагедии, в музее гаснет свет. Мадемуазель Августин убедилась, что все в порядке. После убийства прошло всего пять минут. Убийца выскальзывает в проход и уходит через бульвар; при этом он, должно быть, чертовски ломает голову, почему же тот человек, который видел его за делом, не позвал полицию!

— Предположим, ваша теория правильна; и почему же Джина Прево этого не сделала?

— Она опасалась, что полицейское расследование может вывести на дело Одетты Дюшен, к тому же не хотела быть замешана ни в каких делах, связанных с клубом. Ведь в любом случае ей пришлось бы как-то объяснять свое присутствие там... Я думаю, вы знаете, что она сделала.

— Могу догадаться, — согласился я. Правда, я довольно смутно представлял себе это, но меня сейчас больше занимал другой вопрос, и я сбросил Джину Прево со счетов, чтобы поскорее разобраться с ним. — Однако в ваших рассуждениях есть одно слабое звено. Вы сказали, что с самого начала были уверены, что убийца той ночью вошел в музей еще до его закрытия?

— Да.

— Тогда почему бы вам просто не спросить мадемуазель Августин — ведь она стояла у дверей весь день, — кто заходил вечером в музей? Вряд ли посетителей было много, такое случается редко. Значит, она должна была видеть убийцу!

— И все же она бы ничего нам не сказала, и мой вопрос только послужил бы предупреждением убийце. Посмотрите! — Бенколин начал постукивать ключом о стол, подчеркивая этим каждое слово. — Я подозреваю, что убийца — член клуба. Так вот, мадемуазель Августин изо всех сил стремится защитить... нет, не убийцу, а всех членов этой организации. Если ей не удастся оградить их от нашего любопытства, всему ее столь выгодному бизнесу придет конец. Предположим, в тот вечер через музей прошли один, два, пусть полдюжины членов клуба; вы полагаете, что нам нужно было бы получить описание их всех?

— Полагаю, что нет, — согласился я.

— А, хорошо! А зная, что мы ищем одного из них, она могла бы — подчеркиваю, могла бы —

предупредить каждого, кто проходил в тот вечер через музей. Сколько раз вам говорить, Джефф, что наша единственная надежда — убеждать всех, и полицейских в том числе, что это убийство — обыкновенное разбойное нападение плюс попытка изнасилования? Помните, я намекнул на это мадемуазель Августин, сказав между прочим, что, вероятно, мадемуазель Мартель никогда в жизни и не была в музее. После этого кассирше стало заметно легче дышать... Умоляю вас, не забывайте, что в клубе, с которым мы имеем дело, состоит кое-кто из виднейших людей Франции! Скандал нам не нужен. Мы не имеем права выжимать из людей правду, что, возможно, пришлось бы по душе вашей американской прямолинейности... А вот вам еще один момент. Я убежден, что каким-то образом мадемуазель Августин играет во всем этом важную роль. Пока я не вижу, какую именно, и все же готов поклясться: в тихом омуте черти водятся! Что-то говорит мне, что не пройдет и нескольких дней, как наши мысли будет весьма занимать эта тихоня, которая сидит себе сейчас в своей кассе, продавая билеты. Если бы ее отец только знал...

Бенколин попытался раскурить погасшую сигару, которая гасла у него уже не в первый раз, но рука его вдруг замерла на полпути и оставалась без движения, пока пламя спички, вспыхнув, не погасло. Но детектив не замечал этого. Застывшим удивленным взором он смотрел в никуда. Затем шепотом, будто сам не веря своим словам, он повторил:

— Продает билеты... Если бы ее отец...

Беззвучно шевеля губами, он судорожно вскочил на ноги и принялся ерошить себе волосы, все так же глядя прямо перед собой.

— В чем дело? Что?.. — спросил я и замолчал, повинувшись его сердитому жесту. Впрочем, он едва ли замечал меня. Бенколин сделал несколько шагов

по ковру, переместившись из света в тень. Затем он разразился скептическим смехом, но тут же осекся. Я слышал, как он невнятно бормочет себе под нос: «Алиби... Это алиби. — И еще: — Интересно, кто этот ювелир? Надо найти ювелира...»

— Послушайте, Бенколин!

— Ах да! Но, — он с самым непринужденным видом повернулся ко мне, словно продолжая начатые рассуждения, — если бы оно у него было, это было бы неизбежно. И еще эта стена... Интересно, чем еще можно воспользоваться, чтобы это сделать?..

— Минеральной водички не хотите? — предложил я и процитировал: — «В стакане все сверкало, кружились пузырьки...» А ну вас ко всем чертям!..

Я сердито плюхнулся в кресло. Между тем от черной меланхолии Бенколина не осталось и следа. Он победно потирал руки. Потом, взяв свой стакан, он высоко поднял его.

— Будьте добры присоединиться ко мне, — провозгласил он. — Я предлагаю выпить за самого великого игрока, которого я когда-либо встречал. Пью за единственного убийцу в моей практике, который совершенно сознательно подарил мне ключ к разгадке преступления!

ГЛАВА XII

Бульвар Клиши, Монмартр.

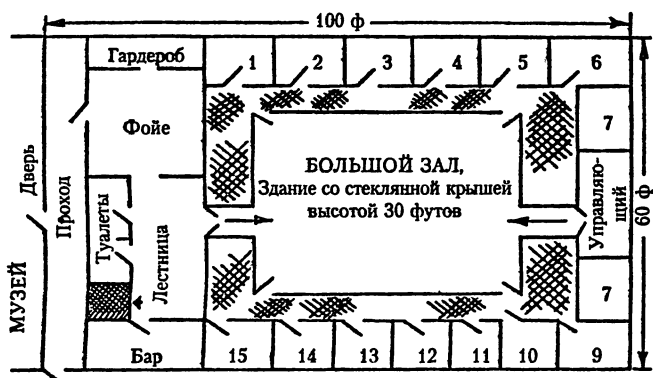
Фонари блестками рассыпают по мокрой мостовой свои изломанные отражения. Шум моторов и гудки такси, шарканье множества ног, гул толпы. Уличные оркестры пытаются перекрычать сотни радиоприемников. Кофейные блюда позвякивают о мраморные столешницы в кафе с грязными окнами и еще более грязными завсегдатаями, и сквозь немывые стекла пробиваются цветные огни. Полы пахнут опилками, везде зеркала, разбавленное пиво, невероятной пышности бакенбарды... Сквозь шум города пробиваются голоса уличных торговцев, расхваливающих под неверным светом газовых фонарей галстуки по пять франков за штуку. Отправляющиеся в гости молодые дамы в белых пелеринках и жемчугах осторожно переступают через бурлящие сточные каналы. Проститутки с серьезными лицами и неподвижными черными глазами, сидящие перед чашками кофе, кажутся особенно задумчивыми. Жалобно бренчит чахоточная шарманка. Охрипшие от уговоров лоточники демонстрируют картонные игрушки, которые кукарекают петухом, если потянуть за веревочку, и бумажные скелеты, танцующие канкан, стоит только положить перед ними спичку. Неоновые вывески, красные и желтые, с удручающей веселостью сверкают огнями во все стороны; в ночном небе крутится багряно-красное колесо «Мулен-Руж».

Бульвар Клиши, Монмартр. Центр вращения, сердце города, средоточие множества крошечных улочек, где прижимаются к холму знаменитые ночные клубы. Улица Пигаль, улица Фонтэн, улица Бланш, улица Клиши — все они вертятся на этой ослепительно сверкающей оси, и обалдевшие гуляки скатываются сюда по вымощенным булыжником спускам. От грохота джаза голова идет кругом. Вы пьяны или собираетесь напиться. У вас есть или скоро будет женщина. Конечно, верхоглядые будут утверждать, что ночной Париж утратил свою прелесть. На фоне огромных сверкающих храмов веселья Берлина и Нью-Йорка, скажут они, парижские увеселительные заведения выглядят дешевыми и неопрятными; они будут так настаивать на своем мнении, словно доказывают преимущества электрического холодильника перед студеным родником — как будто эти вещи можно сравнить! Как будто ради повышения производительности труда люди пьют, занимаются любовью или просто валяют дурака. Спаси вас Боже, веселые джентльмены; если ваша цель — получить максимум удовольствий за единицу времени, вы никогда не поймете прелести той чудесной небрежности, с которой все делается в Париже. У вас никогда не закружится голова от всей этой ребяческой таинственности, шума толпы, влажного запаха опилок, ненавязчивой легкости и брызжущего многоцветья, и в старости вам нечего будет вспомнить.

В ту ночь я смотрел на бульвар Клиши трезвыми глазами, и все же его неистовое биение уже вошло в мою плоть и кровь. Мысль о том, что в кармане моего белого жилета лежит серебряный ключик, а под жилетом спрятана маска, добавляла к этому холодное предчувствие приключений.

В последний момент планы Бенколина переменились. Он получил от своего первого комиссара план, показывающий расположение комнат в Клубе Цвет-

ных масок; такие чертежи обязаны представлять все заведения подобного рода. В клубе был только один вход; окон в большинстве комнат не было, а в остальных они были заделаны. Номера были расположены по периметру прямоугольника, образующего внутренний двор. В центре прямоугольника, подобно отдельному зданию, высятся внушительное строение с имеющей форму купола стеклянной крышей. Это огромный зал для прогулок, соединяющийся с главным зданием двумя проходами — одним в передней части, он ведет в гостиную, и одним в задней части, откуда можно попасть в контору управляющего. Для ясности я прилагаю план первого этажа.

Замечу, что все персональные комнаты на первом этаже выходят дверью или окном в узкий коридор, одну сторону которого составляет стена большого зала. Замечу также, что в эти комнаты можно попасть через четыре двери, по одной в каждом углу большого зала, так что хозяева кабинетов могут проходить в них не возвращаясь в гостиную. Те же, чьи комнаты расположены на втором и третьем этажах, должны

подниматься в них по лестнице из гостиной, которая отмечена на плане черным квадратом рядом с баром. Взглянув на план второго этажа, мы обнаружили, что комната номер 18, где Галан должен был встретиться с Джиной Прево, находится прямо над комнатой номер 2 на приведенном чертеже, а комната Робике — номер 19 — над комнатой под номером 3.

Первоначально у Бенколина была мысль установить в комнате номер 18 диктофон. Но сам по себе план здания, не говоря уже об информации, которую мы получили, сделал бы эту операцию слишком опасной. Из окна пришлось бы вывести провода на крышу, а принимая во внимание особую бдительность клубной obsługi и тот факт, что в клубе нет окон, выходящих на улицу, и любое подозрительное движение во дворе вряд ли останется незамеченным, от этого плана пришлось отказаться. Бенколин был вне себя. Он не думал, что столкнется с такими серьезными препятствиями, а подкупать персонал клуба было поздно.

В конце концов было решено, что я отправлюсь в клуб и постараюсь как-нибудь спрятаться в восемнадцатой комнате и подслушать разговор Джины с Галаном. Это было нелегкое задание: ведь речь шла о совершенно неисследованной территории. Если меня поймают, я окажусь в самой настоящей западне, без малейшей возможности связаться с внешним миром. Мне нельзя было взять с собой и оружия: мы предполагали, что, дабы обезопасить гостей от необузданного темперамента отдельных ревнивых жен, которые могут, надев маску, пробраться в клуб, всех входящих вежливо осматривают несколько стоящих у входа обходительных детин во фраках.

Если бы я только дал себе труд задуматься, я понял бы, что вся эта затея была чистейшим идиотизмом. Но перспектива казалась мне слишком заманчивой. Кроме того, рано было еще чувствовать в

груди то учащенное и не очень приятное биение, которое появляется с приближением опасности... Итак, без нескольких минут десять я неторопливо шагал по бульвару Клиши в сторону «Мулен-Руж». Мы удостоверились, что номер мадемуазель Прево начинается в одиннадцать и продолжается по меньшей мере до четверти двенадцатого; еще минут пять, должно быть, займут аплодисменты и поклоны. После этого ей еще нужно будет переодеться, прежде чем ехать в клуб. Поэтому я вполне мог зайти в «Мулен-Руж», послушать начало ее выступления и спокойно уйти, имея в запасе достаточно времени, чтобы спрятаться в номере 18 до ее прихода. Ее телефон прослушивался, поэтому мы знали, что сегодня она начнет свое выступление как обычно; всякие изменения в программе исключались.

Итак, я поднялся по устланной красным ковром и залитой ярким светом лестнице в «Мулен-Руж», купил билет, сдал пальто и шляпу гардеробщику и пошел на звук гремящего джаза. «Мулен-Руж» — давно уже не театр, хотя сцена с красным занавесом еще блистает небольшими ревю; теперь это преимущественно навощенная танцевальная площадка с кричащими декорациями и прожекторами, пробивающими с галерки сизые и белые дыры в облаках табачного дыма. Ныне здесь визжат и топают под конвульсии негритянского джаз-банда, в котором преобладают цимбалы, большой барабан и непереносимое, похожее на кошащие вопли, медное завывание. Это, кажется, и называется зажигательной музыкой, не понимаю почему — разве что из-за потного экстаза музыкантов. Правда, мне совершенно непонятна прелесть негритянского искусства, включая спиричуэлс, так что могу рассказать только про то, как дрожали стропила, пол содрогался от топающих ног, пыль забивала прожектора, в баре звенела каждая бутылка, по залу кругами носились пульсирующие вскрики

отплясывающей публики, а я уселся в ложе у танцевальной площадки, заказав бутылку шампанского.

Стрелки на моих часах ползли еле-еле. Становилось все более жарко, людно и дымно. Выкрики перешли в неумолкающий визг, аргентинский оркестр заставил танцующих дергаться в бешеном ритме танго, все больше подруг на час, спрыгнув с высоких табуретов, дефилировали по залу, окидывая ложи блуждающими зовущими взглядами. С каждым тиканьем часов приближалось время, когда мне нужно будет уходить... Наконец свет притушили, вопли перешли в негромкий говор, и конференсье объявил выход Эстеллы. Перед тем как погас свет, в одной из лож напротив, с другой стороны танцевальной площадки, я заметил человека. Это был капитан Шомон. Он сидел неподвижно, положив локти на перила, устремив взгляд на сцену...

В потной, пахнущей пудрой темноте белый луч прожектора нашел Эстеллу, стоящую перед ярко-красным занавесом. Она была в белом платье, в волосах — жемчужная диадема. Я сидел слишком далеко, чтобы разглядеть выражение ее лица, но мне представлялась синеглазая девушка с встревоженным лицом, розовыми губками и хрипловатым голосом, которая так неуловимо переменила все сегодня днем в доме на бульваре Инвалидов. И даже сейчас можно было уловить влажный блеск ее глаз, оглядывающих публику. Между ней и залом был такой жаркий, живой, интенсивный контакт, что пересыхало во рту. Это было как электрический заряд, который распространялся по залу теплыми волнами; в напряженной тишине раздавалось чуть слышное поскрипывание стульев, и зрители отвечали певице единой волной затаенного дыхания. Скрипки затянули мечтательную мелодию; они играли все трепетней, уводили нас все дальше от действительности...

Эта девушка умела петь! Нежность ее голоса хватала за душу, будила забытые печали, заставляла вспомнить о боли, жалости и сострадании. Она пела с увлеченностью Мистенгет, теплой беззаботностью Меллер; роняла слова, будто стряхивала пепел с сигареты. Но рекламировать ее как американскую певицу было настоящим безумием. Джина Прево пела песенки старого доброго Парижа, в мелодиях которых звучит не только любовь, но и полет мысли. Они рассказывают о драках, и трущобах, подвалах, самозабвенности, и холодном дожде. Горе кричит в каждой струне коварной скрипки, в каждой паузе, обрывающей хрипловатый голос. Горе впивается в сердце, словно затупившийся нож, не в силах пронзить его до конца. Поднимаясь, как только затрепетала и оборвалась последняя высокая нота и Джина Прево, вздрогнув, расслабилась всем телом, я чуть не перевернул кресло. Я хотел незаметно уйти под аплодисменты, которые бурей прокатились по залу, но обнаружил вдруг, что у меня дрожат руки. Сунув официанту несколько банкнотов, я стал в темноте проталкиваться к выходу. Я все еще слышал, как от рева публики сотрясаются стропила, слышал, как поднялась, спала и снова взвилась к потолку волна аплодисментов. Не помню, как забирал свои пальто и шляпу.

Интересно, думал я, как все это воспринял Шомон. Я спрашивал себя еще, какая доля собственных страхов звучала в песне Джины и не тряслись ли ее колени, когда она потерянно взидала на восторги публики. В этой женщине таились такие глубины, которые трудно было заподозрить сегодня утром, — горестное очарование ее глаз, печальный излом полных, чуть припухлых губ могли свести с ума. «О, роза, загадка вонючих болот!..»

Порыв холодного ветра хлестнул меня по лицу, когда я вышел на улицу и увидел, как в тумане,

служащего «Мулен-Руж», который поднял руку в белой перчатке, подзывая такси. Сквозь мысли о Джине всплыли слова Бенколина: «Возьмите там такси, как сделал Галан, и засекуте время до клуба». Алиби Галана...

Я машинально посмотрел на дом напротив и увидел невзрачный ювелирный магазинчик, в витрине которого были часы с освещенным циферблатом; стрелки показывали пять минут двенадцатого. Я сел в такси, бросил: «Арка Сен-Мартен, побыстрее» — и, захлопывая дверцу, сверил свои часы с часами в витрине. Пять минут двенадцатого.

«Побыстрее» — это слово, брошенное парижскому таксисту, способно творить чудеса. По сторбившейся спине шофера, по жуткому рывку, которым он подал назад, а потом развернулся, чтобы бросить машину, подпрыгивавшую по булыжной мостовой, на улицу Фонтэн, я понял, что меня ждет. Меня подкидывало и пхвыряло из стороны в сторону; проносившиеся мимо вывески магазинов слились в одну сплошную линию. Но теперь в моих жилах колотилась самая настоящая жажда приключений. Стекла такси страшно дребезжали, пружины сиденья, сжимаясь, выстреливали в меня, и я затынул французскую застольную песню, к которой присоединился шофер. Когда мы наконец вывернули на бульвар Пуазонье, я снова взглянул на часы. Девять минут, даже при такой скорости, и добрых двенадцать, пока мы добрались до арки Сен-Мартен. О да, алиби Галана доказано. Доказано — и, что уж там, даже с лихвой.

Когда я зашагал по Севастопольскому бульвару, в горле у меня немного першило, а в ногах появилась странная легкость. Дальше, за мерцающими фонарями на углу, бульвар погружался во мрак. У плохо освещенного входа в кино торчало несколько зевак, и все они, казалось, наблюдали за мной.

Вот и дверь, почти не заметная в тени домов. Я не думал, что меня там будет кто-нибудь подстергать, но внутренне собрался на случай, если все же на кого-нибудь наткнусь. До тех пор, пока я не выудил из кармана серебряный ключ, я не замечал, что у меня дрожат руки. Я вставил ключ в замочную скважину, и он легко и беззвучно повернулся в ней.

Меня охватил влажный спертый воздух. Было совершенно темно, и мне казалось, что от всего этого места несет убийством. Я знал, что здесь нет больше освещенного зеленым светом призрака с ножом в руке, но все равно мне было как-то не по себе... До меня не долетало ни звука. Я подумал, не бродит ли сейчас старый Августин по музею... Ну, ладно. Интересно, имеют ли члены клуба обыкновение зажигать свет в проходе, нажимая кнопку справа от двери? Вероятнее всего, да: ведь когда дверь на бульвар захлопывалась, в коридоре наступала крошечная тьма. По всей вероятности, выключался свет изнутри самого клуба. Я нажал на кнопку.

Льющийся откуда-то из-под потолка мягкий свет упал на выложенный каменными плитами пол. В одном месте, как раз напротив двери в музей, его сильно выскребли, и это светлое пятно угнетало еще больше, чем если бы здесь остались пятна крови. Черт побери! Почему же здесь так тихо? Мои шаги гулко отдавались от стен, пока я шел к дальнему концу коридора, прилаживая на ходу маску. Маска прекрасно подходила ко всему этому... Я невольно взглянул на дверь в музей; она была закрыта. Я мысленно прошел через зеленые гроты музея до этого безвкусного входа с буквой «А» из электрических лампочек на крыше. Музей сейчас, наверное, почти пуст. Но мадемуазель Августин скорее всего все еще сидит в своей стеклянной будочке;

одета она в унылое черное платье, у локтя рулончик билетов, ее руки — сильные, белые, умелые руки — лежат на ящике с деньгами. Не исключено, что весь сегодняшний день музей наводняла толпа психопатов, падких до сенсаций, и девушка устала. Что за мысли прячутся за этими непроницаемыми глазами? О чем она думает?..

Кто-то тронул ручку двери в музей! Я не сводил с нее глаз, пока шел по проходу, но только сейчас увидел, что ручка тихо повернулась назад и вперед.

Ничто не вызывает у меня такого ужаса, как скрип дверной ручки в ночной тишине. На секунду я задумался, не подождать ли. Нет; смешно было думать, что это мог быть убийца. Просто кто-то из членов клуба... Но в таком случае почему этот человек не открыл дверь? Зачем ему стоять там и крутить ручку, разыгрывая нерешительность?.. Впрочем, ждать я не мог. Никаких подозрений возникнуть не должно. Плотно надвинув маску, я двинулся к той, другой двери, что была справа по проходу.

Когда я вставил ключ в ее замок, в голове у меня возникли неожиданные образы. Образы зла и смерти; видение, будто я нахожусь в ящике без входа и выхода, вижу кошмарный красный нос Галана и слышу его тихо, по-кошачьи, мурлыкающий голос... Поздно! Я уже открывал дверь.

Как только я открыл дверь, свет в коридоре за моей спиной погас, — должно быть, он выключался автоматически. Я находился в фойе клуба. Под маской я пытался придать своему лицу беспечное выражение, одновременно представляя себе план первого этажа. Это был просторный холл, футов двадцати высотой, потолок его подпирали колонны из мрамора с синими прожилками, пол был выложен керамической плиткой с сине-золотой мозаикой. Яркие кольца света, падавшие с вершук колонн,

оставляли нижнюю часть зала в полумраке. Слева я увидел гардероб, а справа, чуть дальше, — дверь, разукрашенную купидонами в аляповатом эдвардианском стиле. Вход, как я помнил из плана, вел в гостиную. Оттуда доносилось шуршание множества ног по толстым коврам, отголоски смеха, приглушенная музыка. Воздух был тяжелый, пахло пудрой. И сама эта атмосфера роскоши, прячущейся за голыми стенами на грязной улице, подавляла разум и в то же время вызывала в сознании образы экзотические, как яркие ядовитые орхидеи. Она действовала на нервы возбуждающе — раскованность, холодок опасности, как в безумном танце, и замирание сердца, как будто наяву представляешь себе...

Я вздрогнул. На меня надвигались фигуры, при слабом свете казавшиеся гигантскими; они беззвучно скользили по сверкающему полу. Охрана! Теперь мне предстояло пройти осмотр у этих словно ниоткуда появившихся громил. «Ваш ключ, мсье?» — произнес один. На них были строгие фраки и белые маски. И у всех одинаково топорщились пиджаки под левой рукой, где обычно крепится кобура (Бенколин говорил мне, что в таких случаях обычно используются короткоствольные револьверы 44-го калибра, снабженные глушителями). Я чувствовал, что они смотрят на меня — люди из подворотни, в любой момент готовые к броску, даже когда стоят почтительно выпрямившись; глаза в прорезях их масок бегали из стороны в сторону. От мысли о глушителях на их пистолетах они показались мне еще отвратительнее. Отдавая пальто с цилиндром в руки гардеробщика — который незаметно проверил, нет ли у меня оружия, — я вынул ключ. Громила пробормотал: «Девятнадцать»; другой проверил по книге, и в течение нескольких секунд, пока на мне были сосредоточены все взоры, у меня бешено колотилось сердце. Затем кольцо белых масок распалось. Охран-

ники моментально растворились, превратившись в тени. Но, не спеша шагая к гостиной, я слышал, как скрипнула кожа кобуры, и все еще чувствовал на себе внимательный взгляд...

Я находился внутри, и стрелки на моих часах показывали одиннадцать часов восемнадцать минут.

Гостиная оказалась длинным залом, сравнительно нешироким и еще более тускло освещенным. Стены ее были задрапированы черным бархатом. Единственным источником освещения были источающие темно-вишневые лучи рта и глаза бронзовых сатиров, сжимающих в объятиях нимф. Фигуры напомнили мне Сатира Сены в музее восковых фигур; кроваво-красный свет, струившийся из их ртов и глаз, с причудливой непостоянностью метался по черным драпировкам. Слева от себя, футах в десяти, я увидел большие стеклянные двери — они, как я знал, вели в закрытый сверху проход, соединявшийся с большим залом во дворе. Я уловил запах оранжерейных цветов, весь проход был уставлен ими. Как в комнате, где стоял гроб Одетты...

Доносившаяся через эти двери музыка стала громче. Я слышал неясный говор, кто-то залихватисто смеялся. Из прохода, взявшись за руки, появились мужчина и женщина, оба в черных масках. Как замороженные, они двигались сквозь чернокрасные пляшущие тени; на губах женщины застыла слабая улыбка. Она выглядела старой, он — молодым и очень нервным. В углу со стаканами коктейля сидела еще пара. Но вот оркестр внезапно сменил темп; он заиграл чувственное танго, и невидимая толпа как будто впитала в себя его вкрадчивую истеричность. Затем в полумраке я заметил еще один силуэт.

Этот человек стоял безмолвно, со сложенными на груди руками, у основания лестницы черного

мрамора в самом конце холла. Возвышавшийся над ним бронзовый сатир отбрасывал красный свет на столбик, от которого начинались перила лестницы, и освещал широкий разворот мощных плеч и лицо в красной маске. Но нос маски был срезан, из отверстия торчал исковерканный, жуткого цвета нос; человек улыбался...

— Ваш номер, мсье? — прошептал голос у моего уха.

Я с трудом проглотил слюну. Мне показалось, что стоявший там, у лестницы, заподозрил меня. Правда, он не пошевелился, но как будто вдруг увеличился в размерах. Повернувшись, я увидел рядом с собой женщину в белой маске — по-видимому, это был отличительный знак прислуги — и в платье с глубоким вырезом. От нее пахло терпкими духами, негромкое танго вздымалось и снова опадало, и я увидел устремленный на меня взгляд карих глаз с длиннющими ресницами.

— Девятнадцать, — сказал я.

Мой голос показался мне страшно громким, и я забеспокоился, не услышал ли его Галан даже на таком расстоянии. Но потом я вспомнил, что за все время их беседы с Бенколином не проронил ни слова. С другой стороны, если он был знаком с подлинным Робике... Женщина отошла в сторону и отдернула портьеру, скрывавшую небольшой альков. Там находилась освещенная панель с маленькими пронумерованными кнопками. Она нажала одну и снова опустила портьеру.

— Дверь в комнату мсье открыта, — сказала она мне.

Что было в ее взгляде — беспокойство? подозрительность? недоверие?..

— Благодарю вас, — беззаботно ответил я.

— Будет ли мсье что-либо пить? — Когда я сделал шаг вперед, она проскользнула передо мною и

подобострастно поклонилась. — Я принесу для мсье в главный зал.

— А, ну хорошо. Пожалуйста, коктейль с шампанским.

— Спасибо, мсье.

Она отошла к бару. Опасность? Скорее это походило на неуклюжую попытку спровоцировать меня... Но мне нужно было заглянуть в главный зал, по крайней мере на несколько минут. Я вынул из портсигара сигарету, не спеша прикурил, краешком глаза наблюдая за горничной. По пути к бару она приблизилась к Галану, на мгновение задержалась, повернула голову и сказала несколько слов...

В груди у меня все сжалось. Нарочито твердой рукой я положил портсигар обратно в карман и медленно пошел к стеклянным дверям. Дышащие красным сатиры все как один язвительно усмехнулись. Бешено взвилась мелодия танго. И тогда за спиной у Галана, в тени, я увидел их.

Апаши!

Несомненно, это телохранители Галана. Не старые апаши, существующие теперь только в песенках мюзик-холлов, а новое поколение послевоенного Сен-Дени. Рожденные в голоде. Никогда, в отличие от американских гангстеров, не имевшие покровительства полиции или какого-нибудь крестного отца преступного мира. Всегда наготове, подобно туго сжатой пружине, не знающие легких денег. Апаши малы ростом и беспощадны, глаза их пусты, они опасны, как тарантулы. Их можно встретить в спортивных центрах, на площадках, на рынках, в барах — они играют там в домино. Одеваются они крикливо и неряшливо, молчаливы, вместо воротника носят шейные платки, укладывая их свободными складками; там-то — имейте это в виду — они и прячут свои ножи.

Сейчас трое таких типов сидели в алькове за спиной Галана. Их немного почистили, но на лицах

все равно лежал отпечаток ущербности. Я различал в темноте тлеющие кончики их сигарет. Желтизну их лиц скрывали белые маски, но они не могли скрыть бледной немочи в змеиных бусинках-глазах. Ничего нет страшнее пустого взгляда.

Через все это нужно было пройти. Я должен был не спеша, вразвалочку пройти по уставленному цветами проходу. В коридоре передо мной на некотором расстоянии не было освещения. В самом конце его слышалось приглушенное шарканье ног; звуки оркестра отдавались эхом, как будто главный зал был огромным, и я видел, как плавают в сумерках призраки-маски, черные, зеленые и алые маски людей, которые пытаются на пару часов забыть о своем доме и о себе... Я посмотрел на часы. Боже мой! Двадцать пять минут двенадцатого! Идти в зал за коктейлем я не мог: в любую минуту могла приехать Джина Прево. Но у входа на лестницу стоял Галан! Вдруг он что-нибудь подозревает?.. Если так, я пропал. Выхода не было. Дойдя до середины прохода в темноте, я положил руку на горшки с цветами и представил себе белые маски на лицах галановских головорезов. В треске барабанов слышалось грозное предостережение...

Кто-то сзади тронул меня за плечо.

ГЛАВА XIII

Я, наверное, вздрогнул от этого прикосновения. До сего дня не знаю, как мне удалось не выдать себя, но, не раздайся тут голос горничной, я наверняка сделал бы это.

— Коктейль с шампанским для мсье, — произнесла она с укором.

Я задохнулся от облегчения, с трудом различая девушку, державшую поднос. Но что теперь? Я не мог велеть ей отнести коктейль наверх, время слишком поджимало. С другой стороны, подниматься сейчас в комнату одному было сумасшествием, особенно если учесть, что в самом низу лестницы стоял Галан, оберегая свой клуб от полицейских шпигов. И тогда девушка заговорила снова.

— Мсье, — вполголоса произнесла она, — мне велено передать вам... Номер девятнадцать... Боюсь, там было небольшое происшествие...

— Происшествие?

— Да, мсье, — почтительно продолжала она. — Комнатой не пользовались много месяцев. И только день или два назад уборщица — о, она ужасно неловкая! — разбила там окно. Мне очень, очень жаль! Не помешает ли это мсье? Его еще не починили...

Я снова воспрянул духом. Вот, значит, почему она так засуетилась! Вот почему она разговаривала с Галаном. Не было ли другой причины?.. Стоп!

Одетта Дюшен, которую нашли с порезами на лице, выпала из окна. Убита в самом клубе, убита, может быть, в той самой комнате...

— Это плохо, — сказал я недовольно. — Хм! И я знаю правила относительно других комнат. Ну да ладно. Давайте сюда стакан. Я сейчас поднимусь и посмотрю на комнату.

Вот так-то! Дела мои пошли лучше. Я залпом выпил коктейль, с сердитым видом обошел девушку и двинулся к гостиной. От возбуждения у меня стучало в висках, но я сдерживал себя, чтобы не бежать, а идти шагом. Вот так-то, Галан, и пошел ты ко всем чертям! Я направился прямо к нему, поджав губы с достоинством постояльца гостиницы, обнаружившего в номере тараканов, затем в последний момент сделал вид, будто передумал, и с обожженным видом стал подниматься по лестнице. Он по-прежнему не подавал признаков беспокойства, а его апаши продолжали курить в алькове...

Теперь внимание! Я благополучно добрался до своего этажа, но нужно было еще в полутьме пробраться по коридорам, устланным толстыми коврами. Номер 19 в дальнем конце за поворотом. Я надеялся, что там нет прислуги, которая могла бы обратить внимание на мою нерешительность. Стоп! Еще одна заковыка. Мы предполагали, что ни одна из дверей не запирается; теперь же я выяснил, что нужно нажать на кнопку внизу, чтобы открылся замок. С другой стороны, если они нажимали на кнопку, как только гость заходил в клуб, чтобы он не беспокоился об этом потом, дверь Галана могла быть уже открыта. Двери и окна комнат первого этажа находились на одной стене, но здесь, в соответствии с планом, в каждой комнате было по два окна, выходивших во двор, а дверь располагалась в стене напротив. Вот она. Номер 18. Я не сразу сумел заставить себя взяться за ручку. Дверь была

открыта! Я шмыгнул в комнату Галана и закрыл за собой дверь.

Было темно, но я видел, как через одно из окон, створки которого были открыты, пробивался лучик света. Холодный ветер шевелил тяжелые занавески. Слабо слышались звуки оркестра. Где же, черт возьми, выключатель? Нет, не стоит зажигать свет. Во дворе могут быть сторожа, знающие, что Галан еще внизу. Но мне же нужно было найти себе место, чтобы спрятаться!.. Вот идиот! Оказаться в такой дьявольски опасной ситуации, вызваться добыть улики, не зная даже, есть ли в комнате где укрыться. Я напряг зрение, но ресницы цеплялись за прорези маски, мешая мне видеть. Тогда я поднял маску на лоб и подошел к открытому окну. Стекло в нем было матовым, темно-красного цвета. (В порезах на лице Одетты Дюшен нашли осколки темно-красного стекла... разбитое окно в соседней комнате...) Я глубоко вздохнул, холодный воздух приятно освежил мое разгоряченное лицо, и я выглянул из окна. Избавившись от этой удушливой духоты, можно было по крайней мере спокойно подумать... Со всех сторон огромным прямоугольником до самого звездного неба вставали темные стены с тускло светящимися окнами. От моего окна до булыжной мостовой внизу падать было добрых двадцать футов. В восьми—десяти футах от стены возвышалась куполообразная стеклянная крыша главного зала. Она была несколько выше окна, у которого я стоял, поэтому я мог видеть только ту часть двора, которая находилась непосредственно подо мной, а справа от меня, я знал, должен был находиться вход в комнату, носившую название кабинета управляющего. Из моего окна я не мог заглянуть в главный холл, мне мешала слишком высокая стеклянная крыша; я видел только тусклое свечение сквозь закопченные стекла и слышал, как играет оркестр.

Вышла луна. Ее бледная синева скользнула по верхушкам крыш, посеребрив их, потом озарила лежащий внизу узкий двор. У меня взмокла рубашка и в груди стало холодно, потому что я увидел неподвижную фигуру в белой маске, которая глядела на мое окно. Маска в лунном свете казалась жуткой гримасой. Я слышал тихий гул машин на бульварах...

Итак, они наблюдают! Я отшатнулся от окна и в ужасе посмотрел вокруг. На ковер легла широкая лунная дорожка, осветив тяжелые кресла резного дуба и китайскую ширму, расшитую серебряной филигранью, вызывающе играющей блестящими узорами. Я все еще не мог придумать, что мне делать, но из-за белой маски, стоящей внизу, не могло быть и речи о том, чтобы зажечь свет. Я шагнул вперед и наткнулся на кресло. Было бы сумасшествием забраться за эту ширму — туда они заглянут в первую очередь. Потом оркестр умолк. Стало абсолютно тихо, как в могиле, только ветер шумел за окном; в моей тюрьме в последний раз зловеще захлопнулась дверь. Не западня ли вся эта затея?

Щелкнул замок, и узкая полоска света пробежала по полу. Боже! Они пришли!

У меня был только один выход. Китайская ширма находилась в каких-то двух футах от окна; я проскользнул за нее, мне стало холодно, душно, закружилась голова. Тишина. Я стоял и слушал, как колотится мое сердце...

— Моя дорогая Джина, — произнес голос Галана. — Я уже начал беспокоиться, что с тобой случилось. Секунду, сейчас я включу свет.

Шаги по мягкому ковру. Щелчок выключателя. На потолке возник полосатый кружок света; моя ширма, к счастью, осталась в тени. Значит, он все еще не знает?.. Галан говорил вальяжным, безмятежным, ласковым тоном. Ого! Шаги в мою сторону! Он задел ширму локтем...

— Надо закрыть окно, — заметил он. Затем голос его стал нежным. — Иди сюда, Мариетта!.. Сюда, моя девочка! Устраивайся поудобнее...

Вот оно что — с ним кошка! Я услышал что-то вроде сопения, потом со скрежетом и стуком опустились жалюзи, встал на место запор. Затем я заметил маленькую светлую вертикальную щель в ширме, между двумя ее половинками. Прильнув к щели глазом, я мог видеть небольшую часть комнаты.

Джина Прево сидела спиной ко мне на кушетке, откинувшись на подушки; ее поза выражала бесконечную усталость. На ее золотистые волосы, на черный мех вечерней накидки падал свет лампы. На столике стояли два стакана в форме тюльпана, за ними треножник с ведерком для шампанского, из которого высывалось, блестя золотой фольгой, горлышко бутылки. (Интересно, как это я умудрился не перевернуть это сооружение, пробираясь в темноте через комнату?) Потом в поле моего зрения появился Галан. Маски на нем не было; по круглому лицу, как тонкий слой жира, разлилось выражение самодовольства. Он привычным жестом потрогал свой нос; в глазах его еще таилась озабоченность, но рот выдавал удовлетворение. Некоторое время он стоял и смотрел на девушку.

— Вы плохо выглядите, моя дорогая, — негромко произнес он.

— Что же здесь удивительного? — Она отвечала холодным, невыразительным тоном; похоже было, что она с трудом сдерживается. Затем Джина поднесла ко рту руку с сигаретой, и свет пересекло густое облако дыма.

— Здесь сегодня ваш друг, моя дорогая.

— Да?

— Я думал, это вас интересует, — язвительно сказал он. — Молодой Робике.

Она не отреагировала. Галан снова взглянул на нее, и у него чуть-чуть задрожали веки, будто он рассматривал дверь сейфа, которая не реагирует на обычную комбинацию. Он продолжил:

— Мы сказали ему, что окно у него в комнате разбито... уборщицей. Следы крови, конечно, смыты.

Пауза. Потом Джина медленно раздавила в пельнице окуроч.

— Этьен, — в голосе ее прозвучала командная нотка, — Этьен, налейте мне шампанского. Потом сядьте рядом со мной.

Он открыл бутылку и наполнил бокалы. Все это время он не спускал с нее глаз; взгляд его был испытующим, словно Галан гадал, что все это значит. Когда он сел рядом с ней, она повернулась к нему. Я увидел ее очаровательное личико анфас — влажные розовые губки и неожиданно твердый, непроницаемый взгляд, который она устремила на него...

— Этьен, я иду в полицию.

— Да ну? По поводу чего?

— По поводу смерти Одетты Дюшен... Я решила это сегодня днем. У меня в жизни никогда не было настоящих чувств... Нет, не перебивайте. Говорила ли я когда-нибудь, что люблю вас? Я смотрю на вас сейчас, — она оглядела его с некоторым сомнением, словно хлыстом ударила, — и все, что я вижу, — это неприятного вида человек с красным носом. — Она ни с того ни с сего рассмеялась. — Чтоб я что-нибудь чувствовала!.. Все, что я когда-нибудь знала в жизни, — это пение. Я столько чувств вкладывала в него, вы слышите, я всегда жила в таком напряжении, я все воспринимала с точки зрения великих страстей, я была впечатлительной зарвавшейся дурой... И вот... — Она повела рукой, расплескав шампанское.

— К чему вы клоните?

— И вот вчера вечером!.. Вчера вечером я увидела истинное лицо моего бесстрашного рыцаря.

Я отправилась в клуб, чтобы встретиться с Клодин, и открыла дверь в проход, как раз когда ее убивали... А потом, Этьен?

— Ну? — Он угрожающе, с хрипотцой повысил голос.

— Я умирала от страха, это естественно... Я убежала из клуба на бульвар — и встретила вас, вы выходили из машины. Вы для меня были защитой и опорой, и я упала вам на руки, потому что меня не держали ноги... И что же делает мой титан мощи, когда узнает, в чем дело? — Она наклонилась вперед с застывшей улыбкой на губах. — Он сажает меня к себе в автомобиль и просит подождать его. Может, он помчался в клуб узнать, что произошло? Хочет как-то защитить меня? Ничего подобного, Этьен. Он спешит прямо в ближайший ночной клуб, чтобы посидеть там у всех на виду и обеспечить себе алиби на случай если его будут допрашивать! И спокойно сидит там, пока я валяюсь без чувств на заднем сиденье его автомобиля...

Мне и до этого был неприятен Галан. Но никогда прежде в моей душе не поднималась такая волна убийственного гнева, как та, что охватила меня, когда я услышал эти слова. Я больше не дрожал от страха быть обнаруженным. Разнести этот нос, эту гадкую рожу в кровавое месиво... какое это было бы наслаждение! Зло, наделенное мужеством, как у Ричарда III¹, еще можно уважать, но это!..

Когда Галан повернулся к Джине, лицо его было искажено ненавистью.

— Что еще вы имеете мне сказать? — с усилием выдавил он.

— Ничего, — ответила она.

¹ Ричард III (1452—1485), которого У. Шекспир сделал в своей одноименной трагедии олицетворением зла, в действительности не совершал приписываемых ему преступлений.

Девушка тяжело дышала; глаза ее остекленели, когда она увидела, как его огромная рука двинулась к ней по спинке кушетки.

— Не делайте этого, Этьен. Позвольте сказать вам еще кое-что. Сегодня вечером, перед тем как уйти из театра, я послала пневматической почтой письмо человеку по имени Бенколин...

Огромная ручища сжалась в кулак, и на запястье выступили жилы. Мне не было видно его лица — только желваки, перекатывающиеся на скулах, — но чувствовалось, что в нем созрел и умер взрыв...

— В письме содержалась определенная информация, Этьен. Какая, я вам не скажу. Но если со мной что-нибудь случится, вы отправитесь на гильотину.

Молчание. Потом она заговорила осипшим голосом:

— Ну что ж, если оглянуться назад, в моей жизни было кое-что... Но сегодня, увидев Одетту в гробу, я вспомнила, как дразнила ее за то, что она такая домоседка, считала ее маленькой дурочкой, которой нужна хорошая встряска... О, как я ненавидела ее за это умение получать удовольствие от мелочей... И это выражение на ее лице!

Галан сосредоточенно кивнул. Его кулак разжался.

— Итак, моя дорогая, вы все расскажете в полиции. Что же вы им расскажете?

— Правду. Это был несчастный случай.

— Понимаю. Мадемуазель Одетта погибла в результате несчастного случая. А другая ваша подруга, Клодин Мартель, — это тоже несчастный случай?

— Вы прекрасно знаете, что нет. Вы знаете, что это было преднамеренное убийство.

— Прекрасно; кажется, мы понемногу продвигаемся! По крайней мере это вы признаете.

Что-то в его голосе пробудило ее от наркотического оцепенения. Она снова повернулась к нему. Я видел, как у нее напряглись ноздри. Она знала,

что к своим угрозам он всегда подступает исподволь, — так пастух пощелкивает кнутом, прежде чем хлестнуть им изо всех сил.

— Итак, дорогая, — продолжал он. — Надеюсь, вы все расскажете мне. Как же произошел этот «несчастный случай»?

— Будто... будто вы не знаете! О, черт бы вас побрал! Что вы еще...

— Меня в это время не было в комнате; надеюсь, вы это подтвердите. Все, что я могу сказать, — это то, что вы со своей доброй подружкой мадемуазель Мартель терпеть не могли разумницу Одетту... Пожалуйста, пожалуйста, моя дорогая, оставьте при себе ваше уничтожающее театральное презрение, у вас слишком драматический вид. Вы обе никак не могли понять, почему ей хочется мужа, и деток, и прозаического домика в Нейи, а то и еще более прозаического армейского поста в колониях. Поэтому вы организовали для нее маленький приемчик здесь...

— В этом нет ничего дурного! Говорю вам, я готова пойти в полицию...

Он осушил свой бокал, потом наклонился к ней и отечески потрепал по ладони. Она отдернула руку, но задрожала.

— Душой задуманного, я готов это подтвердить, — продолжал он с великодушным жестом, — была мадемуазель Мартель. Вы не могли зазвать сюда свою подружку Одетту ни под каким другим предлогом, кроме одного, для чего мадемуазель Мартель должна была сказать ей и повторять почаще, чтобы довести до истерического состояния, одно заведомо ложное утверждение, а именно, моя дорогая, — что капитан Шомон частый посетитель этого клуба. Она в этом сомневается? Пожатие плечами. Она может сама убедиться... Какая это будет чудесная шутка! Наконец-то Одетта испробует вкус настоящей жизни!.. Привести ее сюда, накачать вином,

а позже, вечером, познакомить с каким-нибудь донжуаном... Не желает приходить вечером? Ничего, дневное время тоже сойдет, потому что до вечера можно влить в нее много шампанского...

Джина Прево прижала руки к глазам.

— Так вот, я ничего не знал о содержании вашего плана, — снова заговорил Галан. — Что же касается последнего, я могу только догадываться. Но ваше поведение говорит мне о многом... Однако, — он пожал плечами, — мне эта идея нравилась. Я позволил вам провести ее без ключа мимо охраны. Но что произошло в той комнате — между прочим, вы воспользовались комнатой Робике, потому что знали, что он в Лондоне и никак не может быть там, — что произошло в той комнате, мне неизвестно.

— Я же вам рассказала, разве не так?

— Пожалуйста, успокойтесь, моя дорогая Джина, вы сами себя накручиваете. Разве вы мне рассказали?..

— Не понимаю, какую игру вы ведете. Я боюсь вас... Это был несчастный случай, вы это знаете. Во всяком случае, виновата Клодин. С Одеттой случилась истерика, когда мы... мы сказали ей, что капитана Шомона не будет...

— И тогда...

— Клодин все это время пила и вдруг вспылила. Она сказала Одетте, чтобы та не расстраивалась, мы найдем ей мужчину не хуже Шомона. Это было ужасно! Я ведь хотела только пошутить, посмотреть, как Одетта будет реагировать. Но Клодин всегда ее ненавидела, она просто взбесилась. Я поняла, что дело зашло слишком далеко, и перепугалась. А Клодин закричала: «Я научу тебя жить, ты, маленькая сопливая ханжа!» — и... — Джина сглотнула и со страхом посмотрела на Галана, — Клодин бросилась к ней. Убегая от нее, Одетта прыгнула через кровать, но споткнулась и... о Боже, как вспомню это

разлетающееся вдребезги стекло, и лицо Одетты, и... Мы услышали, как она упала во двор...

Последовало страшное, тягостное молчание. Я отвернулся от ширмы, почувствовав тошноту.

— Я этого не хотела!.. Я не хотела!.. — прошептала девушка. — Но вы же все знали. Вы пришли и обещали убрать тело. Вы сказали, что она мертва, но что вы всё уладите или мы все отправимся на гильотину. Ведь так это было?..

— Итак, — задумчиво произнес Галан, — Одетта Дюшен погибла в результате несчастного случая, выпав из окна. Причина смерти — трещина в черепе... Моя дорогая, вы видели газеты?

— Что вы хотите сказать?!

Он поднялся, глядя на нее сверху вниз.

— Безусловно, она рано или поздно умерла бы от этой трещины. Но что касается обстоятельств ее гибели, вы можете прочитать в газетах, что непосредственной причиной смерти послужил удар ножом в сердце. Ну как?

Рука его продолжала плавно двигаться назад, как будто он хотел размахнуться и побольнее щелкнуть ее кнутом. Галан поджал губы, в глазах его снова заиграло самодовольство.

— Нож, которым ее зарезали, — продолжал он, — пока не нашли. И неудивительно. По-моему, он принадлежит вам. Если полицейским придет это в голову, они найдут его в вашем туалетном столике в «Мулен-Руж»... Теперь, дорогая моя, остается надеяться, что вы не слишком много рассказали Бенколину!

ГЛАВА XIV

Скорчившись в полумраке, я снова опустил глаза; в голове у меня все перепуталось. Потом Галан засмеялся. Неожиданно голос его сорвался, и смех перешел в отвратительное хихиканье, наждаком скребущее по нервам.

— Вы можете мне не верить, дорогая моя, — твердил он. — Почитайте газеты...

Молчание. Я боялся снова приложить глаз к щели, чтобы не выдать себя неловким движением и не опрокинуть ширму.

Тихим, недоверчивым голосом она произнесла:

— Вы... сделали... это?..

— Теперь, пожалуйста, выслушайте меня. Я опасался этого с того самого момента, как ваша милая Одетта выпала из окна. Я боялся, что у вас не выдержат нервы или вас замучит совесть и вы отправитесь в полицию, чтобы рассказать об этом «несчастном случае». Я предполагал — и оказался прав, — что мадемуазель Мартель покрепче. Вы могли всех нас погубить. Однако, если бы вы были вынуждены молчать...

— Вы сами закололи Одетту!

— Ну, ну, я, может быть, немного ускорил ее смерть. В любом случае она не прожила бы больше нескольких часов. — Он явно получал от всего этого удовольствие, и я слышал, как звякнул бокал, когда он налил себе еще шампанского. — Вы что, думали,

я срочно отправлю ее в больницу, чтобы все раскрылось? Ну уж нет! Полиция только и ждет, чтобы навесить на меня что-нибудь. Лучше всего было прикончить ее во дворе. Что я, между нами говоря, и сделал. Вы ведь не видели ее после того, как она упала, правда?

Я снова взглянул на них. Джина сидела в застывшей позе, глядя в сторону. Галан хмуро созерцал свой бокал, взбалтывая его содержимое. За его самодовольством чувствовалась холодная ярость. Инстинкт подсказывал мне, что одну вещь он никогда не простит Джине — что она ударила по его тщеславию. Галан поднял свои непроницаемые, почти по-кошачьи желтые глаза.

— Нож, которым я воспользовался, имеет отличительную особенность. Искривление на лезвии наверняка оставило в теле характерный след. Каким-то образом нож попал в вашу артистическую... Вам его так просто не найти. Зато полиция смогла бы... Вы маленькая дурочка, — прошипел он, пытаясь сдерживать приступ ярости, — они же обвинят вас в обоих убийствах. Я имею в виду — если я им подскажу. Вчера вечером, когда была убита Клодин Мартель, вы сами сунули голову под гильотину! Вы что, не понимаете этого, что ли? И вам хватило смелости, нахальства, сомнения, чтобы...

На секунду мне показалось, что он швырнет в нее бокалом. Затем он с усилием разгладил морщины на своем перекошенном лице, по-видимому несколько напуганный собственным взрывом.

— Ну ладно, дорогая моя... что толку теперь расстраиваться? Нет, вы послушайте, пожалуйста! Я вывез ее на своем автомобиле после наступления темноты и выбросил в реку. Нет никаких улик, которые бы связывали меня с этим делом. Но вы!..

— А Клодин?

— Джина, я не знаю, кто убил Клодин. Но вы мне об этом расскажете.

На этот раз он не присел на кушетку рядом с ней, а пододвинул кресло и поставил его напротив нее, и свет от лампы окрасил его нос невероятными тенями. Галан похлопал себя по коленям, белая кошка, бесшумно появившись из темноты, устроилась на своем привычном месте. Некоторое время он молчал, глядя ее и таинственно улыбаясь своему бокалу с шампанским.

— Ну так вот, моя дорогая, если вы успокоились, позвольте мне продолжить. Я объясню вам совершенно откровенно, что мне от вас надо. Подбрасывая эту улику против вас, я только прикрывал себя, на случай если в отношении меня возникнет какое-либо подозрение. Я должен быть абсолютно вне подозрений! Джина, дорогая, у них не должно быть против меня ничего, поскольку сейчас, в конце своей долгой и плодотворной карьеры, я намереваюсь покинуть Париж.

— Покинуть... Париж?..

Он даже фыркнул от удовольствия.

— Вот именно, дорогая; уйти от дел. А почему бы и нет? Я довольно состоятельный человек; впрочем, я никогда не был жаден до денег. Раньше я не хотел уезжать из Франции, пока не сведу счета с одним человеком, с вашим другом Бенколином, — он потрогал нос, — которому я обязан вот этим украшением. Я сохранял свой нос в таком виде из честолюбия, и к тому же мой успех у дам — да-да, моя дорогая, и у вас тоже — объяснялся, как это ни странно, в значительной степени этим уродством. Вы спросите почему? Вас ведь неизменно привлекает уродливое пятно на красивом лице! — Он пожал плечами. — Ну а что касается моего доброго друга Бенколина... Так вот, моя дорогая, то самое благоразумие, которое, мне кажется, вам несколько

претит, — а ведь оно-то и спасло мою шкуру, когда многие другие отправились прямоком в ад! — так вот, мое благоразумие, — у него была отвратительная манера подчеркивать свои слова хихиканьем, — подсказывает мне, что лучше держаться от него подальше.

Галану явно нравилось конструировать такие вот замысловатые предложения. Всякий раз, произнося слово «благоразумие», он улыбался и искоса поглядывал на Джину.

— Итак, я уезжаю. В Англию, я думаю. Всегда мечтал о тихой жизни сельского джентльмена. Я буду писать возвышенные книги, сидя в саду на берегу реки, в тени лавровых кустов. А нос мой хирурги переделают, я снова стану красавцем, и тогда — уву! — ни одна женщина больше на меня не посмотрит.

— Объясните ради Бога, что все это значит?

— Как вы, может быть, знаете, — продолжал он вальяжно, — мне принадлежит значительная — очень значительная — часть капитала в этом заведении. Да. Теперь у меня есть компаньон; кто именно, вы скорее всего даже и не подозреваете. Вы, конечно, обратили внимание, что у меня нет никаких связей с конторой управляющего? Опять благоразумие! Этим занимается мой партнер... Так вот, моя дорогая, я все продал.

— А какое это имеет отношение ко мне? Прошу вас!..

— Терпение! — Он чуть повел рукой. Потом голос у него переменился, в нем зазвучали нотки сдерживаемой ненависти. — Я хочу, чтобы вы это знали, потому что это касается всего вашего глупого, прогнившего племени! Вы понимаете, к чему я веду? Я владел этим клубом много лет. Я знаю каждого из его членов, все их грязные делишки, скандалы, бесчестные поступки... Пользовался ли я этой ин-

формацией для того, что вы называете шантажом? Очень редко. У меня была более значительная цель. Предать все это гласности, Джина, причем с чисто альтруистической целью. Показать, — он почти кричал, — сколько мерзких червей без чести и совести маскируется под человеческие существа, и...

Этот человек был безумен. Глядя сквозь щель на его лицо, я не мог сомневаться в этом. Сомнения? Одиночество? Унижения? Мятущийся идеалист, впечатлительная натура и яркая личность, бьющаяся в клетке собственного разума? Мне казалось, что его пылающие желтые глаза смотрят прямо в мои; на миг я даже испугался, что он меня заметил. Мяукнула кошка — он сильно ущипнул ее за шею — и прыгнула с его коленей. По-видимому, это его отрезвило. Он пришел в себя и теперь снова смотрел на девушку, которая вся сжалась на кушетке.

— Я развлекал вас, — продолжил Галан медленно, — целый год. Если бы я нуждался в вас, я мог бы сейчас вас вернуть. Вы попались, потому что я много путешествовал, много читал и потому что я умею красиво говорить. Вы poznали высоты, о которых и мечтать не могла ваша бедная безмозглая головушка, причем по дешевке, из вторых рук. Я изложил для вас Катулла¹ в виде букваря. Я низвел Петрарку² до уровня вашего понимания — и Мюссе³, и Колриджа⁴, и других. Вы слышите? Я выучил вас, какие песни петь и как их петь, я положил на музыку «*Donec gratus eram tibi*» и написал фран-

¹ Гай Валерий Катулл (ок. 87—ок. 54 до н.э.) — римский поэт, прославившийся любовной лирикой.

² Франческо Петрарка (1304—1374) — итальянский поэт, оказал значительное влияние на развитие европейской поэзии.

³ Альфред де Мюссе (1810—1857) — французский поэт-романтик, также писал прозу и драматические произведения.

⁴ Сэмюэл Тэйлор Колридж (1772—1834) — английский поэт и литературный критик, представитель «озерной школы».

цузский текст лучше, чем у Ронсара¹, чтобы вы могли его исполнить. Великие чувства, беззаветная любовь, верность до гроба, — и вот теперь мы оба знаем, какой это обман, правда? И вы знаете, что я думаю о людях. — Он глубоко вздохнул. — Внизу, в моем сейфе, — сказал он в прежней сардонической манере, — лежит несколько рукописей. Запечатанные в конверты, готовые к рассылке во все газеты Парижа. Это рассказы о людях — подлинные рассказы. Они выйдут вскоре после моего отъезда. — Он ухмыльнулся. — Газетчики должны заплатить мне за них. Это будет новостью десятилетия, если они осмелятся их использовать. Но будьте уверены, они их используют...

— Вы безумец, — решительно прервала его Джина. — Боже мой! Я не знаю, что вам сказать. Я догадывалась, что вы из себя представляете, но не думала, что вы до такой степени...

— Очень жаль, конечно, — сказал он, — что этот клуб разнесут в щепки и никто больше не рискнет даже близко подойти к нему. Но у меня больше нет здесь денежного интереса, и боюсь, что теперь об этом должна болеть голова у моего партнера... Так вот, моя дорогая, давайте будем практичными. В том пакете может оказаться куча сведений о вас. С другой стороны, ваше имя может там и вовсе не фигурировать, — Джина сама безупречность! — если...

Она резко повернулась к нему; к ней вернулась невозмутимость.

— Я подозревала, Этьен, — проговорила она, — что рано или поздно случится что-нибудь вроде этого.

— ...если вы скажете мне, кто убил Клодин Мартель.

¹ Пьер де Ронсар (1524—1585) — французский поэт, глава «Плеяды», французской поэтической школы эпохи Возрождения.

— Прекрасная речь, Этьен. — В ее хрипловатом голосе звучала насмешка. — Неужели вы и в самом деле думаете, что я вам скажу? Этьен, дорогой мой, а зачем вам это знать? Если вы собрались сделаться респектабельным сельским джентльменом...

— Потому что я догадываюсь, кто это был.

— Ну и?..

— Вспомните мое любимое слово — благоразумие. Я всегда был осторожен, моя дорогая. Когда-нибудь в будущем мне могут понадобиться деньги. А родители того, кто, по-моему, совершил убийство, не только горды, но и невероятно богаты. Теперь скажите мне...

Она невозмутимо вынимала сигареты из сумочки, и я представил, как она подняла брови. Он протянул к ней свою огромную ручищу:

— Дорогая Джина, прошу вас, подтвердите мою догадку. Убийца — капитан Робер Шомон?

У меня ослабли колени; лицо Галана исказилось, как в кривом зеркале. Шомон! Шомон... Джину это имя явно поразило куда меньше, чем меня, но я слышал, как она на секунду задержала дыхание. Во время затянувшегося молчания оркестр внизу заиграл снова. Звуки музыки были едва слышны через плотно закрытые окна.

— Ну уж теперь, — сказала девушка со смехом, — я совершенно убеждена, что вы сошли с ума. С чего вы взяли?!

— Вы ведь понимаете, Джина, — заговорил он убежденно, — что это была месть? Месть за Одетту Дюшен. Месть молодой даме, которая является причиной того, что Одетта упала и разбилась насмерть. Кто же скорее всего мог стать орудием этой мести? Ну же, ну! Я прав?..

В комнате стало очень жарко. Я прижался лицом к щелочке в ширме; перед моими глазами вставали все те случаи, когда мне казалось странным

поведение Шомона. Я боялся не услышать ответ Джины Прево — вдруг она что-нибудь шепнет совсем тихо, а оркестр в это время как раз заиграл пылкое танго, и оконные стекла тихо задребезжали в ритме музыки. Галан стоял рядом с Джиной, глядя на нее сверху вниз...

И тут внизу, почти у самых моих ног, послышалось урчание! Какое-то существо с мурлыканьем терлось о мои колени. Потом раздался истошный вопль, и я увидел круглые желтые глаза...

Кошка!

Я окаменел, не в силах оторваться от щели, а потом размяк, как студень. Галан выпрямился, глядя прямо на ширму. Его обожаемая Мариетта металась из угла в угол, истошно мяуча.

— Там... за ширмой... кто-то есть, — произнес Галан. Говорил он неестественно громко.

Еще пауза. Мне показалось, что вся комната наполнилась зловещим скрипом. Джина Прево не пошевелинулась, но ее рука, в которой она держала сигарету, задрожала. «Там... за ширмой... кто-то есть» — эти слова все еще отдавались от стен глухим эхом. На лицо Галана падал неровный свет лампы, его вытаращенные глаза безжизненно застыли, губы медленно раздвинулись, обнажив зубы.

Внезапно его рука метнулась в карман пиджака.

— Это же проклятый полицейский шпик!!!

— Ни с места, — сказал я, не узнавая собственного голоса. Я говорил инстинктивно, и каждое слово звучало как выстрел. — Ни с места, не то стреляю. Вы на свету.

В висках стучали невероятно долгие мгновения. Взять его на пушку! Взять его на пушку, или со мной все кончено. Галан вглядывался в тени вокруг меня, пытаясь разглядеть намек на пистолет. Все его тело напряглось, словно пытаясь освободиться от пут, глаза стали наливаться кровью, он побагровел,

на лбу вздулись вены. Медленно задралась верхняя губа, обнажив два мощных передних зуба. Неопределенность душила и выводила его из себя...

— Руки вверх, — скомандовал я. — Выше! И не вздумайте звать на помощь. Ну!..

У него дернулись губы; он хотел что-то сказать — но благоразумие взяло верх. На какое-то мгновение одна его рука, дрожа, замешкалась под столом. Потом он медленно поднял ее.

— Спиной!

— Вы же знаете, что вам отсюда не выбраться.

Я дошел до такого состояния, когда все происходящее стало казаться мне просто безумно веселым приключением. Может быть, жить мне оставалось считанные секунды, но мне хотелось смеяться, а грудь покалывало от нетерпения. Я вышел из-за ширмы. Серая комната с золочеными панелями на стенах и синего цвета мебелью, казалось, полна была резко очерченных красок — даже тени имели строгие контуры, и, помню, я обратил внимание на то, что на панелях были нарисованы любовные похождения Афродиты. Галан стоял спиной ко мне, подняв руки. На кушетке, подавшись вперед, сидела Джина Прево; она бросила на меня взгляд, и я тут же вспомнил, что все еще не снял маску. Я прочитал в ее глазах поддержку и торжество. Она помахала рукой с сигаретой в воздухе и от смеха даже просыпала на ковер пепел, заметив, что у меня нет оружия...

Я рассмеялся вслед за ней. Единственное, что мне оставалось, — это, напав на Галана сзади, рискнуть вступить с ним врукопашную, пока он не позвал на помощь и не выхватил оружие. Я поднял тяжелое кресло. Внезапно Галан произнес по-английски:

— Не беспокойся, Джина. Они будут здесь через секунду. Я нажал кнопку под столом... Отличные ребята!

Дверь в коридор распахнулась. Я замер на месте, сердце кольнуло. В освещенном проеме толпились белые маски; на их фоне выделялся силуэт Галана с поднятыми руками. Я видел их головы над шейными платками, похожие на кобр. Таких голов было пять.

— Давайте, ребята, — тихо, довольным голосом произнес Галан. — Осторожно, у него пистолет. И потише! Чтoб никакого шума...

Он прыжком развернулся ко мне; его нос походил на страшную красную гусеницу, извивавшуюся на лице. Он напряг плечи, но руки висели свободно, и он улыбался во весь рот. У меня в ушах застучала кровь. Кобры двинулись вперед, закрывая собой свет и отбрасывая на ковер длинноногие тени. Их шаги зловеще шуршали по ковру. Джина Прево, все еще хохоча, сидела со стиснутыми кулаками. Не выпуская из рук тяжелого кресла, я отступал к окну...

Шуршание не умолкало, как будто белые маски ползли на животах. Улыбка на лице Галана расплзлась еще шире. Сквозь истерический смех Джина Прево проговорила:

— Он еще тебе покажет, Этьен! Он тебе покажет...

— У него нет пистолета! Взять его!

В желтом электрическом свете я увидел, как фигуры с глазами-бусинками одновременно рванулись ко мне. Я замахнулся тяжелым креслом и всадил его в окно. Звон стекла; деревянная рама треснула, замок выскочил. Вытащив кресло, я развернулся и швырнул его в самую близкую ко мне фигуру. В свете лампы что-то сверкнуло, и над моей головой со стуком вонзился в оконную раму нож. Хватаясь за подоконник снаружи, я еще видел, как он дрожит... я прикрыл лицо рукой, чтобы не порезаться, и вывалился в пустоту.

Холодный воздух, впереди стремительно нарастает серое пятно. Затем вдруг удар молотком по

лодыжке — такой, что кажется, будто в ноге не осталось ни одной целой кости. Шатаюсь, я сполз по кирпичной стене на колени, испытывая страшный приступ тошноты. Встать! Встать! Но в следующее мгновение — только боль, ноги не держат, я ничего не вижу...

Я в ловушке. Они перекроют все выходы, и тогда мне не выбраться. Рано или поздно неизбежное произойдет, круг масок сомкнется, и я окажусь прижатым в угол. Ладно, черт их побери! Пусть побегают! Устрою себе развлечение... Меня пошатывало, — наверное, ударился головой.

Прихрамывая, я пустился бежать по двору. Главный зал! Где-то здесь должен быть вход в главный зал... Где же он? Что-то застит мне глаза, наверное кровь... Впереди белая маска!

Он шел на меня, низко пригнувшись, и его ботинки при каждом шаге гулко хлопали по кирпичной мостовой. Холодная ярость подавила боль. Я набрал полные легкие воздуха; было так больно, будто их проткнули насквозь, но я ничего больше не чувствовал, кроме того, что я ненавижу все белые маски, ненавижу ухмылки апашей, их ножи, которые бьют в спину. В полутьме я разглядел, что на апаше клетчатый костюм. Охранник задрал вверх свой бескровный костистый подбородок и кинулся на меня; рука его взметнулась к шейному платку...

Лезвие молнией выскочило из рукоятки, апаш придерживал его большим пальцем. Я ударил его прямым слева под ложечку, потом на десять дюймов выше, вложив всю силу руки и плеча в удар по скуле. Он глотнул воздуха, и тот забулькал у него в горле. Я слышал, как он упал, грудой тряпья рухнув на кирпичи, словно я переломал ему все кости. Потом я снова бежал. Они отставали от меня всего на несколько футов. Липкая влага в глазах густела. А вот и освещенная дверь... Наверное, тот

тип ее и сторожил. Я потянулся к ручке, не чувствуя ничего, кроме клейкой сырости на лбу, в глазах, на носу. Я попробовал отереть ее, но ее стало только больше; голова у меня раскалывалась от невыносимой боли. Я почему-то подумал: не хватало только, чтобы меня вырвало посреди этого роскошного здания. Топот... они приближаются, весь двор наполняется их ревом. Я рывком повернул ручку и рухнул в проем, успев захлопнуть за собой дверь.

Коридор. Где-то играет музыка. Пока я в безопасности; кажется, здесь рядом дверь в главный зал. У меня так оглушительно билось сердце, что казалось, лопнут барабанные перепонки. Я не мог двигаться дальше, потому что совершенно ничего не видел. Покачиваясь, я привалился к стене. Пол ходуном ходил у меня под ногами, ноги были словно каучуковые. Я нащупал задний карман, нашел носовой платок и тщательно вытер глаза...

Едва завидев свет, я выпрямился. Кровь все текла, — Боже мой, сколько же крови в человеческом теле? Манишка моя была в ужасном состоянии. Тут я вдруг понял, где нахожусь. Позади меня был крытый переход без цветов и украшений, оттуда доносился гомон толпы и музыка. Перед собой я увидел большую освещенную комнату. На моем пути стоял кто-то — я видел его неотчетливо, — и переливался на свету блестящий кружочек дула пистолета. Меня занесло прямо в контору управляющего, прямо в самую мышеловку... Топот преследователей теперь звучал поглуше, но все равно приближался...

В отчаянии я провел платком по глазам, протер лоб и попытался распрямиться. Попробовать выбить пистолет? Да, погибать, так с музыкой.

В густом тумане плавала фигура, которую я никак не мог разглядеть. Кажется, это была женщина. Женщина в платье цвета пламени. Она стояла посреди комнаты, увешанной коврами, и смотрела на

меня широко открытыми глазами. За спиной раздавался шум; я слышал, как кто-то колотит в дверь, которую я инстинктивно запер за собой.

Эта женщина! До меня наконец дошло — это же партнер Галана, новая хозяйка клуба... Вспышка надежды, забрезживший выход из положения — все это успокаивающе подействовало на мою раскаляющуюся голову; я даже, кажется, стал лучше видеть. Набрав в легкие благодатного холодного воздуха, я шагнул вперед.

— Стоять! — приказала женщина.

Я узнал этот голос...

— Не думаю, — уверенно сказал я, — что вы выдадите меня, мадемуазель Августин.

ГЛАВА XV

Даже в такой момент я не мог не восхититься происшедшей в ней переменой. Увидев Мари Августин издалека, я бы ее ни за что не узнал. Кассирша в унылом черном платье, с лоснящимся лицом и тусклыми волосами — и теперь эта роскошная женщина! Я видел только ее пламенеющее платье и белые гладкие плечи над ним; оказалось, что я говорю с платьем, говорю скороговоркой. Платье, билетная касса в музее восковых фигур, будто я стою там перед ней и отчаянно умоляю пропустить меня бесплатно...

— У меня нет времени на объяснения! — шепнул я. — Они вот-вот будут здесь. Вы меня спрячете. Я... я...

Сразу за моей спиной была дверь со стеклянной панелью, через которую был виден темный переход в большой зал, и мне казалось, я вижу, как через этот зал бегут белые маски и как они барабанят в дверь со двора... К моему удивлению, Мари Августин подбежала к дверям, задвинула стеклянную панель бархатной занавеской и закрыла засов.

Она даже не спросила, в чем дело. Впрочем, у меня было заготовлено хорошее объяснение.

— Есть информация... Я могу сообщить вам кое-что о Галане. Он собирается предать вас и погубить клуб... и...

Теперь я обнаружил ссадину на лбу, — видимо, ударился о кирпичную стену, когда падал. Прижав

к лицу платок, я увидел, что Мари Августин стоит рядом со мной и смотрит мне в лицо. Я все еще видел ее как в тумане; говорить я больше не мог. Блестящий кружок пистолетного дула был все так же направлен прямо мне в сердце... По стеклу громко застучали, чья-то рука повернула дверную ручку. Мари Августин наконец заговорила.

— Сюда, — сказала она.

Кто-то вел меня куда-то за руку... Когда позже я пытался припомнить эту сцену, в голове всплывали какие-то вспышки, — так бывает, когда вспоминаешь вчерашнюю пирушку. Мягкие ковры и яркий свет. За спиной непрекращающийся стук по стеклу, громкие крики. Потом где-то открывается черная, не отражающая света дверь, и — темнота. Кажется, меня толкнули на что-то мягкое...

Когда я в следующий раз открыл глаза, то понял, что какое-то время был без сознания; потом я узнал, что это продолжалось менее десяти минут. Лицо мое ощущало приятный холодок, свежесть, никакой липкости, но глазные яблоки болели от света, а на лоб давила какая-то груда камней. Подняв руку, я нащупал бинты.

Я полулежал на шезлонге, в ногах у меня тихо сидела Мари Августин, она вертела в руках пистолет и смотрела на меня. Каким-то непонятным образом погоня — по крайней мере, на время — отстала. Я лежал тихо, пока мои глаза привыкали к свету, и разглядывал ее. То же самое удлинненное лицо, те же карие глаза и черные волосы, — но теперь она была едва ли не красавицей. Я вспомнил, как представлял накануне вечером в музее восковых фигур, что, если убрать будку кассы и набитые конским волосом диваны, девушка сразу приобрела бы строгую грацию и горделивую осанку... Волосы ее были разделены прямым пробором, стянуты сзади в пучок и глянцевито отсвечивали на свету; плечи... плечи были цвета

старой слоновой кости. Я понял, что смотрю в ее переменчивые, лучистые глаза, в которых больше не было настороженности и злости...

— Почему вы это сделали? — спросил я.

Она вздрогнула. Снова ощущение тайного контакта. Потом она поджала губы и скучным голосом ответила:

— Нужно наложить швы. Я заклеила рану пластырем и забинтовала.

— Почему вы это сделали?

Ее палец, лежащий на спусковом крючке пистолета, напрягся.

— Пока я пошла вам навстречу и сказала им, что вас здесь нет. Это... мой кабинет, и мне поверили. Хочу напомнить вам, впрочем, что вас еще ищут и вы полностью в моей власти. Одно мое слово... — В глазах ее опять появилась злость. — Я сказала, что вы мне понравились. Но если я обнаружу, что вы пришли сюда, чтобы повредить этому заведению или погубить его... — Она остановилась. Видно было, что она обладает безмерным терпением. — Значит, так, сударь. Если вы сможете доказать, что находитесь здесь на законных основаниях, я с удовольствием поверю вам. Если нет, я в любой момент могу нажать кнопку и вызвать охрану. Тем временем...

Я попытался сесть, но почувствовал, что голова у меня раскалывается от боли, и снова прилег. Мы находились в большой комнате, комнате женщины; она была украшена черным с золотом японским лаком, на который отбрасывали приглушенный свет бронзовые лампы. Черные бархатные портьеры на окнах были задвинуты, воздух пропитан густым запахом глицинии. Проследив за моим взглядом, она сказала:

— Мы в моей личной комнате, смежной с кабинетом. Сюда никто не войдет, если я не позову. Итак?..

— Ваша обычная манера говорить, мадемуазель Августин, — произнес я дружелюбно, — совсем не

вяжется с вашей новой ролью. И в этой новой роли вы прекрасны.

Она хрипло отозвалась:

— Только не думайте, что такой грубой лестью...

— Позвольте заверить вас, что мне и в голову ничего подобного не приходило. Если бы я пожелал завоевать ваше расположение, мне следовало бы оскорбить вас — тогда бы я понравился вам больше. Разве не так? Напротив, это вы у меня в руках!

Я спокойно посмотрел на нее, стараясь казаться безразличным. Она заметила, что я хлопаю по карманам в поисках сигарет, и коротким кивком указала на лакированную коробочку на табурете сбоку от меня.

— Объясните, что вы имеете в виду.

— Я могу спасти вас от банкротства. Вам бы этого хотелось больше всего на свете, разве не так?

Она угрожающе сверкнула глазами:

— Осторожней!

— Разве я ошибаюсь? — спросил я, притворяясь удивленным.

— Почему вы... почему все... считают, что я думаю только... — Она взяла себя в руки, едва не взорвавшись, и спокойно продолжала: — Вы раскрыли мою тайну, сударь. Вы видите меня такой, какой я всегда хотела быть. Но, пожалуйста, не увиливайте. Что вы имели в виду?

Я не спеша закурил.

— Во-первых, мадемуазель, давайте примем за аксиому одну вещь. Будем исходить из того, что не так давно вы владели только частью Клуба Цветных масок, а теперь приобрели его целиком.

— Почему мы должны исходить из этого?

— Мадемуазель, прошу вас! Это совершенно законно, вы же знаете... Меня осенило благодаря шишке, которую я получил после того, как услышал кое-что от господина Галана. Да еще этот счет в банке

на миллион франков... Вряд ли столько зарабатываешь, будучи простой... как бы это сказать... привратницей!

Это был выстрел наугад, мысль о миллионе только что пришла мне в голову. Но я вдруг понял, что это так и есть и что надо было быть слепцом, чтобы не понять всего этого раньше. Миллион франков, я должен был об этом догадаться, не накопишь только благодаря предоставлению второго входа...

— И вот... я полагаю, что смогу представить вам доказательства того, что Галан намеревается предать вас. Если мне это удастся, вы меня выведете отсюда?

— Ага! Значит, вы все-таки зависите от меня! — воскликнула она удовлетворенно.

Я кивнул. Она посмотрела на револьвер и вдруг порывисто швырнула его на пол. Потом подошла и села рядом со мной, испытующе глядя мне в глаза. Наверное, она прочитала в них, что на меня действует ее близость, что я понял выражение ее губ и глаз, которое не имело ничего общего с банкротством. Да, она почувствовала мою симпатию, и я бы не сказал, что это ей не понравилось. Улетучилась вся ее ершистость. У нее чуть заметно участилось дыхание, из-под полуприкрытых век поблескивали глаза... Я продолжал как ни в чем не бывало курить.

— Зачем вы здесь?

— Чтобы получить улики по делу об убийстве. Вот и все.

— И... вы их получили?

— Да.

— Надеюсь, вы установили в таком случае, что ко мне это не имеет отношения?

— Это не имеет ни малейшего отношения ни к вам, мадемуазель Августин, ни к вашему клубу.

Она сжала кулаки.

— Клуб! Клуб! Это все, что вы можете сказать? Думаете, у меня только деньги на уме? Послушайте! Вы знаете, почему это место было мечтой моей жизни?

Жесткая линия ее рта немного разгладилась, она медленно облокотилась на подушки и, глядя мимо моего плеча, напряженным голосом заговорила:

— На свете есть только одна совершенная радость — вести двойную жизнь: рабочей лошади и принцессы. Противопоставлять и сравнивать их каждый день. Я это делаю. Каждый день новый сон. Днем я сижу в своей кассе, надеваю бумажные чулки, сражаюсь с мясником, считаю каждое су. Я ору на детей на улице, сую билеты в грязные лапы, готовлю капусту на дровяной плите, чиню папины рубашки. Все это я делаю с охотой, с удовольствием мою полы... — Мадемуазель Августин передернула плечами. — Зато по ночам я могу в тысячу раз полнее прочувствовать удовольствие от всего этого. Представьте себе! Прошел день. Я закрываю музей, отправляю папу в постель... и прихожу сюда. Каждый раз это как «Тысяча и одна ночь» наяву!

Голос ее был низким, с хрипотцой. Она скрестила руки на груди и крепко их сжала; дышала она глубоко, будто под наркозом. Казалось, она наслаждается чудесными ароматами, гладкостью атласа, из которого было сшито ее платье, всем кричащим богатством этой комнаты; ее темно-вишневая домашняя туфля медленно поглаживала толстый ковер. Мари Августин сидела запрокинув голову назад, поблескивая глазами под тяжелыми веками...

Я раздавил сигарету и приподнялся, и от моего движения видение вдруг исчезло. На губах у девушки заиграла кривая улыбка.

— Но я долго играю своими чувствами, — сказала она, — прежде чем подавляю их. Ложитесь. Кладите голову вот сюда.

Я бесшумно поаплодировал ей и покорился. Теперь мы снова говорили только глазами. Потом я все же заметил:

— У вас тут очень живописно. Эти охранники с ножами с ног сбились, разыскивая меня...

— Теперь, когда мы начали понимать друг друга, расскажите мне наконец, что вы имели в виду, когда пообещали спасти меня?

— О, я с огромным удовольствием сделаю гадость этому проклятому поборнику благоразумия... В общем, я собираюсь рассказать вам все, что услышал этой ночью.

— Разумно ли это?

— Нет. Если у вас на совести одно из этих убийств...

Она потрянула меня за плечо:

— Клянусь вам, что все, что я знаю об обоих убийствах, я знаю только из газет! И если бы вы не рассказали мне вчера вечером, что они связаны между собой, мне бы это и в голову не пришло.

— И все же, дорогая, вчера ночью вы солгали. Вы сказали, что видели, как Одетта Дюшен вышла из музея.

— Это из-за отца. Но это все! Ваш друг господин Бенколин знает столько же... Говорю вам, я просто подумала, что она вышла через другую дверь на бульвар.

Я выпустил в потолок несколько колец дыма. Загнав эту молодую даму в угол, можно было бы подержать ее там. Я сказал:

— Но, будучи хозяйкой этого заведения, вы не могли не знать, что она не член клуба. Как вы в таком случае объяснили себе тот факт, что она вышла через другую дверь?

— Со временем, — в раздумье проговорила она, разглядывая меня, — вы научитесь допрашивать почти так же хорошо, как господин Бенколин. Правда, это будет не скоро... Но послушайте. Бывают исключения. Иногда, с разрешения Галана, в клубе бывают посторонние. Я могу неопровержимо дока-

зять, что весь день просидела в кассе. Я ничего не знаю! Вы мне верите?

Я поставил на карту все. Я рассказал ей то, что слышал ночью. Ведь если она поверит в намерение Галана погубить клуб, у меня появится самый мощный союзник!

— Таким образом, — закончил я свой рассказ, — если в конторе есть сейф и вам известен шифр, вы можете просто открыть его и убедиться, были ли заготовлены эти письма в газеты.

Пока я говорил, она сидела тихо, но теперь ее лицо стало таким же жестким, каким было накануне вечером. Теперь это была опасная женщина.

— Подождите здесь, — бросила она мне.

Мари вышла через дверь в дальнем конце комнаты и заперла ее за собой. Я снова откинулся на подушки. Ну дела! Тут все перевернулось вверх тормашками. Апаши рыщут по клубу, разыскивая меня, а я удобно устроился в самом сердце их логова, подложив под себя подушки, с сигаретами под рукой. Ситуация складывалась почти отлично. Я был от души благодарен Галану за рассказ о его прощальной шутке. Если Мари Августин в самом деле найдет в сейфе доказательства, тогда, надеялся я, она расскажет мне все, что ей известно об этих убийствах.

Не прошло и пяти минут, как она вернулась. Со стуком хлопнув дверь, она привалилась к ней; от гнева у нее потемнели глаза, в руках она держала бумаги. Словно приняв неожиданное решение, она подошла к одной из жаровен кованого золота, в которых курились благовония, вынула оттуда ароматную палочку и бросила бумаги внутрь. Потом чиркнула спичкой.

В золотом сосуде вспыхнули языки пламени. На фоне черно-золотого антуража, украшенного иероглифами и изображениями аистов, она была похожа

на жрицу. Только после того, как потухли последние огоньки, она выпрямилась и отвела глаза от жаровни.

— Я готова отправиться к господину Бенколину и поклясться, что видела, как мой друг Галан зарезал эту мадемуазель Дюшен.

— А вы видели?

— Нет, — произнесла она мстительно и медленно отошла от жаровни — суровая жрица, напрягающая каждым мускулом своего тела. — Но, — добавила она, — гарантирую, что очень хорошо все опишу.

— Не уверен, понадобится ли это. И что значит это внезапное пренебрежение предосторожностями? Вы ведь говорили, что ваш отец будет...

— Больше не будет. Он все знает.

Я опустил ноги на пол, сел и посмотрел на нее. Комната передо мной еще кружилась, за глазами яблоками стучали маленькие молоточки, а голова, казалось, начала подниматься по длинной спирали к потолку.

— Он знает, — повторила она. — Я больше не скрываю. Обо мне могут писать в газетах, как о ком угодно другом. И я думаю, что получу от этого удовольствие.

— Кто сказал ему?

— Думаю, он уже какое-то время подозревал. Но он у меня, — она презрительно сжала указательный и большой пальцы, — вот здесь. Кроме того, я намерена засадить Галана за решетку, чего бы мне это ни стоило.

В ее голосе хлопотала такая ярость, что я подумал, а не было ли между ними чего-нибудь. Но промолчал, и она продолжала:

— Потом я покончу с карьерой прислуги за все. Я буду путешествовать. У меня будут драгоценности, комнаты в отелях с видом на море, и джентльмены не хуже вас будут делать мне комплименты. И будет еще один, совсем такой, как вы, чьей гос-

пожой я стану... Но сначала, — добавила она, — я рассчитаюсь с Галаном.

— Вы хотите сказать, — заметил я, — что можете полиции всем, что знаете?

— Да. Я поклянусь, что видела, как Галан...

— А я говорю вам еще раз, что в ложных показаниях не будет необходимости! При наличии показаний мадемуазель Прево и моих ему не отвертеться. Вы больше поможете нам, — настаивал я, стараясь удержать ее взгляд, — сказав правду.

— О чем?

— Рассказав то, что вы знаете наверняка. Бенколин убежден, что вы видели убийцу Клодин Мартель.

Она широко открыла глаза:

— Значит, вы все еще не верите мне?! Я повторяю...

— О, вы могли не знать, что это убийца! Но Бенколин считает, что убийца вошел в музей вчера вечером, перед тем как ваш отец запер дверь, и прятался в галерее. Больше того, он уверен, что убийца был членом клуба, которого вы знаете. Сказать вам, как вы можете больше всего помочь нам? Просто расскажите, кто из членов клуба вошел вчера в клуб этим путем.

Она смотрела на меня непонимающим взглядом, высоко подняв брови. Потом расхохоталась, села и потрясла меня за плечо.

— Вы хотите сказать, — воскликнула она, — что великий Бенколин — сама непогрешимость, великий властелин логики — так легко дал себя одурачить?! Потрясающе! Этого не может быть!

— Перестаньте смеяться! Что значит «одурачить»?

Я повернул ее лицом к себе. Все еще тяжелым, с издевкой взглядом она оглядела мое лицо.

— А то! Если убийцей был член клуба, то вошел он не через музей. Я видела всех, кто входил на

протяжении всего дня, и, мой дорогой мальчик, среди них не было членов клуба. Боже, какое у вас смешное лицо! Вы думали, что он всегда прав? Ну, я бы могла сказать вам все это уже давно.

Я почти не слышал, как она смеялась. Целое здание теории, со всеми его шпилями, башнями и башенками, держалось на этой посылке, теперь же вдруг из него с грохотом посыпались камни. В мгновение ока, если только все это было правдой, здание превратилось в руины.

— Послушайте, — сказала она, высвобождая плечо. — Из меня вышел бы детектив получше любого из вас. И могу вам сказать...

— Подождите! Ведь убийца никак не мог прийти иначе, чем через музей! Расположение дверей...

Она опять расхохоталась:

— Мой дорогой мальчик! Я не говорю, что убийца не прошел этим путем. Я согласна с вами, он прошел через музей. Но вы ошибаетесь, подозревая члена клуба! А теперь я могу сказать вам две вещи...

— Ну?!

Она приложила руку к губам, глубоко вздохнула. От торжества у нее зарделось лицо, она полуприкрыла глаза.

— А именно то, что не смогла раскопать вся парижская полиция, вместе взятая, — проговорила Мари Августин. — Первое: я знаю, где спрятано оружие.

— Что?!

— И второе, — невозмутимо продолжала она, — я знаю почти наверняка, что преступление совершено женщиной.

ГЛАВА XVI

Это было уже слишком. Я чувствовал себя как Алиса в Стране Чудес, когда у нее на глазах расплылось целое судебное заседание, обрушившись дождем игральных карт. В бессмыслице вдруг обнаружился смысл, а смысл оказался бессмыслицей.

— Да ну? — после долгой паузы растерянно сказал я. — Да что вы?

— Вас это удивляет? — поинтересовалась она очень вежливо.

— Черт вас побери! Вы шутите?!

— Ничуть, — заверила она меня, приглаживая волосы. — После этих дешевых детективных трюков вчера ночью, простите меня, я просто не могла ему этого рассказать. Однако я это удовольствие припасу себе на будущее...

— Ладно, — безнадежно махнул я рукой. — Значит, вы говорите, что нашли кинжал?

— Да, я знаю, где он. Я его не трогала. Скажите мне... между прочим, как вас зовут? — прервала она себя.

— Моя фамилия Марль. Так что вы говорите?

— Скажите, разве полиция не обыскала каждый дюйм в музее, в проходе и вообще всюду, так и не найдя ничего?

— Да, да, продолжайте! Ваше торжество восхитительно, конечно, но...

— Но они ничего не нашли, господин Марль, потому что пренебрегли древним правилом. Нож все время был у них перед глазами, оттого-то они его и не видели! А вы сами спускались в Галерею ужасов?

— Да. Как раз перед тем, как обнаружил тело.

— Вы не обратили внимания на мастерски выполненную сценку у основания лестницы? Я имею в виду убийство Марата. Марат лежит, наполовину высунувшись из ванной, в груди у него кинжал, из раны струится кровь... Так вот, мой дорогой мальчик, часть этой крови была настоящей.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, — спокойно сказала она, — что убийца спустилась в галерею и вынула кинжал из восковой груди Марата. Когда папа делал эту фигуру, он достал самый длинный, самый острый, самый смертоносный кинжал, какой только сумел найти; воск не затупил острие, уберег от грязи и пыли, и его нетрудно вытащить. Когда убийца закончила свое дело, она воткнула кинжал на место, в грудь Марата. Вчера вечером полиция смотрела на него, сотни людей смотрели на него сегодня, но никто его не заметил.

Я снова видел эту жуткую сцену в подвале, как видел ее накануне вечером, когда обратил внимание на ее ужасающее правдоподобие. А затем я вспомнил другую вещь — и чертыхнулся от досады на собственную глупость. Именно там — там, перед Маратом — я слышал, как что-то капало! Потом я приписал этот звук фигуре сатира, где находилось тело, но, если бы у меня была хоть крупица разума, я должен был бы сообразить, что невозможно услышать такой тихий звук на таком расстоянии. Звук все время доносился от группы Марата...

— Ладно, — сказал я, — но вы-то как это заметили?

— Ах! Я снова под подозрением?.. Передайте-ка мне сигарету, пожалуйста!.. Ну как же я могла

не заметить! Господин Марль, я всю жизнь провела в этом музее. Я знаю его как свои пять пальцев...

— Да?

— Когда я осматривала сегодня утром группу Марата, я заметила несколько незначительных изменений. Письменный стол Марата был сдвинут на полдюйма влево. Кто-то задел юбку Шарлотты Корде, расправив складку. Главное же — кинжал не был погружен по рукоятку в восковую грудь Марата, и несколько пятен крови рядом с ванной не были нарисованными.

— Вы трогали нож?

Она насмешливо подняла бровь:

— О нет! Я ждала, чтобы полиция обнаружила это. Я была уверена, что ждать мне придется долго...

— Там повсюду могут быть отпечатки пальцев...

— Возможно, — безразлично ответила она, затем подождала, пока я дам ей прикурить сигарету, которую она взяла из лакированной коробки, и продолжила: — Вообще, меня не особенно интересует убийство мадемуазель Мартель. Но я не думала, что вы проглядите улики, указывающие на то, что убийцей наверняка была женщина, причем женщина, не имеющая доступа в клуб.

— Почему?

— Убийце нужно было что-то, что Клодин Мартель носила на золотой цепочке на шее. — Она пронзительно взглянула на меня. — Вы не поняли?..

— Мы уже пришли к заключению, что это должен был быть серебряный ключ.

— Я тоже так подумала, — кивнула она. — Счастлива, что мне в голову пришла та же самая мысль, что и великому Бенколину. Хорошо! Ну, мой дорогой мальчик, а зачем же убийце понадобился ключ, если не для того, чтобы попасть в клуб? Вы-то сами как попали сюда сегодня?

— Взял ключ у члена клуба.

— Разумеется. Вы взяли «мужской» ключ, и он был тщательно осмотрен и проверен у дверей. Ну а как бы убийца смог воспользоваться ключом мадемуазель Мартель, если бы был мужчиной? Я начинаю думать, что он просто глуп, этот ваш Бенколин!.. Ключ взяла женщина. Женщина, которая, наверное, хотя бы немного походила на мадемуазель Мартель, если сумела войти в клуб.

Мари Августин откинулась назад, вытянув руки над головой.

— Ну хорошо, — улыбнулся я. — Тогда, может быть, вы назовете причину, по которой убийца хотел проникнуть в клуб?..

— Боюсь, вы слишком многого от меня хотите.

— А нельзя ли выяснить, проходила ли вчера вечером женщина, предъявившая ключ мадемуазель Мартель, через охрану?

Она язвительно заметила:

— Не думаю, чтобы вам хотелось выйти и самому спросить у них, не так ли?

— Но вы могли бы...

— Послушайте, мой дорогой мальчик... — Она с силой выдохнула дым. — Мне нет дела до того, кто убил Клодин Мартель. Я не сделаю ни единого шага, чтобы помочь вам это выяснить, потому что, насколько я поняла из вашего рассказа, убийцей наверняка не мог быть Галан. А я хочу только одного — уничтожить его, вы это понимаете?

— Эти вещи связаны.

Она прищурила глаза:

— Как это?

— Ведь он не сообщил о факте преступления, так ведь? Ни он, ни эта Прево, его подружка. Они оба виновны в укрывательстве. А она готова выступить свидетелем обвинения.

Некоторое время она молча курила, потом кивнула:

— Хорошо. Идет. Ну, так какой у нас план кампании?

— Первым делом — можете ли вы вывести меня отсюда?

Она пожала плечами:

— Так или иначе надо что-то делать. Очень скоро они закончат осматривать другие помещения, и тогда... — Проведя пальцем по горлу, она взглянула на меня. — Я могла бы, конечно, позвать моих слуг, собрать вокруг гостей и на виду у всех вывести вас из клуба. Пусть Галан только попробует помешать. Ему же будет хуже...

Она, снова прищурившись, задумчиво уставилась на меня. Я покачал головой:

— Не пойдет. Это будет предупреждение Галану. Он может не принять бой, а просто-напросто удрать, не дожидаясь приезда полиции.

— Милый мальчик! — шепнула она. — Вы нравитесь мне все больше и больше. Тогда хватит ли у вас выдержки попробовать выйти через парадную дверь переодетым? Я пойду с вами. Сделаем вид, что вы мой... любовник.

— С удовольствием, — сказал я, — хотя бы сделаю вид.

Она проигнорировала мою реплику, только поджала губы.

— Это будет опасно. Если вас поймают...

Мною снова овладело безрассудное желание пожонглировать динамитными шашками.

— Поверьте мне, мадемуазель, — сказал я искренне, — сегодня я получил такое удовольствие, какого не испытывал уже лет пять или шесть. Такое приключение должно иметь достойный финал... У вас есть что-нибудь выпить?

— Вы хорошо подумали?.. Ну что ж! Вам придется бросить свои пальто и шляпу здесь, я достану вам другие. Вы должны снять бинты и натянуть

шляпу на пластырь; я думаю, рана кровоточить не будет. У вас не рубашка, а настоящие лохмотья, прикройте ее хорошенько... Маска у вас есть?

— Потерял где-то. Наверное, во дворе.

— Я принесу вам другую, она прикроет все ваше лицо. И вот еще что. Они, конечно, поставили у дверей усиленную охрану и наверняка спрашивают у каждого выходящего ключ. Я достану вам другой. Придется немного подождать. А пока — коньяк в шкафчике у туалетного столика.

Она быстро вышла, но на этот раз не заперла за собой дверь. Я встал. Боль родилась в затылке и одуряющими волнами нахлынула на глаза; в ногах все еще не было твердости. Но возбуждение всей этой ночи поддержало меня. Я прислонился к краю шезлонга и стоял так, пока пол не перестал ходить подо мной ходуном и комната не остановила своего бешеного вращения. Тогда я неуверенным шагом дошел до шкафчика, который она показала.

Это оказался коньяк «Наполеон» 1811 года в корзинке серебряной филигрании. Вспомнив, как накануне ночью мы пили бренди под недовольным взглядом хозяйки, я подумал, что вся эта игра безумно смешна. Хватанув хорошую порцию коньяка, я почувствовал, как тепло разливается по жилам. Уже лучше. Я налил себе еще — и вдруг увидел свое отражение в зеркале над туалетным столиком... Боже! Настоящий призрак! Будто после недельного загула, бледный как смерть, на голове повязка, рубашка разорвана и вся в кровавых пятнах... Этот мерзавец располосовал мне ножом рукав пиджака от плеча до локтя. Еще бы пару дюймов в сторону... Я чокнулся со своим отражением и залпом выпил все, что было в стакане. Ого! Отражение в зеркале несколько смазлось. В таком состоянии коньяк действует непредсказуемо.

Совершенно произвольно я сделал какое-то неуклюжее танцевальное па и неожиданно для себя

расхохотался. Золоченные аисты и павлины на стеновых панелях стали поглядывать на меня уже дружелюбнее. Я заметил, как вьется дымок благовоний над бронзовыми сосудами, и почувствовал, что духота становится невыносимой.

Вскоре вернулась Мари Августин. Она принесла мягкую черную шляпу огромного размера, которую, наверное, стащила у какого-нибудь гостя, и длинный плащ. Когда все приготовления были закончены, мы встали перед зеркалом; оставалось только надеть маски. Она выключила весь свет, кроме нарядной серебряной лампы в виде пагоды, стоявшей на туалетном столике...

В полутьме сразу стала заметна тишина этой комнаты. Я с трудом улавливал чуть слышное наигрывание оркестра где-то за стенами. Она повернула ко мне лицо, при свете серебряной лампы оно было цвета старой слоновой кости. Брови ее поднялись высокими тонкими дугами, губы были накрашены темно-красной помадой...

— А когда мы минуем входную дверь, — спросила она, — куда потом?

— Вниз, в музей. Я должен посмотреть на нож, — ответил я. Я никак не мог себе простить, что не подумал о кинжале. — Потом к телефону... Дайте-ка лучше ваш револьвер мне.

Она отдала мне оружие, едва уловимо притронувшись ко мне кончиками пальцев; но я, как мне ни хотелось, не имел права даже посмотреть на нее. Я вспомнил душную гостиную с набитой конским волосом мебелью, потом из тумана выплыл фантастический блеск «Тысяча и одной ночи»... Мари медленно протянула руку к цепочке выключателя лампы.

— Я ношу черную, — проговорила она, прилаживая маску. — Это потому, что у меня никогда не было любовника.

На мгновение в прорезях маски блеснули непроницаемые глаза. Потом свет погас...

Когда мы подошли к двери, она, жестом остановив меня, первой выглянула в контору. Потом кивнула, и я прошел за ней через полутемную комнату, увешанную сказочными коврами, к стеклянной двери в коридор. В руке у меня был серебряный ключ, принадлежавший, как объяснила Мари Августин, одному члену клуба, который недавно уехал в Америку. Звуки оркестра становились громче и возвращали нас в хрупкую иллюзорность мира, населенного призраками в разноцветных масках. Наступила ночь, и веселье было в самом разгаре...

Теперь весь этот шум хлынул нам навстречу, чтобы поглотить нас. В конце прохода виднелась огромная арка — вход в зал. Смех перемешивался с говором людей, шумным дыханием и звоном бокалов. Шум был приглушенным, но это только усиливало его неистовое возбуждение. Вдруг прорывался чей-нибудь голос, но тут же покрывался общим гомоном. С другого конца зала оркестр катил тяжелые, сладковато-тошнотворные волны музыки... Мы уже вошли в зал и теперь шли под высокими арками черного мрамора, между зеркалами, хитроумно расположенными так, чтобы аркада казалась бесконечной. У меня снова появилась та же иллюзия подводных сумерек, что и в музее восковых фигур; но только теперь в этих сумерках плавали призраки. Черные маски, зеленые маски, красные маски, фантастически дробящиеся в зеркалах. Двигающиеся рука об руку фигуры, шелковистые сукна, шелест платьев, другие фигуры, сидящие по углам и многократно умноженные зеркалами, тускло тлеют кончики сигарет...

Я взглянул на Мари Августин; она взяла меня под руку. И она тоже была призрачной. В ближайшем ко мне зеркале появилась рука без тела. Она наклоняла обернутую салфеткой бутылку, и кто-то

смеялся. Там были альковы с низкими стеклянными столиками, освещенными снизу, и свет переливался мягкими красками вина в бокалах с искрящимися пузырьками, и снизу освещались лица, веселые или сосредоточенные лица неподвижно сидевших там людей...

У одной из колонн стояла белая маска, держа руку во внутреннем кармане пиджака. Еще одна белая маска беззвучно скользила в коридоре. Благодаря зеркалам создавалось впечатление, что она проходит многие мили под сводами арок. Оркестр ревел и брэнчал теперь почти над нашими головами... Мелькавшие за пальмами и похожие на духов оркестранты все были в белых масках...

Я почувствовал, как Мари Августин крепко сжала мою руку. Ее нервозность заставляла меня держаться, пока мы не спеша пересекали зал, но мне казалось, что белые маски смотрят мне в спину. Интересно, как это — получить в спину пулю из пистолета с глушителем? При таком шуме никто не услышит даже слабого хлопка. Стоит только выстрелить, и тебя унесут тихо и незаметно, как пьяного, когда ты мешком свалишься на пол...

Я старался двигаться неторопливо. Бешено стучало сердце, и выпитый коньяк, казалось, теперь только дурманил голову. Войдет ли пуля в спину без боли или воткнется раскаленным железом? Будет ли...

Шум стихал. Я чувствовал теперь запах цветов, перекрывавший духоту и косметику, им тянуло из прохода в другом конце зала. Мы вышли в гостиную. Я смотрел прямо в лицо двум апашам в белых масках, по-прежнему сидевшим в алькове и не спускавшим глаз с дверей. Освещенные красно-черным мигающим светом, исходящим от бронзовых сатиров, белые маски встали...

Я сжал револьвер в кармане.

Они вразвалку двинулись навстречу. Пристально оглядели нас и прошли мимо...

По гостиной, в сторону фойе, мы шли очень медленно. Не может быть, чтобы все это происходило наяву! У меня вспотели ладони, а моя спутница один раз споткнулась на ровном месте. Если они обнаружат, что она помогает мне... Тук-тук — это наши шаги по ступеням, или это стучит мое сердце? Или то и другое...

— Ваш ключ, мсье? — спросил голос сбоку. — Мсье уходит?

Я был к этому готов, и все же злое «Мсье уходит?» прозвучало для меня изощренным издевательством. «Мсье никуда не уходит, — вот что я услышал в этой фразе, — он останется здесь навсегда». Я подал белой маске ключ.

— А, — сказала она, — мсье Дарзак! Благодарю вас, мсье.

Потом белая маска подалась назад, как только Мари Августин показала ему свой ключ, — слуга узнал ее и побежал открывать дверь. Последний взгляд на мраморные колонны в фойе, на тяжелые голубые драпировки, на ухмыляющиеся белые маски, потом звуки музыки затихли — мы были за стенами клуба...

На мгновение мной овладела слабость. Я приклонился головой к кирпичной стене, чувствуя, как из коридора веет живой прохладой.

— Милое дитя, — прошептала Мари Августин.

Я не мог рассмотреть ее в темноте, но почувствовал, как она прижалась ко мне плечом. По жилам пробежало поющее и пляшущее чувство торжества. Мы победили Галана! Мы его победили!

— Куда теперь? — услышал я ее шепот.

— В музей. Надо взглянуть на нож. Потом я позвоню Бенколину. Он ждет во Дворце Правосудия... Мы, наверное, должны обойти кругом, чтобы войти в музей через главный вход?

— Нет. У меня есть ключ к двери в проход. Но он единственный, все остальные должны выходить другим путем.

Она повела меня к задней двери в музей. Я чувствовал, как по телу стекают струйки пота; снова заныла рана и, кажется, пошла кровь. Но радость спасения придавала всему этому оттенок торжества. Шрамы украшают победителя... Я сказал:

— Подождите, я зажгу спичку.

Вспыхнул огонек — и вдруг Мари Августин впи-лась ногтями в мою руку...

— О Боже! — прошептала она. — Что это?

— Где?

Она показывала на дверь, ведущую в музей. Дверь была приоткрыта.

Мы стояли и смотрели на нее, пока не погасло пламя спички, а потом вошли. Видно было, как поблескивает язычок замка; в лицо нам пахнуло спертым воздухом. Шестое чувство подсказывало, что мы пережили еще не все приключения этой ночи... Дверь чуть качалась и поскрипывала, наводя на размышления. Прошлой ночью здесь стоял убийца, выжидая удобного момента, чтобы наброситься на Клодин Мартель... Я подумал: а вдруг сейчас в проеме неожиданно загорится зеленый свет и мы увидим силуэт, голову, плечи?..

— Вы думаете, — прошептала она, — там кто-то есть?

— Увидим. — Я обнял ее одной рукой, вытащил револьвер и ногой распахнул дверь. Затем шагнул в темноту.

— Нужно зажечь свет, — предложила она требовательно. — Идите за мной. Я могу пройти здесь с закрытыми глазами. В главный грот... Теперь осторожно.

Она даже не нащупывала дорогу, когда мы прошли через нишу и вышли на лестничную площадку.

В полной темноте я почувствовал, что задел запястьем одеяние сатира, и вздрогнул от этого прикосновения, как будто дотронулся до жабы. Под нашими ногами скрипел песок, влажный с плесенью воздух был невыносимо душен. Я споткнулся на ступенях. Если там кто-нибудь был, он наверняка нас слышал.

Не представляю себе, как она находила дорогу в темноте. После того как мы поднялись по лестнице и направились к главному гроту, я потерял всякое чувство направления. Остро ощущалось присутствие всех этих необъяснимо страшных восковых фигур, пахло их одеждой и волосами. Я вспомнил слова старого Августина — они прозвучали в моих ушах, будто кто-то пробормотал их только что: «Если какая-нибудь из них пошевелится, я сойду с ума...»

Мари Августин отпустила мою руку. Звякнул металл, щелкнул выключатель. Зеленый свет осветил главный грот, где мы теперь стояли. Девушка была бледна, но улыбалась мне.

— Пошли, — тихо проговорила она, — вы хотели спуститься в Галерею ужасов и взглянуть на нож...

Мы снова пересекли грот. Он выглядел так же, как вчера, когда я обнаружил тело в объятиях сатира. Наши шаги скрипели по полу и отдавались эхом на лестнице. Как бы вы осторожно ни подходили, фигура сатира все равно как будто выпрыгивала на вас. Она была на своем месте, за ней в углу светилась зеленая лампа. Я вздрогнул, вспомнив, как плащ сатира прошелся по моей руке...

Галерея ужасов. Я видел разноцветные наряды, уставившиеся на нас восковые глаза, и этот полумрак был куда более полон страхами, чем просто темнота. Сейчас мы стояли недалеко от группы Марата, но мне почему-то не хотелось смотреть на него. Я боялся оторвать глаза от пола. Мне казалось, что я слышу шепот, как будто маленькие молоточки вбивали мне в уши тихие слова, я боялся увидеть

нечто ужасное... Я медленно поднял глаза. Нет. Все по-прежнему. Группа окружена железным заборчиком. Вот Марат, обнаженный по пояс, откинулся назад и смотрит на меня снизу вверх стеклянными глазами. Вот прислуга в красном чепчике что-то кричит солдатам у дверей, держа за руку бледную Шарлотту — убийцу. Я видел тусклый, бледный сентябрьский свет, падающий из окна... Нет! Что-то не так. Чего-то не хватает...

В нависшей неестественной тишине тяжело упали слова Мари Августин.

— Нож пропал, — сказала она.

Да. Хватающаяся за залитую кровью грудь синеватая рука на месте, а торчащего из груди кинжала нет. Моя спутница тяжело дышала. Мы не думали, мы знали, что находимся где-то совсем рядом с убийством, которое сделано совсем не из воска. Причудливый желтоватый свет, казалось, еще больше потускнел... Я подлез под железное ограждение и направился к фигурам, Мари последовала за мной...

Дощатый пол этой комнаты-муляжа скрипел под ногами. Казалось, стоявшие там фигуры чуть вздрогнули; я заметил, что со ступни служанки почти совсем снялась матерчатая тапка. Преодолев ограждение, вы наяву оказывались в прошлом. Музея больше не существовало. Мы находились в грязной комнате с коричневыми стенами в старом Париже времен Революции. На стене висит покосившаяся карта. В окно за кирпичной стеной с повисшими мертвыми лозами винограда, почудилось мне, видны крыши бульвара Сен-Мартен. Мы замерли так же, как и эти фигуры, пораженные злодейством совершенного здесь убийства. Я обернулся и увидел, что служанка искоса посматривает на меня, а солдат уставился на Мари Августин.

Внезапно Мари дико вскрикнула... Раздался треск, и одна из половинок окна распахнулась. Из

него показалась жуткая физиономия и глянула на нас!

В обрамлении оконной рамы на нас смотрели вылезшие из орбит огромные белые глазные яблоки. Рот был широко раскрыт, словно в отвратительной ухмылке; затем его заполнила хлынувшая из горла кровь. Что-то булькнуло, голова дернулась в сторону, и я увидел торчащий из шеи нож. Это была голова Этьена Галана.

Он издал что-то вроде жалобного стона и, схватившись за нож в горле, перевалился через подоконник в комнату.

ГЛАВА XVII

Здесь мне придется остановиться. Даже описывая эту сцену на бумаге, я вижу ее настолько живо, что снова испытываю нервное потрясение и упадок сил, какие почувствовал тогда. Эта картина — апогей той страшной ночи, — полагаю, подействовала бы губительно на нервы и покрепче моих. С момента, когда я вошел в клуб в половине двенадцатого, события сменяли друг друга все быстрее, так что любой бы на моем месте дошел до точки. Неделями после того лицо Галана снилось мне в ночных кошмарах, и я видел его таким, каким оно было за секунду перед тем, как он грохнулся через окно к нашим ногам. Ветка дерева, задевшая оконное стекло в глухую ночную пору, или внезапное поскрипывание оконной рамы вызывали это видение с такой силой, что я требовал немедленно зажечь свет...

Так что, надеюсь, меня не упрекнут в слабости, если я скажу, что не слишком отчетливо помню то, что происходило в течение следующего получаса. Потом Мари Августин рассказала мне, что все было именно так, как и должно было быть. Она сказала, что закричала, бросилась бежать, но споткнулась о железное ограждение и упала, я поднял ее и спокойно отнес наверх, а потом мы пошли звонить Бенколину. Мы разговаривали, с самым серьезным видом обсуждая, как можно поранить голову,

споткнувшись об ограждение и ударившись о каменный пол...

Но я всего этого не помню. Следующим, что я осознал более или менее ясно, была неопрятная комната с набитой конским волосом мебелью и лампа с абажуром на столе. Я сидел в кресле-качалке, что-то пил, а напротив меня сидел Бенколин. В другом кресле, закрыв глаза руками, сидела Мари. Я, очевидно, все рассказал Бенколину, причем довольно четко, потому что помню все с момента, как я описывал Галана. Мне показалось, что в комнате полно людей. Там были инспектор Дюран, и с полдюжины жандармов, и еще старый Августин в ночной рубашке.

Инспектор Дюран выглядел немного бледным. Когда я закончил, все долго молчали.

— Убийца... он разделался с Галаном, — медленно произнес он.

Снова помню, что я говорил связно и даже вполне спокойно.

— Да. Это же все упрощает, так ведь? Но как Галан попал туда, не представляю. Последний раз я видел его в его комнате, когда он натравил на меня убийц. Может быть, у него была назначена встреча...

Дюран раздумывал, закусив нижнюю губу. Потом шагнул ко мне, протянул руку и сильным голосом произнес:

— Молодой человек... позвольте пожать вашу руку!

— Да, — кивнул Бенколин. — Неплохо, Джефф. Этот нож... Господа, все мы были дураками. Нам следует поблагодарить мадемуазель Августин за сказку.

Опираясь на трость, он посмотрел на нее. Девушка подняла голову, у нее было усталое лицо, но она ответила ему твердым и насмешливым взглядом. Ее платье цвета пламени совсем измялось.

— Я была вам обязана, сударь, за прошлую ночь, — холодно сказала она. — Полагаю, что в конце концов вы вынуждены будете согласиться с моими анализом преступления.

Бенколин сдвинул брови:

— Не уверен, что готов во всем с вами согласиться, мадемуазель. Посмотрим. А пока...

— Вы осмотрели труп? — спросил я. — Он был заколот кинжалом Шарлотты Корде?

— Да. Убийца не потрудился даже стереть отпечатки пальцев. Дело завершено, Джефф. Благодаря вам и мадемуазель Августин мы теперь знаем все, включая подробности смерти мадемуазель Дюшен. — Он хмуро посмотрел на лампу. — Бедный Этьен Галан! Ему никогда теперь не свести со мной счеты...

— Как же, черт побери, он умудрился попасть за это окно? Вот чего я никак не пойму!

— Отчего же, все очень просто. Вы же знаете, что существует скрытая лестница, которая ведет из ниши за экспонатами в Галерею ужасов?

— Знаю. Вы имеете в виду то место, откуда включается свет?

Он кивнул.

— Убийца, по всей вероятности, заколол Галана либо в нише, либо недалеко от нее. По-видимому, Галан бросился бежать и упал с лестницы, а потом, наверное, пополз позади фигур, пытаясь найти выход. Он был уже на последнем издыхании, когда нашел это окно в группе Марата. Но вылезти не успел...

— Это сделал... тот же человек, который убил Клодин Мартель?

— Несомненно. А теперь, Дюран...

— Да, сударь?

— Возьмите четверых людей и отправляйтесь в клуб. Если будет нужно, взломайте дверь. А если они вздумают сопротивляться...

Инспектор чуть заметно улыбнулся, расправил плечи и поглубже надвинул шляпу.

— Что тогда? — спросил он довольным тоном.

— Начните со слезоточивого газа. Если они все еще будут невежливы — стреляйте. Но я не думаю, что они будут невежливы... Никого не арестовывайте. Узнайте, во сколько и зачем Галан выходил ночью. Обыщите здание. Если мадемуазель Прево все еще там, доставьте ее сюда.

— Могу ли я просить, — холодно спросила Мари Августин, — чтобы вы все это сделали по возможности не пугая гостей?

— Боюсь, мадемуазель, что это маловероятно, — улыбнулся Бенколин. — Однако лучше все-таки будет отпустить гостей до того, как вы приступите к делу, Дюран. Всех слуг задержать. Перекрыв выход, вы должны найти мадемуазель Прево. Она может еще оставаться в номере восемнадцатом. Это все. Начинайте и поторапливайтесь.

Дюран отдал честь и сделал знак четверым из своих жандармов. Одного из оставшихся он поставил в вестибюле, а шестого послал на улицу. Потом все стихло. Я устроился в кресле поудобней, нервы были на пределе, но я испытывал состояние блаженного покоя. Теперь, подумал я (и очень ошибся!), беспокоиться больше не о чем. Мне все доставляло удовольствие: тиканье стенных часов, уголь, горящий в старинном черного мрамора камине, лампа с абажуром и потертая скатерть. Отхлебнув кофе, я взглянул на моих товарищей. Бенколин, подчеркнуто сухопарый в своем черном плаще и мягкой темной шляпе, задумчиво постукивал тростью по ковру. Плечи Мари Августин блестели в свете лампы, она неотрывно смотрела на корзинку с рукоделием, и в ее взгляде были и сожаление, и цинизм. Ничего другого чувствовать было невозможно. По крайней мере, я не мог. Наступило оце-

пенение после шока, и оно подавляло любые мысли и эмоции. Мы обессилели, для нас существовали теперь только потрескивающий огонь и дружелюбное тиканье часов.

Потом я заметил старого Августина. На нем была серая фланелевая ночная рубашка, она доходила ему почти до пят, отчего он выглядел совершенно нелепо. Его голова на длинной тощей шее была озабоченно наклонена вперед, веер белых бакенбард вихлял из стороны в сторону, а покрасневшие глаза непрерывно мигали. Маленький, трясущийся, он прошлепал по комнате в больших, не по размеру, тапочках, держа в руках пыльную черную шаль.

— Накинь на плечи, Мари, — пискливо упрасивал он дочь. — Ты же простишься.

Видно было, что она вот-вот рассмеется. Но он был совершенно серьезен, с нежностью укутывая ее плечи этой уродливой тряпкой, и все ее веселье улетучилось.

— Теперь... хорошо, папа? — ласково спросила она. — Ты ведь теперь знаешь.

У него дернулся кадык. Потом он взглянул на нас своими старыми глазами, и в них блеснула свирепость.

— Ну конечно, Мари. Все, что ты делаешь, хорошо. Я не дам тебя в обиду. Доверься своему старому папочке, Мари.

Поглаживая ее по плечу, он продолжал смотреть на нас с вызовом.

— Я так и сделаю, папа. Не лучше ли тебе лечь в постель?

— Ты все время стараешься отправить меня в постель, дорогуша! А я не пойду. Я останусь и буду тебя защищать. Прямо сейчас!

Бенколин очень медленным движением снял пальто. Положил шляпу и трость на стол, пододвинул кресло, сел и стал постукивать пальцами по

виску. Что-то такое в его взгляде на Августина привлекло мое внимание...

— Сударь, — спросил Бенколин, — вы очень любите свою дочь, верно?

Он произнес эти слова как бы между прочим. Но мадемуазель Августин потянулась к отцу и схватила руку старика с такой поспешностью, словно хотела защитить его от нас. Ответила она:

— Что вы имеете в виду?

— Ну конечно же, очень люблю! — пропищал старик, выпячивая хилую грудь. — Не жми мне так руку, Мари, мне же больно. Я...

— И что бы она ни сделала, вы все равно будете ее защищать? — все еще безразличным тоном продолжал детектив.

— Разумеется! Почему вы спрашиваете?

Казалось, глаза Бенколина устремлены сейчас внутрь его самого.

— Принятые в мире нормы, — озадаченно пробормотал он, — должны быть хотя бы понятны. Странно. Они порой совершенно безумны. Не знаю, что бы я чувствовал... — Голос его осекся; он провел рукой по лбу.

— Я не знаю, что вы хотите этим сказать, мсье. Но мне лично кажется, что у вас есть дела поважнее, чем сидеть здесь и рассуждать о «принятых в мире нормах». Ваше дело арестовать убийцу.

— Вы совершенно правы, — согласился Бенколин, озабоченно кивнув головой. — Мое дело — арестовать преступника.

Он произнес эти слова почти с грустью. Стенные часы, казалось, затикали медленнее. Бенколин разглядывал носок своего ботинка, водя им по ковру.

— Нам известна первая часть истории, — проговорил он. — Мы знаем, что Одетту Дюшен заманили сюда, знаем, что она упала из окна, а потом ее заколол Галан... Но наш настоящий, страшный

убийца? Мадемуазель, кто зарезал Клодин Мартель и Галана?

— Не знаю. Это ваше дело, не мое. Я сказала господину Марлю, что, по-моему, это была женщина.

— А мотив?

Девушка сделала нетерпеливый жест:

— Разве не ясно? Разве вы не согласны, что это была месть?

— Это была месть, — кивнул Бенколин. — Но очень необычная. Не знаю, поймет ли это кто-нибудь из вас; не знаю даже, до конца ли понимаю это я... Мы имеем дело с очень неординарным преступлением. Вы, мадемуазель, объясняете кражу ключа тем, что женщина, которая мстила за смерть мадемуазель Дюшен убивая Клодин Мартель, использовала его, чтобы войти в клуб. Гм...

В дверь постучали. Детектив тут же преобразился.

— Входите! — крикнул он. — А... добрый вечер, капитан! Вы, кажется, знакомы со всеми присутствующими?

В комнату вошел Шомон. Он держался очень прямо, но был несколько бледен. Капитан поклонился, удивленно посмотрел на мою забинтованную голову и вопросительно повернулся к Бенколину.

— После вашего звонка, Джефф, — объяснил детектив, — я взял на себя смелость пригласить сюда господина Шомона. Я подумал, что ему тоже будет интересно.

— Надеюсь, я не помешал? — спросил Шомон. — По телефону вы говорили так возбужденно. Что... что произошло?

— Присаживайтесь, мой друг. Мы выяснили целый ряд вещей. — Бенколин все еще не смотрел на молодого человека, продолжая разглядывать свой

ботинок. Говорил он очень спокойно. — Например, смерть вашей невесты, мадемуазель Дюшен, была спровоцирована ее подругой, Клодин Мартель, а также Галаном. Пожалуйста, возьмите себя в руки!

После долгой паузы Шомон сказал:

— Я... я держу себя в руках. Я не знаю, что я... Вы объясните мне?

Упав в кресло, он принялся вертеть в руках свою шляпу. Неторопливо, выбирая слова, Бенколин стал рассказывать все, что я узнал этой ночью.

— Так что, видите, мой друг, — закончил он, — Галан считал, что убийца вы. Это правда?

Он задал этот вопрос удивительно беззаботным тоном. Шомон потерял дар речи. Он давно уже выронил свою шляпу и теперь судорожно хватался за ручки кресла, но ничего связного сказать не мог. Он пытался что-то пролепетать, загорелое лицо его еще больше побледнело. Наконец он выдавил:

— Они подозревают меня?.. О Боже! Послушайте, неужели вы думаете, что я способен на такое?! Ударить девушку ножом в спину и...

— Спокойно! — тихо промолвил Бенколин. — Я знаю, что вы этого не делали.

Из камина с треском выпрыгнул уголек. Нервное оцепенение у меня начало проходить, и возражения Шомона вонзались в мой мозг, как ланцеты. Кофе стал жечь мне горло...

— У вас такой вид, — бросила Мари Августин, — будто вы знаете, кто виноват. А сами проглядели все самое важное...

Между бровями Бенколина пролегла морщинка. Неодобрительным тоном он сказал:

— Ну... нельзя сказать, чтобы все, мадемуазель. Нет, я бы так не сказал.

Что-то должно было произойти. Это висело в воздухе, хотя я не мог себе представить, в каком направлении будут развиваться события. Но я ви-

дел, как пульсирует жилка на лбу у Бенколина — совсем в унисон с тиканьем стенных часов.

— В вашей теории, мадемуазель, что убийца выкрал ключ Клодин Мартель, чтобы проникнуть в клуб, есть одна ошибка, — проговорил детектив. — Нет, нет, лучше скажем, две.

Девушка пожала плечами.

— Во-первых, мадемуазель, вы никак не можете объяснить, зачем убийце нужно было заходить в клуб после убийства... Во-вторых, я просто знаю, что ваша теория неверна.

Он неторопливо поднялся на ноги. Все мы тут же инстинктивно отодвинулись назад, хотя Бенколин был по-прежнему спокоен и даже имел отсутствующий вид. Громко тикали часы.

— Говорите что угодно о моей глупости, мадемуазель. Я с вами согласен! Я вообще чуть было не завалил все это дело. О да. И только сегодня днем — непростительно поздно! — я увидел всю правду. И в этом вовсе не моя заслуга. Убийца намеренно снабдил меня ключами, давая мне шанс догадаться... Вот почему я называю это преступление самым странным за всю мою карьеру... Глупец! — У него неожиданно заблестели глаза, и он расправил плечи.

Я окинул взглядом окружающих.

Шомон, сгорбившись, сидел в своем кресле. Мари Августин, выпятив нижнюю губу, подалась вперед; на нее падал свет, в котором ее глаза стали цвета черного дерева. Она еще сильнее сжала руку старого Августина.

— Глупец, — повторил Бенколин. В глазах у него снова пропало всякое выражение. — Вы помните, Джефф, я говорил вам днем, что мне следовало бы найти ювелира? Так вот, я это сделал. Вот где он починил часы.

— Какие часы?

Он, казалось, удивился моему вопросу:

— Ну как же... вы же знаете, что мы нашли в проходе крошечные частички стекла? Один еще пристал к кирпичам в стене...

Все молчали. Меня оглушал стук собственного сердца.

— Видите ли, было почти неизбежно, чтобы убийца разбил часы, особенно в таком тесном месте. Когда он ударял девушку ножом... Да, это было почти неизбежно, потому что...

— О чем это вы, черт побери?!

— Потому что, — задумчиво закончил Бенколин, — у полковника Мартеля только одна рука.

ГЛАВА XVIII

Самым обыденным тоном Бенколин продолжал:

— Да. Вот как он убил свою дочь. И я никогда не прощу себе, что был настолько глуп, что не увидел этого с самого начала. Я знал, что она стояла спиной к стене, я понял, что в таком узком месте убийца, должно быть, ударился рукой о стену, когда вытаскивал кинжал, и разбил стекло своих часов... Я только никак не мог понять, каким образом оказалось, что он носил часы на той же руке, в какой держал кинжал.

Его голос доносился как будто издалека. В голове у меня все еще звучали слова: «Вот как он убил свою дочь». Я смотрел на огонь в камине. Эта фраза была настолько неправдоподобной, а значение ее настолько огромным, что я поначалу даже не почувствовал потрясения. Я мог думать только о полутемной библиотеке в саду Сен-Жерменского предместья, где по окнам струились потоки дождя. И там я видел старого коренастого человека с пышными усами и лысой головой — он стоял перед нами в своем прекрасно сшитом дорогом костюме и смотрел на нас тяжелым взглядом. Полковник Мартель.

Раздался громкий возглас, который разбил мое видение на мелкие кусочки.

— Да вы понимаете, что говорите?! — с вызовом произнес Шомон.

Бенколин ответил все так же задумчиво:

— Видите ли, человек, как правило, носит часы на левой руке, если он не левша. Если левша, то на правой, — то есть всегда на руке, противоположной той, которой он пишет или... ударяет ножом. Поэтому я не мог понять, левша убийца или нет, так как часы были на той же самой руке, которой он нанес удар ножом. Но, конечно, человек, у которого только одна рука...

По какой-то необъяснимой причине сама мысль о полковнике Мартеле придавала словам Бенколина весомость, даже несмотря на то что он обвинял полковника в убийстве. Теперь все происходящее не казалось мне — как во время моих безумных похождений в клубе — бессмысленным дурным сном. Но Шомон, с самым идиотским выражением на лице, рванул Бенколина за руку.

— Я требую, — крикнул он пронзительным голосом, — извинений за то, что вы только что сказали!..

Бенколин пробудился от своих абстракций.

— Да, — сказал он, кивая, — да, вы имеете право знать об этом все. Я сказал вам, это было странное преступление. Странное не только по своим мотивам, но и потому, что этот великолепный старый игрок дал нам спортивный шанс разгадать это. Он не хотел сдаваться добровольно, но он бросил нам в лицо подсказку и, если мы догадаемся, был готов признать свою вину. — Бенколин высвободил руку из пальцев молодого человека. — Спокойно, капитан! Ваше благородство никому не нужно. Полковник уже подтвердил мою догадку.

— Что?.. Что?!

— Я говорил с ним по телефону не далее чем пятнадцать минут назад. Да послушайте же! Угостите и позвольте объяснить вам, как все произошло.

Бенколин сел. Шомон, все еще глядя прямо перед собой, прошел к креслу и плюхнулся в него.

— Вы настоящий мистификатор, сударь, — заметила Мари Августин. Бледность ее еще не прошла, она все еще держала отца за рукав, но у нее вырвалось что-то похожее на вздох облегчения. — Неужели это было необходимо? Я подумала, вы хотите обвинить папу.

Она произнесла это пронзительным и злым голосом, а ее отец непонимающе мигал покрасневшими глазами, цокая языком...

— Я тоже так подумал, — кивнул я. — Да вы только что говорили...

— Я просто раздумывал над тем, как повел бы себя по-настоящему любящий отец. Нет, это все равно невероятно! Но сегодня днем я понял, что так оно и было...

— Минуточку! — перебил я. — Все это какое-то сумасшествие. Я все еще ничего не понимаю. Сегодня днем, когда на вас что-то нашло и вы начали вдруг повторять: «Если бы ее отец знал, если бы ее отец знал»... — Передо мной как наяву встала вся эта сцена. — Мне показалось, вы говорили о мадемуазель Августин?

Он кивнул, глядя на меня отсутствующим взглядом:

— Я о ней и говорил. А потом вспомнил о мадемуазель Мартель. Только подумать, каким же невероятным, чудовищным, непростительным болваном я был, что не понял этого раньше! Говорю вам еще раз: я завел все дело в тупик. Вчера вечером мадемуазель Августин могла бы уже сказать нам, кто убийца, потому что наверняка видела, как он входил. Но я... Боже мой! Я был настолько глуп, что считал убийцей члена клуба, которого она прикрывает! Мое собственное непозволительное самонадеянство — и только оно! — помешало мне задать

совершенно очевидный вопрос и получить описание преступника! Самый невежественный патрульный полицейский сделал бы это лучше...

Он сидел в кресле в неестественной позе, судорожно сжимая и разжимая кулак и вглядываясь в свою ладонь, словно в ней недавно еще таилась безвозвратно утраченная чудесная сила. В глазах его были усталость и горечь.

— Хитроумные планы — абстрагируйся от очевидного, — ха! У меня начинается старческий ма-разм. Ну что же, мадемуазель! Я пытался, строя из себя умника, добиться результата кружным путем, а кончилось тем, что я сделал из себя дурака, но теперь я наконец задам этот вопрос. — С неожиданной энергией выпрямившись, он посмотрел на нее. — Граф де Мартель ростом пять футов десять дюймов и очень крепкого телосложения. У него большой лысый череп, пышные усы песочного цвета, очень пронизательные глаза, густые брови, держится почти неестественно прямо. Одевается старомодно, очки на черном шнурке, накидка со складкой, шляпа с довольно широкими полями. Под плащом вы скорее всего не заметили, что у него нет одной руки... но у него такая выдающаяся внешность, что вы не могли не обратить на него внимание.

Мари Августин прищурилась, потом вспыхнула.

— Я очень хорошо его помню, сударь, — с издевкой в голосе произнесла она. — Вчера вечером он купил билет, кажется где-то после одиннадцати. Я не видела, как он выходил из музея, но тут нечему удивляться, я могла и не заметить... Но это же великолепно! Я бы вам давно уже могла сказать. Но, сударь, как вы и говорите, боюсь, вы действительно страдаете от собственной изысканности.

Бенколин наклонил голову.

— По крайней мере, — сказал он, — теперь я могу сказать вам об этом.

— Сударь, — со всей свойственной ему пылкостью вмешался Шомон, — говорю вам, вы не знаете этого человека! Это... ну, это же самый гордый, самый неистовый и нестигаемый из наших аристократов...

— Я это знаю. Именно поэтому, — мрачно произнес Бенколин, — он и убил свою дочь. Нам нужно было бы вернуться к истории Древнего Рима, чтобы найти аналогичный мотив. Виргиний заколол свою дочь, Брут послал сына на плаху... это ненормально, безумно, отвратительно. Ни один нормальный отец не сделал бы этого. Прежде я считал предания о римских отцах и спартанских матерях пустой болтовней. Но вот... Вы не прикроете чем-нибудь лампу, мадемуазель? У меня глаза...

Как под гипнозом, девушка встала и закрыла лампу конусом из газеты. По комнате рассеялись причудливо рдеющие пятна, между ними белели лица людей, окруживших кресло детектива. Сонно потрескивал огонь.

— И клянусь Богом, — внезапно взорвался Бенколин, — его будут судить по тем самым нормам, которые он применил к своей дочери!.. Вы знаете Мартелей, капитан. Джефф тоже знаком с ними. Одинокий человек и глухая женщина, с застегнутой на все пуговицы гордостью. Они живут в огромном мрачном доме, у них почти нет друзей, только старики, помнящие Третью империю, и никаких развлечений. Что такое домино для настоящего игрока!.. У них есть дочь, в которой нарастает ненависть ко всему окружающему. Она далека от их поколения, ей претят их затхлые гостинные, их званные обеды, весь их забальзамированный мирок. Ей неинтересно, что Дизраэли пил чай с Наполеоном Третьим на этой самой лужайке, когда ее отец был еще ребенком. Ей мало того, что ее семьи не коснулся за много десятилетий ни один скандал. Ей хочется всю ночь танцевать в «Шато-де-Мадрид» и любоваться рассве-

том над Буа. Ей хочется пить непривычные смеси в барах, разукрашенных сошедшим с ума электриком, водить автомобили, экспериментировать с любовниками, иметь свою квартиру. И вот она обнаруживает, что за ней не следят. Как только она выходит из дома, она вольна делать все, что захочет, лишь бы только это не выяснилось. — Он ненадолго замолчал, медленно перевел взгляд на мадемуазель Августин — мне показалось, что при этом он сдержал улыбку, — и пожал плечами. — Так вот... понятно ли это вам? Она хватается за все новое, что попадает под руку. Родители не ограничивают ее в расходах, не контролируют ее друзей, если она не приводит их домой. Волей-неволей Клодин приходится вести двойную жизнь. И постепенно, сравнивая окружающий ее сверкающий мир с домом своих родителей, она все больше разочаровывается. Если раньше она просто не выносила ограничений, то теперь стала ненавидеть все, что дорого для ее семьи. В ней все кипит. Родители такие тихие, такие занудные, такие невероятно строгие, и она ненавидит их за это. У нее есть подруга, мадемуазель Прево, близкая ей по взглядам. Точнее, правильное было бы сказать, что эти взгляды первой усвоила мадемуазель Мартель. Девушки встречаются с общей подругой, мадемуазель Дюшен, которая воспитывается в тех же традициях, следовать которым по идее должны были бы и они... — Он сделал легкое движение рукой. — Нужно ли мне излагать события, которые привели к трагедии? Для вас, господин Шомон, я повторю, что мадемуазель Дюшен заманили в клуб обманом — не имеет значения, каким именно, — и она погибла в результате несчастного случая. Но полковник Мартель! О, это совсем другое дело. А как он узнал о том, чем занимается и что натворила его дочь?.. Я вам расскажу, потому что полковник объяснил мне это. То, чем она занималась, давало прекрасный материал Этьену Га-

лану, который мог использовать его для шантажа. Галан подождал, пока у него не набралось достаточно фактов, чтобы Мартели с готовностью выложили деньги, лишь бы это не выплыло наружу, и отправился к ее отцу. Конечно, все это произошло несколько раньше, чем погибла Одетта Дюшен, — до того даже, как Клодин Мартель придумала этот злосчастный розыгрыш. Представляю себе, как Галан, сидя в библиотеке господина Мартеля, с таким брезгливым неодобрением рассказывает ему некоторые вещи... И что же потом? Какой черный ужас охватывает хозяина дома? Долгие годы он жил в окружении своих призраков, совсем один. Он помнит еще времена, когда мужчины сражались на дуэли за малейший намек, который мог бы оскорбить честь женщины. Он оглядывает бесчисленные книги, ощущает поддержку своего прочного старинного дома и пытается понять, что втолковывает ему красноносый гость. Но не может! Посетитель утверждает, что его дочь... В мыслях у полковника одно — опустошенность. Приказал ли он спустить Галана с лестницы? Хотелось ли ему превратить в котлету эту самонадеянную рожу, сделать из этого красного носа кровавую губку? Рухнуло ли с грохотом и треском все его мироздание? Не думаю. Скорее всего он только встал, разве что побледнев и держась несколько чопорнее, и велел дворецкому проводить Галана к выходу. А потом, я думаю, он всю ночь сидел в одиночестве за столом, терпеливо строя домики из костяшек домино под бой старинных часов... Верить или не верить гостю? Эта мысль жужжит в его мозгу, как надоедливый комар; он отгоняет ее, уговаривает себя, что все это неправда, но все-таки изматывающее жужжание не пропадает. Такие мысли опасны, смертельно опасны для человека, который все время проводит дома. Вокруг него витают призраки. Они попрекают его воспоминаниями о каждом из Мартелей. Он не может пого-

ворить с женой, не может поговорить ни с кем и меньше всего с Клодин. О, мысль об убийстве еще не приходит ему в голову! Но я представляю, как он ходит по своему такому меланхолическому осенью парку, он вонзает свою палку с золотым набалдашником в сырую землю, а в ушах у него звучит немолчный растрavляющий гул... И что же тогда?

В камине треснул уголек, и от неожиданности я даже слегка подпрыгнул. Бенколин крепко держался за подлокотники своего кресла.

— Так вот, мне следовало бы догадаться об этом давным-давно! Клодин приготовила западню для Одетты Дюшен. Мы знаем, что там произошло. Мы знаем, что на самом деле Галан добил девушку, когда она выпала из окна. Но Клодин Мартель была уверена, что ее подруга погибла в результате падения, от удара головой о камни, — возможно, так оно и было! — и считала, что это ее вина. Ее жалкий маленький мирок распался на части. Она больше не чувствовала себя прежней веселой и циничной искательницей приключений, которая хватается за любое удовольствие, потому что удовольствия — главная цель ее жизни. Она вернулась в тот вечер домой разбитой и в каком-то оцепенении. Она вернулась домой — как поступают все дети. И вот Клодин Мартель крадется к себе по этой огромной лестнице, освещенной лунным сиянием. Ей мерещится, что за ней гонятся полицейские — огромные детины с кокардами на фуражках. Она осквернила богов своего очага. Она послала последнее дочернее проклятие вещам, которые ненавидит, и, произнеся его, отправила на смерть невинную девочку, которая в жизни никому не причинила ни малейшего вреда. Видела ли она лицо Одетты Дюшен при лунном свете? Не знаю... Но ее мать не спала. Ее мать пришла к ней в комнату и неуклюже попыталась выяснить, что с ней случилось. И что тогда? Клодин не осмеливается никому

рассказать правду. Но ей нужно кому-то довериться, с кем-то поговорить об этом страшном происшествии, чтобы попросту не сойти с ума. И тогда она полупшепотом в темноте, в объятиях матери, рассказывает ей все... рассказывает глухой! Она знает, что мать не слышит ее исповеди, но ей необходимо прижаться к кому-то и излить душу. Она рассказывает все. Кошмар этого вечера снова нахлынул на нее, пока мать гладила и баюкала ее, как ребенка, пытаясь утешить — и не слыша ни единого слова!.. Но истерическую исповедь Клодин все же кое-кто услышал. Это был ее отец, все еще пытающийся понять, все еще до сумасшествия преследуемый шепчущими в голове голосами...

Шомон застонал. Его стон разнесся по всей комнате, где царила мертвая тишина, но никто не посмотрел на него — в тот момент никто не мог думать о нем. Все мы видели перед собой неподвижно стоящего старика, залитого лунным светом...

— Сидел ли он перед этим в своей библиотеке, терпеливо ставя одну на другую костяшки домино и слушая бой часов? Бодрствовал ли перед старинной книгой и бокалом старого вина, повторяя себе, что не пристало ему сомневаться в девушке из семьи Мартелей, и все же подозревая Клодин, слыша в голове эти невыносимые голоса? До этой ночи он мог сомневаться. Теперь он был уверен. Он своими ушами услышал о клубе, узнал, что его дочь не просто опорочила его имя скандалом, не просто стала причиной смерти невинной девушки. Самое ужасное, что Клодин — обыкновенная сводня, постоянная посетительница борделя. Она порочная. Она падшая... — Бенколин перевел дыхание. — Думаю, нам нет необходимости сейчас проследивать ход его мыслей. Полковник Мартель предложил изложить это в своих показаниях. Все же мне кажется, что он не думал, как о чем-то конкретном, об убийстве до-

чери. Может быть, ему хотелось войти в комнату и задушить ее при свете луны прямо в постели. Но он настолько оцепенел от гнева, что не мог двинуться с места. Думаю, что он просидел так до рассвета, глядя в окно. А на следующий вечер... он услышал телефонный разговор. Его дочь договаривалась с Джиной Прево снова встретиться в клубе. Им необходимо узнать, что Галан сделал с телом, они должны быть уверены, что находятся в безопасности... И вот ровно в половине десятого полковник надевает свой необъятный плащ, берет с собой палку с золотым набалдашником, чтобы выйти из дома, как он делал сорок лет, направляясь к своему другу играть в карты. Но в этот раз он туда не пошел... Что он делал почти два часа, прежде чем войти в музей, мы, наверное, никогда не узнаем. Думаю, просто ходил по улицам, и чем дольше ходил, тем мрачнее становился. Он знал о двух входах в клуб — Галан рассказал об этом уже давно, — но не знал, каким путем войдет его дочь, через музей или с бульвара. Возможно, сначала он просто намеревался посмотреть ей в лицо там, в присутствии ее сообщницы, и показать, что он все знает. Я не убежден, что у него вообще был какой-нибудь определенный план, ибо, вы знаете, у него не было с собой никакого оружия. И вот он видит улицу Сен-Апполин, ее дешевую роскошь, грохочущую музыку, — впервые видит тот мир, который любила его дочь. Худшего яда не придумать. Он входит в музей уже вне себя от бешенства. А тут еще этот полумрак и со всех сторон великие мертвецы Франции, отлитые в воске... Вы понимаете?! — вскричал Бенколин, с размаху ударив кулаком по ручке кресла. — Господин Августин был прав. Музей восковых фигур, этот призрачный мир, завораживает сознание. У разных людей он вызывает страх, смех или преклонение. Но никто не испытал на себе его влияния в большей степени, чем этот старик, всю жизнь про-

живший в сумеречном полумраке, созданном собственными руками. Он всю жизнь слышал о прошлом. Теперь он увидел его воочию. Я вижу, как он заходит в Галерею ужасов. Вокруг никого. Я вижу, как он стоит там в одиночестве, и для него это вовсе не Галерея ужасов... Он видит людей, которые убивали или были убиты во имя абстрактных идеалов. Он видит, как жестокость и безумие обретают что-то вроде устрашающего величия. Он видит террористов, с суровыми лицами взирающих на то, как в корзину сыплются головы из-под гильотины. Он видит испанских инквизиторов, без тени жалости сжигающих на кострах еретиков во славу Господа. Он видит, как Шарлотта Корде закалывает Марата и как Жанна Д'Арк отправляется на костер во имя идеи — страшного кодекса чести, от которого не отступают! Вот что увидел в Галерее ужасов полковник Мартель, единственный из тех, кто когда-либо там побывал... Я вижу, как он стоит, прямой, в черном плаще, сняв шляпу, залитый зеленым светом. Он считает, что теперь вся тяжесть ответственности лежит на его плечах. Он вспоминает, что представляет собой его дочь и что она совершила. Музей безлюден. Через мгновение — он об этом не знает — господин Августин выключит свет. Вот-вот должна появиться эта шлюха, эта убийца, эта сводня — его родная дочь. Он слышит последнюю дробь барабанов, поступь великого прошлого, которое проходит перед ним, выйдя из могилы. Да исполнится воля Твоя! Он медленно подходит, все еще со шляпой в руке, и вырывает кинжал из груди Марата.

ГЛАВА XIX

Несколько секунд Бенколин молча смотрел на ковер. В комнате было тихо. Все мы ощущали присутствие среди нас безумного старика с его тростью с золотым набалдашником; мы видели его сжатые челюсти и полные решимости глаза.

— Стоит ли удивляться, — негромко произнес детектив, — что он и дальше не отступил от своего пристрастия к символике? Что, заколов дочь, он положил ее в руки сатиру? Это было как бы жертвоприношение, понимаете? Мартель заметил сатира, еще когда спускался вниз. Он знал о замаскированной двери в проход. Даже внезапная темнота не разрушила его плана... Что произошло дальше, вы знаете. Судьбе было угодно, чтобы мадемуазель Августин снова включила свет тогда, когда его дочь была в проходе; он увидел ее, нанес удар, и в этот самый момент мадемуазель Прево открыла дверь с бульвара. Ну да вы все это знаете... Но вы понимаете теперь, почему он сорвал с нее серебряный ключик? Потому что имя Мартелей должно было остаться незапятнанным! Он мог отдать дочь в жертву своим слепым божествам. Он мог сунуть ее в объятия сатиру на обозрение всему свету, бросить в жалком музее восковых фигур, как она того заслуживала. Но месть должна была остаться только их делом — полковника Мартеля и его слепых богов. Он отомстил за поруганные тени своих предков, но свет не дол-

жен был знать, кто и как оскорбил их. Это была его тайна. Если ключ найдут, думал он, полиция пойдет по следу и газеты раструбят на весь свет, что женщина из рода Мартелей была шлюхой и сводней... — Бенколин мрачно улыбнулся, потом провел рукой по глазам и заговорил не уверенным, как раньше, а каким-то озадаченным тоном: — Объяснить это я не берусь. Он убил Галана, наивно считая, будто Галан — единственный, кто может когда-нибудь рассказать, чем была Клодин, и публично заклеить ее. Поэтому — я пересказываю вам то, что Мартель поведал мне по телефону, — он послал Галану записку, где попросил о встрече и дал понять, что готов заплатить за доброе имя дочери. Он назначил встречу в проходе, после чего, по его словам, предложил Галану зайти в клуб, чтобы передать ему деньги в конторе. И Галан, эта продувная бестия, помнил об этой встрече даже тогда, когда его апаша разыскивали Джеффа, когда в клубе находился полицейский шпион. Галан все же нашел время, чтобы встретиться с этим человеком... Полковник Мартель снова спрятался в музее. И снова вышел через дверь на бульвар — как раз перед тем, как вам, мадемуазель Августин, и вам, Джефф, удалось выбраться из клуба. Один и тот же нож стал орудием обоих преступлений...

— Я верю вам, — прохрипел Шомон. — Приходится верить. Но то, что он рассказал вам все это по телефону... Вы хотите сказать, что он добровольно признался во всем, что совершил?

— Это относится к тому, что я все еще считаю самой невероятной частью преступления. — Бенколин сидел прикрывая глаза рукой от света, но теперь он убрал руку и повернулся ко мне. — Джефф, когда мы были у полковника вчера днем, поняли ли вы, что этот великий игрок все время сознательно давал нам шанс догадаться?

— Вы уже говорили об этом, — глухо произнес я. — Нет, не понял.

— Вот в этом-то вся и штука! Он нас ждал — и приготовился к встрече. Вспомните, как он неестественно себя вел, как скованно держался, с какой гримасой поздоровался с нами! А помните, что он все время вертел в руках, прямо у нас перед глазами?

Я попытался вспомнить. Я видел свет лампы, дождь, застывший взгляд этого человека, а в руках у него...

— Какая-то синяя бумажка?

— Вот-вот. Это был билет в музей восковых фигур!

Я был потрясен. Синие билетки, которые не выходили у меня из головы с тех пор, как я впервые увидел мадемуазель Августин, сидевшую в своей стеклянной кабине.

— Вот так, прямо у нас на глазах, — продолжал Бенколин, — он выставил напоказ улику, доказывающую, что он был здесь, в музее. Он снова действовал в соответствии со своим кодексом чести. Он не мог признаться в убийстве, но кодекс чести не позволял ему, как обыкновенному бандиту, ударить из-за угла и сбежать. Он предоставил полиции достаточно улик. Если бы мы оказались слепы и ничего не поняли — что ж, он выполнил свой долг. Я говорил раньше и повторю еще раз, что это самое странное убийство за всю мою практику... Но Мартель не остановился на этом. Он сделал еще две вещи.

— Какие?

— Он сообщил нам, что вот уже сорок лет имеет обыкновение каждую неделю ходить к своему другу играть в карты. Он сказал, что был у него тем вечером, когда было совершено убийство. Все, что от нас требовалось, — это проверить его утверждение, и мы установили бы, что он солгал. Это было бы неопровержимым доказательством; его друг не мог не за-

метить его отсутствия. Но я, простофиля, тогда об этом даже не подумал! И затем, чтобы покончить с этим, он сделал самый тонкий намек. Он знал, что мы скорее всего обнаружили в проходе осколки стекла от разбитых часов. И помните, что он сделал?

— Ну?.. Говорите!

— Вспомните же! Мы собирались уходить. Что произошло?

— Ну... Напольные часы начали бить...

— Да. И он глянул на запястье, на котором не было часов. Потом, чтобы подчеркнуть этот факт, он нахмурился и посмотрел на напольные часы. Джефф, невозможно себе представить более примитивную пантомиму. Он по привычке смотрит на часы, видит, что их нет, и, естественно, переводит взгляд на другие. Это было невероятно очевидно и вопиюще просто, но я понимаю это, только когда, оглядываясь назад, вспоминаю эти тщательно взвешенные ответы, рассчитанные на то, чтобы сказать нам ровно столько, сколько нужно, — часть грандиозной азартной игры, которую он разыгрывал... Несколько раз, — продолжал Бенколин, — силы изменяли ему. Это было, когда его жена впадала в истерику. Нужно было иметь нечеловеческое самообладание, чтобы сидеть и слушать все это от матери его дочери... дочери, которую он зарезал. Под конец ему пришлось довольно поспешно расстаться с нами. Даже ему не под силу было вынести все это.

— Но что же вы теперь собираетесь делать? — спросил Шомон. — Вы уже что-то предприняли?

— Перед самым приходом сюда, — медленно произнес Бенколин, — сегодня ночью, узнав о случившемся, я позвонил полковнику Мартелю. Я сказал ему, что все знаю, изложил доказательства и попросил восполнить некоторые пробелы.

— И он?..

— Он поздравил меня.

— Может, хватит нас разыгрывать? — перебила его Мари Августин. — Ах, эта аристократия!.. Этот человек — убийца. Он совершил самое бессердечное и зверское преступление, о каких я только слышала. И знаете, что вы сделали? Вы дали ему возможность бежать.

— Нет, — спокойно сказал Бенколин. — Я только собираюсь это сделать.

— Вы хотите сказать...

Бенколин встал. Он улыбался задумчиво и беспощадно.

— Я хочу сказать, — проговорил он, — что намерен подвергнуть этого благородного игрока самому трудному испытанию в моей практике. Я буду судить его по законам Мартелей... Мадемуазель, у вас есть телефон, который вы могли бы принести сюда и поставить на этот вот стол?

— Я что-то не понимаю...

— Отвечайте. Есть или нет?

Мари неохотно поднялась, зло поджала губы и направилась к задернутой занавеской арке в задней части комнаты. Вскоре она вернулась с аппаратом, таща за ним длинный шнур, и поставила его на стол рядом с лампой.

— Может быть, — сказала она неприветливо, — вы соизволите объяснить нам, почему вы не могли сами пойти в другую комнату и...

— Благодарю вас. Мне бы хотелось, чтобы вы все слышали мой разговор. Джефф, вы не возражаете, если я сяду в ваше кресло?

Что он задумал? Я встал и отошел назад, но он жестом пригласил меня подойти поближе к столу и стащил газету с абажура. Лица присутствующих осветились: Шомон наклонился вперед, свесив руки и сощурился; Мари Августин, очень бледная, нахмурила брови; ее отец несвязно бормотал что-то, отвечая своим мыслям.

— Алло! — произнес детектив, откинувшись на спинку кресла и держа в руках телефон. — Пожалуйста, Инвалидов двенадцать—восемьдесят пять...

Полузакрыв глаза, он уставился на огонь, ритмично покачивая одной ногой. По улице Сен-Апполин с рокотом промчалась машина. Раздался скрип переключаемых скоростей, коротко прогудела, обгоняя ее, другая машина, кто-то выругался. Шумы в этой душевной комнате усиливались, они бились в плотных занавесах с каким-то истерическим упорством.

— Это же телефон Мартелей! — воскликнул Шомон.

— Алло! Инвалидов двенадцать—восемьдесят пять? Спасибо. Я бы хотел поговорить с полковником...

Еще одна пауза. Августин, громко сопя, потер нос рукавом своей ночной рубашки.

— Он должен сейчас сидеть один у себя в библиотеке, — задумчиво произнес детектив. — Я сказал ему, чтобы он ждал сообщения... Алло? Полковник Мартель?.. Это Бенколин.

Он отнял трубку от уха. В комнате было очень тихо, настолько, что можно было отчетливо слышать ответ по телефону. Голос Мартеля звучал жутко, бестелесно, как будто с того света. Слабо, почти как писк, но очень отчетливо.

— Да, сударь, — произнес он. — Я ждал вашего звонка.

— Я говорил с вами недавно.

— Да?

— Я сказал вам, что буду вынужден отдать приказ о вашем аресте.

— Естественно, сударь! — Голос был нетерпеливый, резкий.

— Я сказал вам, что суд вызовет грандиозный скандал. Ваше имя, имена вашей дочери и вашей жены вывалиют в грязи, над вами будут издеваться,

злорадствовать; вам придется рассказывать все, что вам известно о вашей дочери, и о том, что вы сделали, в переполненном зале суда, среди фотовспышек и множества глаз; чернь, жуя сосиски, будет разглядывать вас, как диковинного зверя...

Режущий слух голос прервал его:

— Ну и что из этого, господин полицейский?

— Еще я спросил вас, есть ли у вас в доме какой-нибудь яд. Вы ответили, что у вас есть цианид, который, обратите внимание, действует быстро и безболезненно. Вы также сказали...

Он приподнял трубку так, чтобы холодный голос звучал еще громче.

— И я снова говорю, — отрезал полковник Мартель, — что готов заплатить за то, что сделал. Я не боюсь гильотины.

— Вопрос не в этом, полковник, — мягко произнес детектив. — Предположим, вы получите от меня разрешение в один миг, раз и навсегда, предать все это забвению...

Мари Августин шагнула вперед. Бенколин повернулся и свирепо цыкнул на нее; она отступила, и он спокойно продолжил:

— Вы завоевали право на это — если согласитесь попытать счастья.

— Не понимаю.

— Выпить цианид — вот ваше искупление, полковник. Я мог бы не давать этому делу хода. Связь вашей дочери с клубом, все ее прошлые похождения, ваши собственные действия — короче, все, что касается этого дела, никогда не станет известно. Клянусь. А вы знаете, что я держу свое слово.

Даже за многие мили телефонных проводов было слышно, как его легкие со свистом вбирают в себя воздух; я так и видел его перед собой, этого грузного старика, сидящего в своем массивном кресле.

— Что... вы имеете в виду? — хрипло спросил он.

— Вы последний в вашем великом роду, полковник. Ваше имя навсегда осталось бы незапятнанным для всех, кто его носил. И если бы я, представитель полиции, сказал вам, что у правосудия нет к вам претензий, что вы, полковник, должны оставить после себя свое славное имя, — слова его звучали холодно, кололи, как острые ножи, — незапятнанным и на недостижимой высоте, кто бы ни пытался его опорочить... а ведь в противном случае сколько будет издевательств и злопыхательства черни! Всякий лавочник станет смаковать сплетни о распутстве вашей дочери...

— Ради Бога, — прошептал Шомон, глядя прямо перед собой. — Перестаньте его мучить!

— ...о распутстве вашей дочери, о ее жалкой роли поставщицы живого товара в бордель... А вы могли бы избежать всего этого, полковник, с честью и без усилий, если бы решились испытать свое счастье игрока!

Голос в трубке хрипло, надломленно произнес:

— Я все же не вижу...

— Хорошо, позвольте мне объяснить. Цианид у вас далеко?

Голос прошептал:

— В моем столе. В маленьком пузырьке. В последние месяцы я временами думал...

— Достаньте его, полковник. Да, делайте, как я говорю! Достаньте пузырек и поставьте перед собой на стол. В нем — мгновенная смерть, почетная смерть. Посмотрите на него...

Оба молчали. Бенколин быстрее закачал ногой, облегченно улыбнулся, в глазах у него заиграли огоньки.

— Видите? Одно мгновение, и вас нет. Умрет отец, горестно оплакивающий смерть дочери, и оставит всем нам в наследство великое имя... Так — у вас есть там колода карт? Нет, я не шучу! Есть? Превосходно. Так вот, полковник, что я предлагаю... Вы вы-

тащите наугад две карты. Первую за меня, вторую за себя. Вы там один. Никто никогда не узнает, какие это карты, — но вы скажете мне это по телефону...

Шомон раскрыл рот. До меня внезапно дошло чудовищное значение этих слов.

Бенколин продолжал:

— Если карта, которую вы вытащите за меня, будет старше, чем ваша, вы спрячете цианид и будете ждать прихода полиции. Потом — попытка су-дом, грязь, скандал и гильотина. Но если ваша карта окажется выше, вы выпьете цианид. И я даю вам слово, что ни одна деталь этого дела никогда не будет предана гласности... Вы же в свое время были игроком, полковник. Вы ведь не побоитесь снова стать им сейчас?.. Я говорю вам, что верю вам на слово. Ни одной живой душе никогда не станет известно, какие карты вы вытянете.

Долгое время Мартель не отвечал. Застывшая в руке Бенколина никелированная телефонная трубка внушала нам суеверный ужас. Я представил себе старика в его сумрачной библиотеке, блестящую при свете лампы лысую голову, зарывшиеся в воротник сжатые челюсти, уставившиеся на бутылку с цианидом глаза под косматыми бровями... Стенные часы продолжали тикать с прежним постоянством...

— Очень хорошо, сударь, — произнес голос. Чувствовалось, что он на пределе. Голос звучал сухо, еле слышно. — Очень хорошо, сударь. Я принимаю ваш вызов. Подождите минуту, я достану карты.

Мари Августин выдохнула:

— Вы дьявол! Вы...

Она стиснула ладони. Внезапно ее отец визгливо захихикал, и это было отвратительно. Августин восхищенно выпучил глаза; он потирал руки, и слышно было, как при этом у него хрустят суставы. Он все еще покачивал головой: теперь это было похоже на радостное одобрение...

Снова пробили часы, из камина выпал еще один уголек, вдали прогудел клаксон автомобиля...

— Я готов, сударь, — громко и отчетливо произнес голос в телефоне.

— Тогда вытащите за меня и не забывайте, что это значит.

Сад в Сен-Жерменском предместье, шуршащий в ночи изодранными листьями. Поблескивающие рубашки карт и рука, тасующая их.

Я чуть не упал замертво, когда голос объявил:

— Ваша карта, сударь, пятерка бубен.

— Ага, — сказал Бенколин, — не очень большая карта, полковник! Ее нетрудно побить. Очень даже просто. А теперь подумайте обо всем, что я вам сказал, и вытяните за себя.

Его полуприкрытые глаза насмешливо посмотрели на меня...

Тик-так, тик-так — неумолимо отстукивали в тишине стенные часы. С визгом и гроыханием под окнами проносились машины; Августин хрустел суставами пальцев...

— Ну так как, полковник? — чуть повысив голос, спросил детектив.

В трубке что-то закрипело. Побледневший Шомон резко отвернулся.

— Моя карта, сударь...

Скрипучий голос запнулся. Послышался тяжелый вздох... За ним последовал тихий шипящий звук, словно выдох через искривленные в улыбке губы, и негромкий звон стекла, упавшего на твердую деревянную поверхность.

Раздался отчетливый, твердый и вежливый голос:

— Моя карта, сударь, тройка пик. Я буду ждать прихода полиции.

John Dickson Carr

1906—1977

Джон Диксон Карр — один из крупнейших американских писателей, авторов детективов. Он родился в Юнионтауне, штат Пенсильвания, в юности готовился к карьере юриста, но вскоре занялся журналистикой. С 1938 по 1941 год жил в Великобритании, получил там образование и работал в Британской радиовещательной корпорации. Карр был членом нескольких элитарных клубов Лондона (в том числе «Савиджа» и «Гаррика»), президентом Американского общества писателей детективного жанра («Mystery Writers of America»). Последние годы жизни провел в своем доме в Нью-Йорке, где собрал богатую коллекцию детективных романов.

Джон Диксон Карр создал огромное количество художественных произведений. Критики ценят его творчество за «простоту и изобретательность», а также за «ненавязчивость технических приемов». Он писал до шести романов в год. Назовем лишь некоторые из них: «Разбудить мертвого» («To Wake the Dead», 1937), «Темные очки» («The Black Spectacles», 1939), «Спящий сфинкс» («The Sleeping Sphinx», 1947), «В безлунную ночь» («Dark of the Moon», 1967), «Читатель предупрежден» («The Reader is Warned», 1939, под псевдонимом Картер Диксон). А своей работой «Жизнь сэра Артура Конан Дойла» («The Life of Sir Arthur Conan Doyle», 1949) Карр заявил о себе как о знатоке жизни и творчества известного писателя.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
-----------------------	---

УБИЙСТВО В МУЗЕЕ ВОСКОВЫХ ФИГУР *Перевод В. Артемова*

Глава I	9
Глава II	24
Глава III	37
Глава IV	49
Глава V	59
Глава VI	75
Глава VII	91
Глава VIII	107
Глава IX	123
Глава X	138
Глава XI	153
Глава XII	168
Глава XIII	183
Глава XIV	194
Глава XV	207
Глава XVI	218
Глава XVII	232
Глава XVIII	242
Глава XIX	253
Об авторе	263

Литературно-художественное издание

**ДЖОН ДИКСОН КАРР
УБИЙСТВО В МУЗЕЕ
ВОСКОВЫХ ФИГУР**

Автор проекта и ответственный редактор серии
Маргарита Былинкина

Редактор Ольга Миклухо-Маклай

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректоры Елена Омеляненко, Татьяна Виноградова

Верстка Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

ЛП № 000116 от 25.03.99.

Подписано в печать 16.07.2000.

Формат издания 76×90 1/32. Печать высокая.

Гарнитура «Петербург». Тираж 9000 экз.

Усл. печ. л. 12. Изд. № 244. Заказ № 1286.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

“БИБЛИОТЕКА КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА “СЕДЬМОЙ КРУГ”

составленная Х. Л. Борхесом и А. Биой Касаресом

Готовятся к выходу:

Э. Беркли. Дело об отравленных шоколадках
Н. Блейк. Минута на убийство
Дж. Д. Карр. Убийство в музее восковых фигур
Р. Макдональд. Не буди зверя
Г. Грин. Ведомство страха
С. Форестер. Возмездие в рассрочку

Серия является переизданием на русском языке «Библиотеки классического детектива “Седьмой круг”», составленной великими интеллектуалами и непревзойденными знатоками литературы Хорхе Луисом Борхесом и Адольфо Биой Касаресом. Из безбрежного моря детективной литературы они выбрали наиболее удачные, на их взгляд, произведения, написанные в Англии, США, Франции, Германии и других странах. Всем этим книгам присущи безупречный вкус, мастерская интрига и подлинный психологизм, способные удовлетворить самого взыскательного литературного гурмана.

«Детектив - это интеллектуальный жанр, основанный на фантастическом допущении того, что в раскрытии преступления главное не доносы предателей или промахи преступника, а способность мыслить...»

Х.Л.Борхес. Из эссе «Детектив»